

576647

И(ПОЛ)

П85

Форм. ....
№ .....

Гравець
177-40

Поверніть книгу не пізніше
зазначеного терміну

5

И (пол)
П 85

Не выдаваться
до дому

ФОРПОСТЪ.

590

РОМАНЪ

БОЛЕСЛАВА ПРУСА.

5766472

ПЕРЕВОДЪ СЪ РАЗРЪШЕНІЯ АВТОРА

А. Г. САХАРОВОЙ.

216 97

~~1029039~~

Запорожская
обл. библиотека
им. А. М. Горького

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Довродьева, Ковенскій переулокъ, д. № 11

1887.

1790

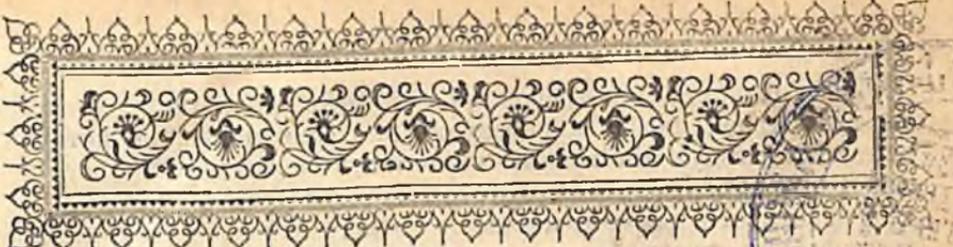
№ 1234

№ 1234

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3-го января 1887

118873

СНОУС

ФОРПОСТЪ.

РОМАНЪ.

I.

Истокъ рѣки Вялки вытекаетъ изъ подъ пригорка, который не выше хаты. Онъ выдѣбиль въ каменистой почвѣ котловину, гдѣ вода бунуетъ и кипитъ, какъ-бы терзаемая петербургской жаждой выбраться на свѣтъ. Самыя безпокойныя частицы водяной массы отрываются отъ ея поверхности. Невидимыя днемъ, онѣ сбѣгаютъ ночью какъ-бы для совѣщанья, сгущаются и образуютъ мгlistый туманъ надъ истокомъ.

Туманъ разсѣвается по полямъ и, для отлива воды, избираетъ мѣсто наиболѣе удобное. Гдѣ только туманъ разсѣвается въ воздухъ, тамъ вода или дремлетъ въ болотахъ, или прячется неглубоко подъ землю, или, открыто прорывъ себѣ русло, течетъ проворнымъ потокомъ.

Въ такой формѣ вода перестаетъ быть неодушевленнымъ предметомъ; является скорѣе живымъ существомъ, которое куда-то стремится и чего-то ищетъ съ посиѣшностью. Когда камень заградитъ ей дорогу, она подмываетъ его, нападаетъ со всѣхъ сторонъ, обсыпаетъ пескомъ, забирается въ щели, пока, наконецъ, она не отодвинетъ его въ сторону или не раскрошитъ. Встрѣчая пригорокъ—она его окружитъ. Наткнувшись-же на возвышенное мѣсто—она вдругъ измѣняетъ направленье, раздѣляется на ручейки, иногда притворяется, что возвращается назадъ; но она до тѣхъ поръ буравитъ и смываетъ землю, пока, наконецъ, не найдетъ вадлежащаго пути и ни потечетъ дальше, куда хотѣла.

Даже пропасть не тревожитъ ее. Безъ колебанья вливается она туда цѣлой массой и образуетъ изъ себя мостъ, по которому двигаются слѣдующія волны, неутомимыя и неудержимо стремящіяся впередъ.

Существуетъ какая-то симпатія между небомъ и водою. Небо съ любовью отражается въ ея поверхности, лучи солнца серебрятъ и золотятъ ея рябь, погружаются въ глубины рѣки и освѣщаютъ ея дно. Видно, они хотятъ ей помочь, чтобы ей легче было привести въ порядокъ песокъ и камушки, мѣшающіе движимое веселое население неба—облака и долгое время, тамъ, въверху видѣется только зялющая лазурная пустыня, тогда рѣка худѣетъ, а иногда высыхаетъ съ тоски. Но когда облака снова возвращаются въ свои владѣнія, легіоны ихъ тотчасъ спѣшатъ на помощь умирающей подругѣ. Небесные потоки насыщаютъ изсякшій земной потокъ, вода, пѣнящаяся гнѣвомъ, выступаетъ изъ своего русла и оплачиваетъ землѣ за свое униженіе разливомъ.

Вскорѣ, однако, гнѣвъ утихаетъ. Облака снова начинаютъ свое вѣчное странствованіе, а успокоенная рѣка снова бѣжитъ впередъ между лужайками, пригорками и лѣсомъ. Она течетъ по мягкому чернозему, по зеленой травѣ или среди объятыхъ сномъ болотъ. Течетъ, извиваясь тысячами колецъ, какъ змѣя, точно она гонится за кузнечиками или хочетъ убѣжать отъ горбатыхъ вербъ, которыя, разглядывая въ ея зеркалѣ свое уродство, шепчутъ грустные жалобы. Но вербы всегда подберутся къ рѣкѣ. Увернется она отъ нихъ на право, вербы подойдутъ къ ней съ лѣвой стороны. Убѣжить прямо, какъ стрѣла, а докучливыя обожательницы столчатся по правой и лѣвой сторонамъ и, нахмурившись, печально глядятъ въ воду потухшими глазами.

На разстояніи одной мили Бялка течетъ равниной. Окрестность, не смотря на встрѣчающіяся возвышенности, походить на округлый столъ, прикрытый голубымъ колакомъ. Лѣса, деревни, одинокія деревья въ полѣ, кресты на перекресткахъ, все видно, какъ на ладони, хотъ уменьшенное и расплывающееся въ туманѣ, благодаря разстоянію. Небо тутъ имѣетъ куполообразную форму, замѣтно искривляется и уже совершенно опирается о землю на гранитъ горизонта. Кажется, что если-бы человѣкъ обладалъ достаточно длинными руками, то, стоя посреди поля, онъ могъ-бы одной рукой достичь тѣхъ дверей, изъ которыхъ солнце восходитъ, другую-же тѣхъ, черезъ которыя оно отправляется спать.

Продолжая идти на югъ по теченію рѣки, пройдя милю, мы

наталкиваемся на совершенно другую мѣстность. Берега Бялки возвышаются, потомъ образуютъ ущелье. Впослѣдствіи ущелье теряется между холмами и по другую ихъ сторону является уже въ формѣ обширной долины. Безконечный горизонтъ вдругъ суживается, небо утрачиваетъ свою искривленность, а земля изъ круглой плоскости становится подобной удлиненному блюду. Бялка выбрасывается на лужайку со всѣхъ сторонъ, окруженная холмами.

Эти холмы съ востока образуютъ громадный трехъ-этажный амфитеатръ. Первый этажъ построенъ изъ чернозема, въ одномъ мѣстѣ на пемъ виднѣется деревня, крестьянскія поля и сады. Второй этажъ, болѣе обширный, образовался изъ глиняной почвы. Тутъ стоитъ помѣщичья усадьба, а направо и налево, куда ни взглянешь, тянутся помѣщичьи поля, въ формѣ большихъ прямоугольниковъ, подраздѣленныхъ на десятины. Третій этажъ, верхній, занимаетъ песчаная почва; тутъ никто не живетъ, а сѣютъ только овесъ или сажаютъ картофель.

Еще выше, за послѣдней межей и послѣдней кучкой сосенъ, виднѣются только лысыя головы холмовъ, на которыхъ опирается одинъ край плоскаго неба.

Насколько на восточной части долины замѣтна обработка и населенность, настолько западная смотритъ дикою. Лужайка тутъ соприкасается со стѣнами крутыхъ холмовъ, изрытыхъ ущельями и засыпанныхъ известковымъ пескомъ. Кое-гдѣ растетъ кустъ терновника, карлица-березка, или черешня, такая больная, что она ужъ не даетъ плодовъ. Часто виднѣются клочки земли, съ которыхъ какъ-бы содрапа нукура. Самое выносливое растеніе убѣгаетъ отсюда, а мѣсто зелени заступаетъ глина, сѣдые слои песку, или камень, скалящій на лужайку свои зубы, похожіе на зубы трупа.

Сѣверную границу долины, въ которую вливается Бялка, образуютъ отдѣльные холмы, похожіе на большіе муравейники. Большинство ихъ необработано, поросло терновникомъ и принадлежитъ помѣщику. На нихъ иногда лѣтомъ пасется помѣщичье стадо. Три-же холма и между ними одинъ высочайшій въ окрестности съ сосной на вершинѣ принадлежатъ крестьянину Юзефу Слимаку.

Это поселокъ подобный пустыни, далекій отъ деревни и отъ усадьбы. Онъ заключаетъ въ себѣ десять десятинъ пахатной земли. На картѣ-же земля имѣетъ форму трехъугольника, верхушка котораго примыкаетъ къ долинѣ, а сѣверная къ яровымъ. Восточной границей земли Слимака являются помѣщичьи луга и рѣка Бялка, а западной—проселочная дорога. Подобно желтой лентѣ опоясываетъ она долину вкось и соединяетъ усадьбу и де-

ревню въ долину съ другой деревней, которая расположена высоко на равнинѣ и въ которой есть приходская церковь.

У этой дороги ютятся постройки Слимака. Тамъ есть хата, однѣ двери которой выходятъ на дорогу, другія на дворъ, есть конюшня съ сараемъ и хлѣвомъ, накрытые одной крышей и, наконецъ, навѣсъ для телѣгъ. Все это размѣщено вдоль по бокамъ квадратнаго двора.

Долинскіе мужики подшучивали надъ Слимакомъ, что онъ живетъ въ изгнаньи, какъ сибирякъ. Правда, что въ церковь, — говорили они, — ему ближе, чѣмъ намъ; но за то ему не съ вѣмъ словечкомъ перекинуться.

Однако-же пустыня не была такъ безлюдна. Осенью въ теплый день можно было увидѣть на холмѣ бѣлую фигуру работника, который пахалъ землю парой лошадей, — или жену Слимака и дѣвуху-наймитку, обѣихъ въ красныхъ юбкахъ, когда онѣ копали картофель. Между холмами тринадцатилѣтній Іендрекъ Слимакъ обыкновенно пасъ коровъ, откалывая при этомъ удивительные прыжки. Поискавъ-же повнимательнѣе, мы-бы нашли еще восьмилѣтняго Стаська, съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами, который таскался по ущельямъ, или, сидя на холмѣ, подъ сосной, задумчиво смотрѣлъ въ долину.

Хуторокъ этотъ, капля въ океанѣ человѣческихъ интересовъ, былъ, однако, отдѣльнымъ міркомъ, проходившимъ различные фазисы и имѣвшимъ собственную исторію.

Было, напримѣри, время, что у Юзефа Слимака было только семь десятинъ земли, а въ хатѣ только жена. Вскорѣ, однако, судьба преподнесла ему два скюриза: жена его родила сына Іендрека, а хозяйство, благодаря увеличенію надѣловъ, увеличилось на три десятины земли.

Эти событія произвели большую перемѣну въ жизни крестьянина: онъ прикупилъ корову и свинью и началъ паимать деревенскихъ подещиковъ на земледѣльческія работы.

Нѣсколько лѣтъ спустя, явился на свѣтъ второй сынъ. Тогда Сликакова наняла въ себѣ на помощь старую работницу Собѣскую на пробу на полгода. Проба протянулась до трехъ четвертей года, потомъ стосковавшаяся по кормлѣ, Собѣская убѣжала ночью въ деревню, ея-же мѣсто заняла «глупая Зоська», опять на полгода. Сликаковой постоянно казалось, что по окончаніи наиболѣе слѣшной работы, она будетъ въ состояніи обойтись безъ служаки.

«Глупая Зоська» просидѣла у нихъ около шести лѣтъ, и хотя она впоследствии пошла на службу въ господскій домъ присматривать за свиньями, въ хатѣ, однако-же, работы не было. И

такъ, хозяйка взяла пятнадцатилѣтнюю сироту Мачду, у которой хотя и была своя корова, нѣсколько десятинъ земли и полъ хаты, но которая, однако-же, предпочитала идти въ люди, чѣмъ сидѣть на своемъ клочкѣ земли. Она говорила, что дядя очень билъ ее; дальнѣе-же родственники умѣли только учить ее покорности, утверждая, что чѣмъ больше палокъ дяди сломить падъ нею, тѣмъ лучше для нея.

Слимакъ постоянно самъ обрабатывалъ землю, рѣдко занимая работниковъ. Не смотря на это, онъ имѣлъ еще столько времени, что ходилъ съ лошадью на господскій дворъ или-же привозилъ изъ города товары жидкамъ, проживающимъ въ селѣ. Одежда-же, въ помѣщичьей усадьбѣ его все чаще звали на работу, поэтому Слимаку уже мало было поденщиковъ и онъ началъ подумывать о постоянномъ помощникѣ.

Однажды осенью, когда жена все больше приставала къ нему относительно работника, случилось, что изъ больницы возвращался М а т е к ъ О в ч а р ь, которому телѣга вывихнула ногу. Какъ-къ приходилось идти мимо хаты Слимака, а такъ какъ онъ былъ слабъ и измученъ, то онъ усѣлся на камень у воротъ и сталъ умильно заглядывать въ сѣни хаты. Тамъ хозяйка растирала для стада варенный картофель, такой разчудесный, что запахъ его вмѣстѣ съ клубами пара разносился по всему двору. У О в ч а р а даже забурчало въ животѣ отъ этого запаха, и онъ ужь совсѣмъ не могъ подняться съ камня.

— Это вы, Овчаръ?—проговорила Слимакова, едва узнавъ бѣднягу въ лахмотьяхъ.

— Знамо дѣло, я,—отвѣтилъ бѣдняга.

— Въ деревнѣ говорили, что васъ убило.

— Хуже чѣмъ убило, — вздохнулъ Матекъ, потому что меня отвезли въ больницу. За чѣмъ я не остался на мѣстѣ подъ телѣгой? Теперь у меня навѣрно былъ-бы почлегъ и я-бы не голодалъ....

Хозяйка задумалась.

— Если-бы человекъ могъ знать навѣрно, — сказала она черезъ минуту, — что ты не умрешь, то ты-бы могъ остаться у насъ работникомъ.

Бѣднякъ соскочилъ съ камня и пробрался въ хату, волоча за собою ногу.

— Съ чего мнѣ умирать? — воскликнулъ онъ. — Зубы у меня вѣдь здоровые и работать я могу за двоихъ, только-бы мнѣ чуточку отѣстсы. Дайте мнѣ борщъ съ хлѣбомъ и какъ только я поѣмъ, я нарублю вамъ цѣлый возъ дровъ. Подержите меня недѣлю на пробу и я всѣ эти горы вспашу. Буду вамъ служить за

старую одежду и заплатаемые сапоги, только-бы мнѣ пріютиться гдѣ-нибудь на зиму....

Тутъ Овчаръ замолкъ, удивленный, что онъ такъ много наболталъ, потому что онъ былъ неразговорчивъ отъ природы. Слимакова осмотрѣла его со всѣхъ сторонъ, накормила и, увидѣвъ, что онъ съѣлъ чашку борща и другую чашку картофеля, велѣла ему умыться въ рѣкѣ. Когда-же мужъ вернулся вечеромъ домой, она представила Матека въ качествѣ работника, который уже нарубилъ дровъ и накормилъ скотъ.

Слимакъ молча выслушалъ, въ чемъ дѣло. А такъ какъ сердце у него было сострадательное, то онъ сказалъ, пораздумавъ съ минуту:

— Ну, такъ оставайся у насъ, парнюга. Намъ будетъ лучше, тебѣ будетъ лучше; намъ будетъ хуже, тебѣ будетъ хуже. А если, когда, унаси Боже, въ хатѣ совсѣмъ неостанетъ хлѣба, то ты очутишься въ такомъ-же положеніи, какъ и теперь. Впрочемъ, человѣка отдохнувшего каждый охотнѣе возьметъ въ работники.

Такимъ образомъ въ хуторкѣ появился новый жилецъ. Тихій какъ муравей, вѣрный, какъ собака, и хоть калѣка, а трудолюбивый, какъ двѣ лошади.

Съ той поры, за исключеніемъ желтой собаки Бурки, въ Слимаковскомъ хозяйствѣ уже не было никакихъ прибавленій ни въ дѣтяхъ, ни въ прислугѣ, ни въ приобрѣтеніи. Жизнь хуторка дошла до полнѣйшаго равновѣсія. Всѣ труды, тревоги и надежды, всѣ души человѣческія вращались около единственной цѣли—поддержки существованія. Для этой цѣли цѣли наипитка носила дрова въ печку, или расчѣвая и подскакивая, бѣжала за картофелемъ на ледникъ. Для этого хозяйка на разсвѣтѣ соскакивала къ своимъ коровамъ или, жарилась у огня, отставляя и переставляя большіе горшки. Для этого, склонившись надъ плугомъ, потѣлъ Овчаръ или волочилъ свою хроную ногу за бороной. Наконецъ, для этой-же цѣли Слимакъ, шепча утреннія молитвы, ходилъ на разсвѣтѣ въ господскіе амбары, или отвозилъ проданную рожь жидкамъ въ городъ.

По этой-же самой причинѣ, отдыхая послѣ работы, они жаловались зимой, что мало снѣгу лежитъ на житѣ или тревожились о томъ, откуда взять настбица для скота? По этой-же причинѣ въ маѣ они просили у Бога дожда, а въ концѣ іюня ведряныхъ дней. По этой-же причинѣ угадывали по жнитву, сколько четвертей дастъ кошна и какія будутъ цѣны? Какъ пчелы около улья, роились ихъ мысли около великаго вопроса о насущномъ хлѣбѣ. Уклониться отъ такого направленія—имъ было трудно; совершенно отбѣяться отъ него—невозможно. Она даже говорили съ гор-

достью, что какъ баринъ существуетъ для того, чтобы развлекаться и приказывать, такъ мужикъ существуетъ для того, чтобы кормить другихъ и себя.

II.

Апрѣль мѣсяць. Послѣ обѣда семья Слимака стала расходиться по своимъ работамъ. Хозяйка, крѣпче подвязавъ на головѣ красный платокъ, закинула на плечи связку настираннаго бѣлья и побѣжала къ рѣкѣ. За нею пошелъ Стасекъ, присматриваясь къ облакамъ, которыя сегодня казались ему другими, чѣмъ вчера. Магда, наймитка, принялась мыть посуду отъ обѣда, напѣвая все громче: <ой, да! да!..> по мѣрѣ отдаленія отъ хаты хозяйки. Наконецъ, Іендрекъ толкнулъ Магду, дернулъ собаку за хвостъ и, провозительно насвистывая, побѣжалъ съ лопатой въ садъ копать гряды.

Слимакъ сидѣлъ у печки. Это былъ мужикъ средняго роста, съ широкой грудью и могучими плечами. Лицо у него было спокойное, усы коротко подстриженные, на лбу чолка, а сзади длинные волосы, падающіе на шею. Въ дерюжной рубахѣ у него алѣла у ворота стеклянная запонка, оправленная въ мѣдь. Локтемъ лѣвой руки онъ оперся на ладонь правой и покуривалъ трубочку; когда-же у него глаза зажмурились, а голова слишкомъ наклонилась впередъ, то онъ поправился на лавкѣ, оперся локтемъ правой руки на локоть лѣвой и опять покуривалъ трубочку.

Онъ пускалъ сѣдой дымъ, иногда отплевывая на средину избы, или перекладывая руки. Но когда чубучекъ началъ у него чиркать, какъ молоденькій воробушекъ, онъ раза два ударилъ трубочкой о лавку для того, чтобы высыпать золу, и поковырялъ ее пальцемъ. Наконецъ, онъ всталъ и, зѣвая, положилъ трубку на печку.

Онъ взмянулъ изъподлобья на Магду и пожалъ плечами. Бойкость дѣвушки, подскакивающей за мытьемъ посуды, возбуждала въ немъ состраданье. Онъ-бы ужъ такъ не подсажалъ, потому что онъ знаетъ, какъ тяжелѣютъ руки, ноги и голова, когда человѣкъ вдоволь пароботается.

Онъ обулъ толстые сапоги съ подковами, надѣлъ грубый армякъ, опоясался жесткимъ ремнемъ, на голову нахлобучилъ высовую барашковую шапку и почувствовалъ, что руки, ноги и онъ самъ еще болѣе отяжелѣли. Ему пришло въ голову, что послѣ

огромной чашки похлебки и второй чашки клецокъ съ сыромъ, было-бы лучше прилечь на солому, чѣмъ приниматься за работу. Но онъ превозмогъ себя и медленно вышелъ на дворъ. Въ армякѣ табачнаго пѣвта и черной шапкѣ онъ походилъ на низкій сосновый стволъ, закопченный сверху.

Ворота амбара были открыты и еще, какъ-бы на зло, изъ нихъ выглядывала пара сноповъ соломы, манившихъ Сликама къ дремотѣ. Но мужику отвернулся и взглянулъ на одинъ изъ своихъ пригорковъ, гдѣ въ это самое утро онъ посеялъ овесъ. Ему казалось, что на грядахъ онъ видитъ желтыя зерна, очень испуганная и напрасно старающаяся спрятаться подъ землю отъ стаи воробьевъ, клевавшихъ овесъ.

— Общипали-бы вы меня до нитки, — проворчалъ Сликама.

Тяжелой поступью приблизился онъ къ наѣсу и вытащилъ двѣ бороны, похожія на оконныя рѣшетки, утыканныя дубовыми палочками. Потомъ онъ вывелъ изъ конюшни своихъ гнѣдыхъ. Одна изъ нихъ зѣвала, другая шевелила губами и глядѣла на Сликама замуренными глазами, говоря въ душѣ:

— Не предпочелъ-ли бы ты, парень, вздремнуть самъ и не таскать насъ по горамъ? Мало, что-ли, мы набѣгались вчера?

Сликама на такой совѣтъ покачалъ головой. Онъ запряталъ гнѣдыхъ въ одну борону, прицѣпилъ къ ней другую и — поѣхали медленно. Они проѣхали зеленую лужайку за конюшней, взобрались на пепельный склонъ пригорка, наконецъ, достигли до вершины.

Глядя на нихъ сверху конюшни, казалось, что дюжій мужику и пара гнѣдыхъ съ опущенными головами тащатся по небесной лазури, сто шаговъ впередъ и сто шаговъ назадъ. Каждый разъ, какъ они доходили до границы засѣянаго поля, передъ ними улепетывала стая чирикающихъ воробьевъ и, какъ туча, летѣла за ними на противоположный конецъ. По временамъ они садились по бокамъ, продолжая кричать и удивляться, что Сликама засеиваетъ землей столько прекраснаго зерна.

«Глупый мужику! глупый мужику!.. что это за глупый мужику!» кричали воробы.

— Ага! проворчалъ Сликама, размахивая бичемъ. — Если-бы и слушала васъ, дармоѣдовъ, то даже вы замерзли-бы подъ плетнемъ. Они станутъ тутъ еще удивляться, лѣнтяи...

Ни веселья не встрѣчалъ Сликама при своей работѣ, ни поощренья. Недостаточно того, что воробы съ визгомъ критиковали его работу, то гнѣдыхъ презрительно взмахивали хвостами у него подъ носомъ — еще бороны вмѣсто того, чтобы идти впередъ, сопротивлялись ему изо всѣхъ силъ и каждый камушекъ, каждая

горсть земли на свой ладъ ставила ему препятствіе. Вотъ почти на каждомъ шагѣ спотыкаются усталыя гнѣдныя, а когда Слиммакъ крикнетъ: «впередъ, дѣтушки!»—лошади, правда, двинутся, но оплѣть-таки бороны ихъ бунтуютъ и тащатъ назадъ. Когда измученныя усиліями, онѣ пустятъ бороны, то опять-таки каменья дѣзутъ лошадямъ подъ копыта и ему подъ ноги, или заткнутъ боронамъ зубы, а часто и поломаютъ не одинъ. Даже земля сопротивлялась ему, неблагодарная.

— Ты хуже свиньи!—обозлился мужикъ.—Если-бы я свинью такъ скребъ скребищей, какъ тебя боронами, она-бы не только спокойно улеглась, но еще-бы хрюкнула въ благодарность. А ты постоянно щетивнишься, словно я обижаю тебя...

За оскорбленную вступилось солнце и бросило громадный сплѣтъ свѣта на пепельную землю, на которой тамъ и сямъ видѣлись темныя или желтоватыя пятна.

— Вонъ взгляни,—говорило солнце.—Видишь этотъ черный пластъ? Такимъ чернымъ былъ весь пригорокъ, когда твой отецъ сбѣжалъ на немъ пшеницу. А теперь взгляни на этотъ желтый пластъ: тутъ ужъ глина проглядываетъ изъ-подъ чернозема и вскорѣ заполонитъ всю твою землю.

— А чѣмъ-же я въ этомъ виноватъ? отвѣтилъ Слиммакъ.

— Не ты-ли виноватъ?—шептала, въ свою очередь земля.—Самъ ѣшь три раза въ сутки, а меня какъ часто кормишь?.. Дай Боже разъ въ восемь лѣтъ. А много-ли мнѣ даешь? Песъ-бы издохъ на такой нищѣ. И чего тебѣ жаль для меня, сироты?.. Право, стыдно сказать, ты скупишься дать мнѣ навоза.

Сокрушенный крестьянинъ свѣсилъ голову.

— Ты самъ спишь, если тебя жена не растолкаетъ, и по два раза въ сутки; а мнѣ—какой даешь отдыхъ? Разъ въ десять лѣтъ и то еще скотъ меня топчетъ. И я должна довольствоваться твоей вспашкой? Попробуй не дать сѣна, не выстели хлѣва коровамъ, только скреби ихъ щеткой и увидишь, будетъ-ли у тебя молоко? Падетъ у тебя скотъ, волость пришлетъ ветеринара, что-бы онъ добилъ остальной и даже не кунитъ шкуры съ такого скота.

— Ой, Господи, Господи!—вздыхалъ мужикъ, сознавая, что земля права. Но, не смотря на раскаянье, никто не скалился надъ его горемъ. Наоборотъ минутами поднимался западный вѣтеръ и, запутавшись между изсохшими стеблями на межѣ, насвистывалъ ему въ ухо:

— Небось, задамъ я тебѣ!.. Нагоню такой дождь, табой потоплю, что остатки чернозема выполощу тебѣ на дорогу или на помѣщичью лужайку. Хоть-бы собственными зубами боронилъ и

то еще съ каждымъ годомъ тебѣ будетъ все менѣе и менѣе радости. Все прахомъ пойдетъ.

Вѣтеръ угрожалъ не попусту. При жизни покойнаго стараго Сликама, въ этомъ мѣстѣ собирали по десяти четвериковъ пшеницы съ десятины. Теперь и за семь четвериковъ жита надо Бога благодарить, а что будетъ черезъ два-три года?

— Вотъ мужицкая доля! проворчалъ Сликама. — Работай, работай, а все только изъ одной бѣды влопаешься въ другую. Иначе-бы я хозяйничалъ, если-бы дожидаться еще одной коровушки и хотѣ-бы вотъ этой лужайки...

Онъ указалъ бичемъ на лужайку у Бялки. «Глуный мужикъ! Что это за глухой мужикъ!» чиркали воробьи.

Взгляни, какъ глина выталкиваетъ у тебя черноземъ, — пока-зывало солнце.

Ты моришь меня голодомъ, не даешь мнѣ отдыха, — стонала земля.

Дурень, ты дурень, — ворчали гнѣвно зубатки, а лѣвивыя бо-роны.

Хи! хи!.. смѣялся вѣтеръ въ изсохшихъ стебляхъ.

— Вотъ доля! прошепталъ Сликама. — Хотѣ-бы помѣщикъ или управляющій, такъ тебя, парень, шпынялъ, еще-бы горя мало. Но нѣмая тварь и то ужъ добраго слова отъ ней не услышишь.

Онъ заткнулъ пальцы въ волосы, такъ что шанка у него сдвинулась на лѣвое ухо и остановилъ лошадей, желая оглядѣться и растерять печальныя мысли гдѣ-нибудь на поляхъ.

Между хатой и дорогой Гендрекъ копалъ землю лопатой и отъ времени до времени бросалъ камень въ птиць, или распѣвалъ фальшиво:

Ухъ, пуцуся я, пуцуся
Криволякъ плясать,
Съ полу цепки и подметки
Отъ сапогъ летать...

Или-же онъ стучалъ въ окно хаты и визжалъ на зло Магдѣ:

Я, ей-Богу, и, ей-Богу,
Тебя не признала,
Я тебѣ-бы двери, Стася,
Открыть приказала.

А ова ему изъ избы на тотъ-же мотивъ:

Хотѣ бѣдна я, а не стану
Матушки-старухѣ
Но угоды давать, какъ нищей
Чертежи краюки...

Слимакъ отвернулся къ лужайкѣ и увидѣлъ свою жену, сложившуюся подъ мостомъ, которая въ рубахѣ и легкой юбочкѣ колотила бѣлье валькомъ, такъ-что эхо разносилось по долигѣ.

На лужайкѣ былъ и Стасекъ, но онъ ужъ оставилъ мать и шелъ вверхъ рѣки, къ яровымъ. Иногда онъ становился на колѣни на берегу и, опершись на руки, долго глядѣлъ въ воду.

— Любопытно, что онъ тамъ высматриваетъ? прошептала мужикъ съ усмѣшкой. Стасекъ былъ его любимымъ сыномъ и притомъ-же особеннымъ ребенкомъ, который часто видѣлъ вещи, недоступныя обыкновенному взгляду.

Слимакъ взмахнулъ бичемъ и лошади тронулись. Опять заворчали бороны, воробьи снова вспорхнули у него надъ головой, вѣтеръ снова свисталъ въ стебляхъ куколы, но у мужика уже проносились другія мысли.

— Сколько-же у меня земли?—разсуждалъ онъ.—Десять десятинъ, а въ ней нѣтъ ни чуточки луговины. Если-бы я засѣвалъ каждый годъ только шесть или семь десятинъ, а остальные оставилъ подъ паръ, то чѣмъ-бы я накормилъ мою бѣдность? А работники—онъ столько-же съѣстъ, сколько и я, и хоть хромою, беретъ пятнадцать рублей за работу. Магда съѣстъ меньше, но зато и сработаетъ столько, сколько собака наплачетъ. Все счастье, что меня хоть зовутъ въ господскій домъ, или какой-нибудь жидъ найметъ въ извозъ, или жена продастъ масла и яицъ, или поросенка откормитъ и что-же изъ всего этого? Божеское милосердіе, если спрячешь въ сундукъ въ цѣлый годъ пятьдесятъ рублей. Однако-же, когда мы повѣщались и согнаъ человекъ не дивился...

Дай тутъ землѣ навозу, когда тебѣ едва хватить хлѣба для собственнаго рта, а сѣно и овесъ приходится покупать на господскомъ дворѣ. Приди-ка помѣщику охота не продать тебѣ пастбища или не позвать тебя на работу,—такъ что? хоть издохни съ голоду, а скотъ выгони на рынокъ... Однако-же у меня, думалъ Слимакъ—нѣтъ столько земли, сколько у Гриба, или у Лукашка, или у Сарнецаго. Это бары. Одинъ съ своей бабой ѣздитъ въ церковь въ телѣгѣ, другой ходитъ въ фуражкѣ какъ бочаръ, третій каждый годъ хотѣлъ-бы старосту съ мѣста согнать и самъ прицѣпиться къ цѣпи. А ты, человекъ, бѣдствуй на десяти десятинахъ и еще кланяйся управляющему въ землю, чтобы онъ помнилъ о тебѣ. Пусть себѣ тамъ идетъ, какъ шло до сихъ поръ,—заключилъ мужикъ. — Легче быть ксендзомъ на полосѣ земли, чѣмъ нищимъ на десятинѣ. Если-бы у меня было больше скота и лужайка, такъ я те просилъ-бы милости у помѣщиковъ и посѣялъ-бы клеверу...

На дорогѣ за рѣкой поднялось облако пыли. Слимакъ подмигнулъ его и узналъ, что кто-то, какъ-бы отъ помѣщичьяго дома,

ѣдетъ верхомъ къ мосту. Это была странная ѣзда. Облако пыли то двигалось впередъ, то иногда удалялось назадъ, даже на нѣскольکو шаговъ. Повременамъ оно такъ опадало, что глаза мужика могли разглядѣть коня и всадника, по временамъ-же такъ увеличивалось и вздымалось на дорогѣ, точно подымалась буря. Сликакъ придержалъ лошадей, заслонилъ глаза рукою и размышлялъ:

— Странное дѣло, какъ онъ ѣдетъ и кто это? Это ни псмѣшникъ, ни кучеръ, даже вѣрно не католическая душа, но и вжидь?.. Жидъ аккуратъ такъ вертится на клячѣ, какъ этотъ; и опять-таки жидъ не пускалъ-бы лошади такъ смѣло. Должно быть, это какой-нибудь нездѣшній или сьумасшедшій...

Между тѣмъ всадникъ настолько приблизился къ мосту, что Сликакъ могъ лучше присмотрѣться къ нему. Это былъ баринъ сухощавый, въ свѣтломъ костюмѣ и бархатной фуражкѣ на головѣ. У него было пенсне на носу, папироса во рту и хлысть подъ мышкой, поводья-же онъ держалъ въ обѣихъ рукахъ, которыя у него постоянно скакали между лошадиной шеей и собственной бородой. Искривленными погами онъ такъ крѣпко обхватывалъ сѣдло, что панталоны у него отвернулись до колѣнъ и надъ сапогами безъ голенищъ виднѣлось бѣлое полотно.

Человѣкъ, наименѣе знакомый съ искусствомъ верховой ѣзды, могъ угадать, что всадникъ въ первый разъ сѣлъ на лошадь, а лошадь въ первый разъ везетъ подобнаго всадника. Минутами оба въ прекрасной гармоніи ѣхали иноходью; вдругъ, однако, подскакивающей на сѣдлѣ кавалеристъ терялъ равновѣсіе, дергалъ поводья, а лошадь, чуткая ко всякому прикосновенію, сворачивала на бокъ иди останавливалась на мѣстѣ. Въ такую минуту всадникъ начиналъ причмокивать и колѣнами сжимать сѣдло, а видя, что это не помогаетъ, старался вытащить хлысть изъ-подъ мышки. Тогда лошадь, догадываясь, въ чемъ дѣло, снова начинала бѣжать иноходью, поощряя еъ необычайнымъ движениемъ руки, ноги, голову и туловище всадника, который начиналъ походить на куклу, спитую изъ нѣсколькихъ несоразмѣрныхъ доскутковъ.

Иногда, отчаявающаяся, хотя и смиренная лошадь пускалась галопомъ. Тогда всадникъ какимъ-то чудомъ сохранялъ равновѣсіе на сѣдлѣ и, вдохновляемый быстрой ѣздой, давалъ волю фантазіи. Онъ мечталъ, что онъ капитанъ кавалеріи и что онъ во главѣ эскадрона стремится на атаку. Но вдругъ руки, еще непривыкшія къ офицерскому титулу, дѣлали какос-то излишнее движеніе и лошадь вдругъ останавливалась, а баринъ ударялся ей въ шею носомъ и папиросой.

Все это, однако-же, не портило его настроенія, потому что онъ

съ дѣтства вздыхалъ по верховой ѣздѣ и только теперь имѣлъ случай до-сыта натѣшиться ею.

Но временамъ лошадь, когда совсѣмъ спускались поводыя, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, поворачивала по направленію къ деревнѣ. Тогда всадникъ видѣлъ толпу собакъ и дѣтей, которые гнались за нимъ съ изъявленіями удовольствія, а демократическое сердце его переполнилось сочувственной радостью. Нужно сказать, что кромѣ склонности къ рыцарскимъ упражненіямъ, онъ страстно любилъ тотъ народъ, который онъ зналъ въ той-же самой степени, какъ и искусство держаться въ стремени. Однако черезъ минуту онъ справлялся съ порывомъ любви къ народу, снова пробуждалъ въ себѣ кавалерійскіе инстинкты и, съ помощью сложныхъ усилій, сворачивалъ обратно къ мосту. Очевидно, онъ намѣревался проѣхать поперекъ долину.

— Эге! это, должно быть, шуринокъ помѣщика, тотъ, который долженъ былъ пріѣхать изъ Варшавы, — проговорилъ про себя по-веселѣвшій Слимакъ. Жонку выбралъ себѣ нашъ баринъ на славу и даже не долго за ней ухаживалъ; но за такимъ шуриномъ ему пришлось, вѣрно, порядочно излѣздить... Въ нашихъ странахъ скорѣе встрѣтишь медвѣдя, чѣмъ человѣка, который такъ сидитъ на лошади. За то онъ глуше пастуха, хоть и бариновъ шуринокъ... но все-же бариновъ шуринокъ.

Пока Слимакъ такимъ образомъ оцѣнивалъ друга народа, всадникъ выбрался на мостъ. Трескъ вальса обратилъ его вниманіе, потому-что онъ свернулъ лошадь къ периламъ и съ вышины сбѣда вытянулъ голову надъ водою. Тоненькое туловище и вздернутый козырекъ фуражки дѣлали его похожимъ на журавля.

— Чего ему тамъ надо? — подумалъ мужикъ.

Барчукъ видно хотѣлъ о чемъ-то спросить бабу, потому-что она встала съ колѣнъ и подняла голову вверхъ. Ея юбка была высоко подоткнута и Слимакъ только теперь замѣтилъ, какія у этой бабы бѣлая и красивыя колѣни, такъ что его даже дремлю пробрала.

— Чего ему, чортъ побери, надо отъ бабы? — повторялъ Слимакъ. — Сидитъ на лошади, какъ рохля, а туда-же съ бабами заигрываетъ. Могла-бы и моя, правда, немного спустить подолъ, а не подтыкаться такъ безобразно. Все-же это бариновъ шуринокъ.

Бариновъ шуринокъ съѣхалъ съ моста, съ немалымъ трудомъ направилъ лошадь къ рѣкѣ и остановился тутъ-же подлѣ Сликамовой. Мужикъ уже не ворчалъ, а только приемотривался къ нимъ все внимательнѣе. Колѣни жены казались ему еще бѣлѣе.

Вдругъ случилась странная вещь. Барчукъ протянулъ руку, какъ-бы къ бусамъ на шеѣ жены Сликама, она же такъ энергично

взмахнула валькомъ, что испуганная лошадь выскочила изъ воды на дорогу, а всадникъ кольями обнялъ ее за шею.

— Что ты дѣлаешь. Ягга! взвизгнулъ Слимакъ. — Вѣдь это баридовъ шуринъ, ты глупая...

Но крикъ его не долетѣлъ до Ягги, а барчукъ вовсе не обидѣлся на маневръ съ валькомъ. Опъ послалъ Сликаковой поцѣлуй рукою и, поправившись въ стременахъ, стиснулъ лошадь пятками. Умное животное угадало его намѣреніе. Оно вытянуло шею и быстрой рысью помчалось по направленію къ хатѣ Сликаковъ. Но счастье снова не повезло барчуку: нога у него выскользнула изъ стремени, поэтому опъ обѣими руками схватилъ лошадь за гриву и началъ кричать во все горло: «тиру!... стой ты, дьяволь!..»

Іендрекъ услышалъ крикъ и взобрался на ворота; увидѣвъ-же странно одѣтаго барчука, разразился смѣхомъ, тогда лошадь скакнула влѣво и такъ тряхнула всадника, что бархатная фуражка слетѣла у него съ головы.

— Подними-ка шапку, любезный!... крикнулъ барчукъ Іендреку, уносимый дальше.

— А самъ, панъ, подыми, когда теряешь... Ха! ха! — смѣялся Іендрекъ и захопалъ въ ладоши, чтобы еще больше испугать лошадь.

Все это видѣлъ и слышалъ его отецъ. Въ первую минуту у него просто языкъ отнялся отъ дерзости мальчика, но опъ тотчасъ опомнился и крикнулъ сердито:

— Ты, косматый пестъ, Іендрекъ!.. Подай-же шапочку исповель-можному паничу, когда я тебѣ приказываю.

Іендрекъ взялъ двумя пальцами фуражку и, держа ее вдали отъ себя, податъ всаднику, который, наконецъ, сдержалъ лошадь.

— Спасибо, большое спасибо... проговорилъ барчукъ, смѣясь не хуже Іендрека.

— Іендрекъ! собачій смѣхъ, а зачѣмъ ты передъ барчукомъ шапки не снимаешь?.. кричалъ съ горы Слимакъ.

— А для чего мнѣ передъ каждымъ шапку ломать? — отвѣтилъ дерзкій подростокъ.

— Превосходно!.. очень хорошо!.. радовался барчукъ. — Подожди, я дамъ тебѣ за это гульденъ. Свободный гражданинъ не долженъ ни передъ кѣмъ унижаться.

Слимакъ не раздѣлялъ демократическихъ теорій барчука. Опъ бросилъ возжи гнѣдыхъ и съ шапкой въ одной и хлыстомъ въ другой рукѣ, бѣжалъ къ Іендреку.

— Гражданинъ! обратился барчукъ къ Сликаку, гражданинъ, прошу тебя не обижай его... не подавай независимаго духа... не...

Опъ хотѣлъ разсуждать еще, но соскучившаяся лошадь унесла

его по направлѣнію къ мосту. По дорогѣ всадникъ проѣхалъ мимо возвращающейся домой Сликаковой и, снявъ запыленную фуражку и размахивая ею, кричалъ:

— Пани, не позволяйте бить мальчугана!..

Иендрекъ уже исчезъ между строеніями, барчукъ вторично переѣхалъ черезъ мостъ, но Сликакъ еще стоялъ на мѣстѣ съ бичемъ въ одной и шапкой въ другой рукѣ, озадаченный тѣмъ, что случилось: какой-то чудакъ, который загрызвалъ съ его женой и радовался дерзости Иендрека, его честнаго крестьянина называть гражданиномъ, а жену его пани...

— Фармазонъ!—проворчалъ онъ.

Онъ накрылъ голову и сердитый вернулся къ лошадямъ.

— Ну, дѣтушки!.. Вотъ такъ свѣтъ настаетъ, небось, крестьянскій сынъ не хочетъ поклониться барину, а баринъ его еще хвалить за это. Таковский-же онъ и баринъ. Правда, что бариновъ шуринокъ, но должно быть у него что-то неладно въ головѣ, неладно! Ну, дѣтушки! Вскорѣ не станетъ баръ, а ты, мужикъ, хоть издыхай. Га, можетъ, Иендрекъ, какъ выростетъ иначе устроится, потому-что онъ мужикомъ не будетъ, что пѣтъ, какъ пѣтъ. Ну, дѣтушки!..

Ему казалось, что онъ видитъ Иендрека въ сапогахъ безъ голенищъ и въ бархатной фуражкѣ.

— Тьфу! отплюнулся онъ.—Пока я глазъ не закрою, ты, песъ косматый, не одвѣнешься такъ. Ну, дѣтушки! Все-же надо сегодня проучить его, потому-что онъ такъ заупрямится, что еще, когда-нибудь, передъ самимъ помѣщикомъ шапки не сниметъ, а я заработокъ потеряю. Вотъ такъ бѣду-бы накликалъ, а все черезъ бабу, которая постоянно буптуетъ парнишку. Нечего дѣлать, надо ему кости пересчитать.

Теперь Сликакъ снова замѣтилъ пылъ на дорогѣ, но со стороны равнинъ и увидѣлъ, какъ-бы двѣ тѣни, одну высокую, а другую продолговатую. Продолговатая шла за высокой и кивала головой.

— Кто-то корову ведетъ,—подумалъ мужикъ,—по вѣдь не на базаръ? Надо проучить мальчугана и святой Боже не поможетъ... Что это за корова? Ну, дѣтушки. Ой, если-бы у меня была еще одна коровушка и хоть вотъ этотъ клочекъ луговины!..

Онъ слѣхалъ съ вершины холма и началъ бороздить его склопъ, обращенный къ Вилкѣ. Надъ рѣкой онъ увидѣлъ Стасека, но за то потерялъ изъ виду свой хуторокъ и таинственнаго мужика съ коровой. Руки у него опускались, ноги едва волочились отъ усталости, но всего тяжелѣе была для него увѣренность, что онъ никогда хорошенько не отдохнетъ. Окончить свою работу, долженъ

идти въ господскій домъ. — окончить работу у помѣщика, долженъ идти въ мѣстечко, потому что иначе чѣмъ-бы онъ жилъ?

— Если-бы человѣку хоть когда-нибудь пришлось хорошенько вылежаться! — размышлялъ онъ. — Ба, если-бы у меня, было больше земли или хоть еще одна коровушка и эта лужайка, то-бы я лежалъ...

Уже съ полчаса онъ расхаживалъ по новому мѣсту за боронами, подшмокивая лошадейъ или мечтая о томъ, какъ-бы вылежаться, когда онъ вдругъ услышалъ:

— Юзефъ! Юзефъ!...

И онъ увидѣлъ на холмѣ свою бабу.

— Ну, а что тамъ? спросилъ мужицъ.

— Знаешь-ли ты, что случилось? — проговорила задыхающаяся хозяйка.

— Откуда-же мнѣ знать, — отвѣтилъ немного смущеннымъ мужицъ. — Новая подать, что-ли? пронеслось у него въ головѣ.

— Къ намъ пришелъ дядя Маглы, знаешь, этотъ Гроховскій, Богтсхъ...

— Можетъ быть, онъ хочетъ забрать дѣвку? пусть онъ ее беретъ.

— Очень нужна ему дѣвка. Онъ пришелъ съ коровой и хочетъ продать Грибу за тридцать пять рублей бумажками и серебряными рубль за веревку. Чудо что за корова, говорю тебѣ.

— Пускай ее продаетъ, что мнѣ за дѣло до нея?

— Тебѣ такое дѣло до нея, что мы ее купимъ. — проговорила Слимакова рѣшительнымъ тономъ.

Мужицъ опустил бычъ и, склонивъ голову, глядѣлъ на жену.

Хотя онъ давно вздыхалъ о третьей коровѣ, однако-же расходъ нѣсколькихъ десятковъ рублей и такая внезапная перемѣна въ хозяйствѣ показалась ему чудовищной вещью.

— Дѣшии тебя опуталъ, что-ли?... — спросилъ онъ.

Баба подбоченилась.

— Что ему меня опутывать? — проговорила она, возвысивъ голосъ. — Что это — меня ужъ на корову не станеть? Грибъ купилъ своей бабѣ телѣгу, а ты мнѣ и скотики жалѣешь?... Вѣдь есть же двѣ коровы въ хлѣвѣ, а развѣ онъ тебя тревожатъ?... А развѣ была-бы у тебя дѣльная рубаха, если-бы не эти коровушки?

— Господи Боже мой! — простоналъ мужицъ, у котораго отъ быстрой рѣчи жены всѣ мысли перепутались въ головѣ. — А чѣмъ-же ты ее выкормишь, потому-что вѣдь мнѣ помѣщикъ больше корму не продаетъ. Ну, чѣмъ?... — сиранивалъ онъ.

— Возьми отъ помѣщика въ аренду вотъ эту лужайку и у тебя будетъ пастбище. — отвѣтила жена, указывая на пастъь трава между землями Слимака и Бялкой.

Близкое осуществленіе самихъ смѣлыхъ надеждъ поразило мужика.

— Побойся Бога. Ягва, что ты болтаешь? Какъ-же я возьму въ аренду лужайку?—спросилъ онъ.

— Ступай на барскій дворъ, попроси барина, заплати чиншъ за годъ и все тутъ.

— Съ ума ты спятила, баба, у меня, ей Богу! Въдъ теберъ нашъ скотъ съ этой самой лужайки траву даромъ щиплетъ; а какъ заплачу чиншъ, такъ что?... это ужъ не будетъ даромъ.

— Какъ заплатишь чиншъ, такъ у тебя будетъ третья корова.

— На кой прахъ мнѣ она, когда и за нее, и за лужайку надо платить. Не пойду къ помѣщику....

Жена придвинулась къ нему и заслѣнула въ глаза.

— Не пойдешь?—спросила она.

— Не пойду.

— Ну, такъ я и изъ дому весь кормъ утащу, а тогда ты пойдешь къ самому чорту, не только къ помѣщику, какъ у тебя корма не достанетъ для лошадей. А этой коровы я изъ избы не выпущу и бушаю ее...

— Покупаю себѣ.

— Куплю, но ты сторгнешь, потому-что мнѣ везога уговаривать Гроховскаго и я не стану съ нимъ водки пить.

— Ней! уговаривай! если тебѣ захотѣлось коровы!—кричать Слямакъ.

Бойкая баба протянула руку и, угрожая ея, говорила:

— Юзекъ, ты у меня не бунтуйся, когда у тебя своего пара въ головѣ нѣтъ. Ты меня слушай. Ты каждый день жалуешься, что тебѣ не хватаетъ навозу, голову мнѣ прожужжалъ, говоря о томъ, что тебѣ нуженъ скотъ, а когда время подошло, то покупать его не хочешь. Однако-же, тѣ коровы, которыя уже у тебѣ есть, тебѣ ничего не стоятъ и еще приносятъ деньги съ продажи молока; такъ и новая корова принесетъ тебѣ доходъ.—только слушайся. Говорю тебѣ, слушайся!... Кончай работу, приходи въ избы и выторгуй мнѣ корову, потому-что иначе я тебя знать не хочу.

Сказавъ это, она ушла, а мужикъ ухватился за голову.

— А доля-же моя съ этой бабой!—жаловался онъ. Куда мнѣ везучастному, справить лужайку въ аренду?... Да помѣщикъ и говорить со мной не захочетъ... И травы до сихъ поръ у насъ было даромъ столько, сколько скотинка ущипнула, а теперь что? Уперлась баба имѣть корову, заупрямилась, а ты хоти, лбомъ объ стѣну бейся... Зачѣмъ я на свѣтѣ уродился, что-бы только со всѣхъ сторонъ огорченіе имѣть... Ну, дѣтушки!...

Онъ качалъ бичомъ, тертымъ вѣшми и продолжалъ боре-

нить. Ему казалось, что каменья и кучки земли опять ворчатъ: дурень ты, дурень!... а вѣтеръ смѣется въ вовылихъ и шепчетъ:

«Заплатишь тридцать пять рублей бумажками и еще рубль серебромъ за веревку. То, что ты кошилъ день за день, недѣля за недѣлю въ теченіе девяти мѣсяцевъ, сегодня истратишь сразу, какъ орѣхъ разгрызешь. У Гроховскаго отъ новельныхъ бумажекъ разбухнетъ карманъ, а твой кошелекъ исхудаетъ. Тебѣ придется еще сдѣлать для скотинки ясли и рѣшетку, съ неувѣренностью и страхомъ кланяться въ ноги помѣщику, заплатить за лужайку и еще по дѣланнымъ часамъ ждать управляющаго, что-бы онъ выдалъ тебѣ расписку на аренду...

— О я несчастный, о я несчастный, — бормоталъ мужикъ. — Ну, дѣтушки!.. Сколько грошей человекъ копить, чтобы составился гульденъ, сколько гульденовъ, чтобы вышелъ рубль и сколько онъ набѣгается прежде чѣмъ получить новую бумажку? Ну, дѣтушки! А тутъ еще, вавѣрно, помѣщикъ не захочетъ отдать этой лужайки.

— Не ври, не ври, вѣдь ты знаешь, что онъ ее тебѣ отдастъ, — чирикали воробьи.

— Известное дѣло отдастъ, — отвѣтилъ Сликакъ съ горечью, — но велить чинить платить. А однако-же и безъ этого скотинка не разъ щипнула травки по сосѣдски, гроша не истративъ. Боже мой милосердный, что у меня за огорченіе сегодня, что я истрату денегъ... Я предпочелъ-бы величайшія горести, чѣмъ такія страшныя деньги тратить на глупости.

Солнце уже склонялось къ западу, когда Сликакъ переташилъ бороны на послѣдній пластъ, тутъ-же у дороги. Въ эту самую минуту, корова, которую онъ хотѣлъ купить, замычала; голосъ ея понравился крестьянину и даже чуточку смазалъ по сердцу.

— Известно, что три коровы, это не двѣ, — подумалъ онъ. — При такомъ количествѣ скота и люди станутъ иначе почитать человека. Только хуже всего съ деньгами и съ лужайкой. Ба, я самъ во всемъ виноватъ...

Ему пришло въ голову, сколько разъ онъ, улегшись на лавку, вмѣсто того, чтобы спать, придумывалъ различные проекты и разсказывалъ о нихъ женѣ? Сколько разъ говорилъ, что онъ долженъ ввести шестинольную систему и сѣять клеверъ? А сколько разъ онъ хвастался тѣмъ, какъ люди ему совѣтуютъ, чтобы онъ зимою дѣлалъ телѣги и хозяйственную утварь, на что онъ былъ такъ ловокъ?.. Наконецъ, не онъ-ли самъ вздыхалъ по третей коровѣ, не онъ-ли хотѣлъ брать лужайку въ аренду?..

Жена слушала его терпѣливо, слушала годъ, два, три и наконецъ сегодня — велить ему купить скотину и арендовать лужайку вдругъ, сейчасъ-же. Иисусе милосердый, какая это упрямая баба!

Она еще когда-нибудь заставить съѣсть клеверъ и дѣлать телѣги. Странный мужикъ былъ этотъ Слимакъ. Онъ во всемъ понималъ толкъ, даже въ жатвенной машинѣ; все умѣлъ дѣлать, даже починилъ гумно на барскомъ дворѣ; онъ все порѣшилъ въ головѣ, даже переходъ къ плодосмѣвѣ на своихъ земляхъ, но ничего не отваживался выполнять самъ, пока кто-нибудь не погонялъ его силой. Его душѣ не хватало той тонкой нити, которая связываетъ проэктъ съ исполненіемъ, но за то у него существовала очень развитой первъ послушанія. Помѣщикъ, священникъ, староста, жена—все они были вислоязыки Богомъ, чтобы давать Слимаку приказанія, которыхъ онъ не умѣлъ отдавать себѣ самъ. Онъ былъ разсудителевъ и даже кредирѣимчивъ, но самодѣятельности боялся хуже бѣшеной собаки. У него была даже поговорка, что мужицкое дѣло работать, а барское забавляться и приказывать другимъ.

Солнце коснулось верхушекъ горъ, окружающихъ долину. Слимакъ добирался уже боравами до дороги и размышлялъ о томъ, какъ онъ будетъ торговаться съ Гроховскимъ, когда онъ вдругъ услышалъ позади себя грубый голосъ:

— Гей! гей!..

На дорогѣ стояло двое людей. Одинъ съдой, бритый, въ берячневой шинели съ короткой тальей и въ нѣмецкой шапкѣ съ завернутыми полями,—другой младшій, стройный, съ бѣлокурой бородой, въ пальто и фуражкѣ. Позади ихъ на нѣкоторомъ разстояніи стояла телѣга, запряженная парой лошадей, которой управлялъ человекъ въ фуражкѣ и коричневой шинели.

— Это поле твое?—спросилъ Сликама бородачъ рѣзкимъ тономъ.

— Подожди, Фрицъ,—прервалъ его старикъ.

— Чего мнѣ ждать?—обозлился бородачъ.

— Подожди. Что это ваши земли, хозяйнъ? — спросилъ старикъ несравненно болѣе мягкимъ тономъ.

— Знамо дѣло мое, а то чьи-же?—отвѣтилъ мужикъ.

Въ эту минуту съ лужайки приближалъ Стасекъ и глядѣлъ на чужихъ съ недоверіемъ и удивленіемъ.

— А эта лужайка твоя?—спрашивалъ бородачъ.

— Подожди, Фрицъ. Что это ваша лужайка, хозяйнъ,—поправилъ его старикъ.

— Не моя, барскія.

— А чья это гора съ сосной?..

— Ахъ, отецъ любитъ такъ много говорить...

— Подожди, Фрицъ,—говорилъ старикъ. Эта гора съ сосной и ваша?

— Конечно моя, чья-жъ...

— Вот видишь, Фрицъ, — сказалъ старикъ по-нѣмецки. — тутъ можно было-бы построить вѣтряную мельницу для Вильгельма.

И онъ указалъ рукой на гору.

— Вильгельмъ не потому не строитъ вѣтряной мельницы, что гора слишкомъ низка, но потому, что онъ лѣнтяй, — сердито отвѣтилъ тотъ, кого звали Фрицемъ.

— Прошу тебя, Фрицъ, имѣй терпѣніе. А тѣ поля за дорогой и тѣ яровья, это уже не ваши? — снова разспрашивалъ старикъ мужика.

— Откуда-же мои, когда это барскія.

— Ну да, прервалъ нетерпѣливо бородачъ, — всеѣмъ извѣстно, что онъ торчитъ посреди помѣщичьихъ полей, какъ дыра въ мосту. Шортъ побори все это дѣло.

— Подожди, Фрицъ, — успокаивалъ его старикъ. — Васъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ барскія поля, хозяйнѣ.

— Извѣстное дѣло.

— Ну, довольно, — проворчалъ бородачъ и потащилъ отца къ телѣгѣ.

— Боже вознагради васъ, хозяйнѣ, — проговорилъ старикъ, дотрогиваясь рукой до шапки.

— Охъ, какъ отецъ любитъ говорить, — прервалъ бородачъ, силой уводя его къ телѣгѣ. — Изъ Вильгельма ничего не выйдетъ, хоть-бы ему десять такихъ горъ нашихъ.

— Чего имъ надо, тятка? — проговорилъ вдругъ Стасекъ.

— Правда, — очнулся мужикъ и закричалъ: — Господа, гей тамъ... Старикъ обернулся.

— На что вы разспрашиваете обо всемъ этомъ?

— Потому, что намъ такъ угодно, — отвѣтилъ бородачъ, силой усаживая отца въ телѣгу.

— Прощайте, до свиданія! — крикнулъ старикъ Слиммаку.

Бородачъ пожалъ плечами и приказалъ ѣхать. Телѣга покатила по направленію къ мосту.

— Сколько людей сегодня по этой дорогѣ прошло, — проговорилъ Слиммакъ про себя. — Чистая ярмарка или постъ...

— А что это за люди, тятка? — спросилъ Стасекъ.

— Тѣ, которые проѣхали въ телѣгѣ? Должно быть, нѣмцы изъ Вулки, въ трехъ миляхъ отсюда.

— Съ чего-же они такъ разспрашивали о земляхъ?

— Да вѣдь многіе спрашиваютъ, мое дитя, — отвѣтилъ мужикъ. — Другимъ эта сторона такъ понравилась, что они даже влѣзли на гору подъ сосну. Потомъ слѣзали, и только я ихъ и видѣлъ.

Слиммакъ окончилъ работу и повернулъ лошадь домой. О нѣм-

пахъ онъ уже забыть, потому что все его вниманіе было поглощено коровой и лужайкой. А если-бы и въ самоѣ дѣлѣ одну купить, а другую арендовать?.. Мурашки пробѣжали у него по спиѣ при мысли о томъ, что, можетъ быть, осуществится то, о чемъ онъ мечталъ столько лѣтъ.

Еще одна корова и двѣ десятины луговины, вѣдь это тридцать рублей прибыли въ годъ. Можно-бы землю лучше унавозить, ржи больше продавать, а на зиму взять въ домъ мужика грамотѣя, чтобы училъ мальчугановъ читать... А что-бы сказали другіе хозяева при видѣ такой прибыли? Вѣрно давали-бы ему мѣста больше въ церкви и корчмѣ, чѣмъ теперь. А какъ-бы можно было отдохнуть при такомъ состояніи?..

Ахъ, отдохнуть! Слимакъ не извѣдалъ ни голоду, ни холоду, дома ему все удавалось, онъ пользовался расположеніемъ окружающихъ, у него былъ порядочный запасъ деньжонокъ и онъ былъ-бы вполнѣ счастливъ, если-бы у него такъ не болѣли кости отъ работы, если-бы онъ могъ вылезаться и высидѣться, сколько душѣ угодно.

III.

Вернувшись на дворъ, Слимакъ отдалъ боровы работнику, а самъ началъ осматривать корову, привязанную къ плетню. Несмотря на сгущающійся мракъ, онъ замѣтилъ, что скотинка слабая; что она бѣлая съ черными пятнами, что у нея голова небольшая, ноги короткія и громадное вымя. Онъ присмотрѣлся хорошенько и признался въ душѣ, что ни одна изъ его коровъ не могла сравниться съ нею.

Онъ подумалъ, что было-бы не дурно провести ее по двору, но почувствовалъ, что у него уже силъ не хватаетъ. Казалось, что руки у него выскочатъ изъ суставовъ и ноги просто отвалятся, если онъ двинется съ мѣста. Человѣкъ можетъ бѣдовать до захода солнца, но послѣ захода—долженъ отдохнуть, какъ-никакъ. Слѣдовательно вмѣсто того, чтобы проводить скотинку, онъ погладилъ ее. Когда-же она, какъ-бы предчувствуя новаго хозяина, повернула къ нему голову и мокрой мордой коснулась его руки, Слимакъ былъ такъ разстроганъ, что чуть не обнялъ за шею и не расцѣловалъ коровы, какъ человѣка.

— Должно быть, я ее куплю, — проворчалъ онъ, забывая объ усталости.

Въ дверяхъ показалась хозяйка съ ведромъ пошла для скота.

— Матекъ! — крикнула она, — какъ корова напьется, отведи ее

въ хлѣвъ. Сотскій переночуетъ у насъ, значить и скотинки нельзя оставлять на дворѣ.

— Ну—и что-же изъ этого?—спросилъ Сливакъ у жены.

— А ничего,—отвѣтила она.—Онъ просить тридцать пять рублей бумажками и серебряный рубль за веревку.

— Но что правда. то правда,—проговорила она черезъ минуту,—корова этого стоитъ. Я ее выдоила подъ-вечеръ и говорю тебѣ, хоть она пришла съ дороги, она дала больше молока, чѣмъ Лыска....

Мужикъ снова почувствовалъ боль въ рукахъ и въ ногахъ. Боже мой, сколько надо находиться, намокнутья, не доспать, прежде чѣмъ человѣкъ сконитъ тридцать пять рублей бумажками и еще серебряный рубль! Хоть-бы Гроховскій сколько-нибудь уступилъ...

— Ты не спрашивала его, — проговорилъ Сливакъ,—не спустить овъ сколько-нибудь?

— Ну зачѣмъ стану спрашивать!.. Хорошо, если захочетъ продать. Онъ постоянно говорить, что уже давно обѣщаль Грибу корову.

Сливакъ началъ рвать на себѣ волосы.

— Какая бѣда его сегодня принесла,—говорилъ онъ,—и чѣмъ я провинился, что меня Господь Богъ такъ тяжело караетъ!.. Не знаю, отдастъ-ли мнѣ помѣщикъ лужайку, а тутъ еще долженъ столько заплатить за корову.

— Юзекъ, не глупи, будь разсудителенъ, — уговаривала его жена.—Вѣдь о лужайкѣ не разъ сами господа съ тобой заговаривали. Спуститъ не спуститъ, а ты все-же выпей съ нимъ водки и прими его радушно; можетъ быть, Господь Иисусъ милосердный дастъ ему опомниться. Только ты не болтай съ нимъ много и поглядывай на меня почаще и увидишь, что все будетъ хорошо.

Въ эту минуту притащился работникъ и началъ отвязывать корову отъ плетня.

— Что-жь, Матекъ, — проговорила хозяйка, — не правда-ли скотина славная?

— Ого!.. —отвѣтилъ хромой, потрясая рукой вверху.

— Но деньги за нея ломать ужасныя, не такъ-ли?—спросилъ хозяинъ.

— Ого! го!...

— Все-таки она этого стоитъ, неправда-ли, Матекъ,—поспѣшно встала Сливакова.

— Ого! го!....

Сказавъ это, овчаръ отвелъ въ хлѣвъ корову, которая, осматриваясь, какъ-то такъ сердечно помахивала на обѣ стороны хвоста.

стомъ, что Слимакъ не могъ совладать съ охватившимъ его волненіемъ.

— Воля Божья, — прошепталъ онъ — попробую ее сторговать....

И онъ пошелъ къ дверямъ хаты.

— Юзекъ, — удержала его жена, — только не разболтайся и не думай о пустякахъ. Помыслий о томъ, чтобы какъ можно больше выторговать, а когда у тебя языкъ слишкомъ разболтается, поглядывай на меня. Вѣдь этотъ Войтехъ не мужикъ, а кремень, тебѣ одному съ нимъ не справиться.

Слимакъ на порогѣ снялъ шапку, перекрестился и вошелъ въ сѣни. Но сердце у него сжималось, потому, что ему было жаль денегъ и онъ былъ неувѣренъ, удастся-ли ему выторговать рубль.

Гость при свѣтѣ пламени топившейся печки, сидѣлъ въ первой комнатѣ на лавкѣ и отеческими словами увѣщевалъ Магду быть честной, трудолюбивой и слушаться своихъ хозяевъ.

— Прикажутъ тебѣ идти въ воду, — говорилъ онъ, — ступай въ воду; велитъ тебѣ въ огонь вскочить, скачи въ огонь. А если тебя хозяйка турнетъ или даже хорошенько приколотитъ, то еще подѣлуй у ней руку и поблагодари ее, потому-что говорю тебѣ: свята та рука, которая бьетъ.

Говоря это при красномъ отблескѣ огня, съ поднятой вверхъ рукой и торжественнымъ лицомъ, Гроховскій имѣлъ видъ проповѣдника. Магдѣ казалось, что его словамъ поддакиваютъ даже дрожація на стѣнахъ тѣни и что вечерній мракъ, который заглядываетъ въ окна избы, повторяетъ за дѣдей:

— Свята рука, которая бьетъ.

Она заливалась слезами. Ей казалось, что она слушаетъ прекраснѣйшую проповѣдь, то опять-таки ей чудилось, что при каждомъ словѣ опекуна у ней выступаютъ сивяки на плечахъ. Не смотря на это, она не чувствовала ни страха, ни сожалѣнья, скорѣе благодарности, смѣшанную съ воспоминаніями недавняго, а все-таки отдаленнаго дѣтства.

Двери избы скрипнули и въ нихъ показался Слимакъ.

— Благословенъ Господь, — проговорилъ онъ гостю.

— Во вѣки вѣковъ, — отвѣтилъ Гроховскій. И онъ всталъ со скамейки и вытянулся во весь ростъ, такъ что головой коснулся потолка.

— Боже, вознагради васъ, сотскій, что вы зашли къ намъ въ гости, — говорилъ Слимакъ, подавая ему руку.

— Боже, вознагради васъ за то, что вы насъ такъ радушно принимаете, — отвѣтилъ Гроховскій.

— А можетъ, вамъ тутъ чѣмъ-нибудь неудобно, ну, такъ говорите прямо.

— Эге! даже мнѣ и дома не такъ хорошо я не только мнѣ, но даже коровѣ, которую ваша женушка тотчасъ взяла на поечение.

— Слава Богу, что вы довольны.

— Вдвойнѣ доволенъ, потому—что вижу, что тутъ и Магдѣ лучше у васъ, чѣмъ на всемъ свѣтѣ.

— Магда,—обратился Гроховскій къ дѣвушкѣ,—а поклонись-ка ты въ ноги хозяину, потому что отецъ родной не былъ-бы въ тебѣ такъ ласковъ, какъ онъ. А вы, кумъ, пожалуйста, не жалуйте для нея ремня.

— Она дѣвча недурная,—отвѣтила Слизакъ.

Дѣвушка, все еще рыдая, поклонилась въ ноги, сначала дядѣ, потомъ хозяину и—убѣжала въ сѣни. Тамъ рыданья еще разъ сдавили ей грудь, но глаза уже высохли. Мало по малу она успокоилась и для того, чтобы оправдать свое бѣгство изъ избы—начала какъ-бы звать свиней протяжнымъ и жалобнымъ голосомъ:

— Маля!.. маля!.. маля! маля!.. малясенки!

Но свиньи уже спали. Выѣсто ихъ изъ мрака высунулась собака Бурка, а потомъ Гендрекъ и Стасекъ. Гендреку вздумалось повалить дѣвушку, но онахватила его кулакомъ въ глазъ, онъ схватилъ ее за руку, Стасекъ за другую и они побѣжали вчетверомъ на дорогу. Они такъ сплелись между собою, что въ темнотѣ никто не могъ различить, кто изъ нихъ собака, а кто ребенокъ, тѣмъ болѣе, что всѣ стали выть и лаять въ перегонку съ Буркой. Наконецъ, они расплылись въ туманѣ, нависшемъ надъ лужайками.

Въ избѣ, усѣвшись напротивъ печки, хозяева бесѣдовали.

— Что съ вами приключилось,—спрашивалъ гости Слизакъ,—что вы корову сбываете?

— Видите-ли, дѣло вотъ въ чемъ,—отвѣтилъ Гроховскій, положивъ ему руку на колено.—Это корова не моя, а Магды, а баба моя уже давно ко мнѣ приставала, что чужой коровы держать не хочетъ, потому-что и своимъ уже тѣсно въ хлѣбѣ. Я на бабью болтовню не обращалъ вниманія, но теперь такая оказія подходитъ, что продають земли послѣ Комара, который спился и умеръ. Земля Комара прилегаетъ къ землѣ Магды, ну, думаю, надо продать корову и купить на это дѣвушкѣ десятину земли. Что земля, то земля.

— Ой, правда,—вздыхнулъ Слизакъ.

— А извѣстное дѣло! Когда-же начнутся новые наѣлы и раздачи, то и дѣвушка получить больше, чѣмъ теперь-бы получала.

— Какъ-же это?—спросилъ заинтересованный Слизакъ.

— Будутъ добавлять столько, сколько уже у кого есть. У меня,

вапримѣръ, двадцать пять десятень, такъ я и получу двадцать пять. У васъ сколько?

— Десять.

— Ну, такъ и получите десять. А если у Магды теперь будетъ двѣ съ половиной десятины, такъ она опять получитъ двѣ съ половиной.

— И это вѣрное дѣло съ этой прибавкой?

— Кто ихъ тамъ знаетъ.—отвѣтилъ Гроховскій. Одни говорятъ, что вѣрно, а другіе смѣются. Но я себѣ думаю: прибавятъ или не прибавятъ, а все-же лучше прикупить двѣушкѣ десятину, если выйдутъ оказія. Тѣмъ болѣе, что моя баба не хочетъ этого.

— Но если землю будутъ раздавать даромъ, то жаль денегъ на покушу.—замѣтилъ Сламакъ.

— Это правда, не мои деньги, такъ у меня рука о нихъ не свербитъ. Наконецъ, я покупаю не у помѣщика, а у мужика. У помѣщика я не торопился-бы покупать, потому что въ такихъ случаяхъ ждать не мѣшаетъ.

— Само собой разумѣется,—отвѣтилъ Сламакъ.—глупый торопится, умный выжидаетъ.

— И все дѣлаетъ съ разсудкомъ.

— И дѣлаетъ съ разсудкомъ.—подтвердилъ Сламакъ.

Въ эту минуту показалась хозяйка съ хромымъ Матеемъ. Они оба пошли въ альковъ и выдвинули на средину столъ, обращенный въ випсовый цвѣтъ. Подлѣ него Матеевъ поставилъ два деревянныхъ кресла, хозяйка-же зажгла веросиновую лампочку безъ стекла и накрыла столъ скатертью.

— Пожалуйте сюда, соскій.—проговорила хозяйка.—Юзекъ проводитъ-же ихъ. Тутъ вамъ удобнѣе будетъ ужинать.

Улыбающійся Матеевъ неловко запрягнулся за печку, а оба хозяина перешли въ альковъ.

— Красивая комната.—проговорилъ Гроховскій, оглядываясь.—Угодниковъ Господнихъ вижу много на стѣнахъ; кровать обращена, есть полъ и растенье на окнѣ. Вѣрно, это вашазабета, кума?

— А чья-же бы? отвѣтила помѣщениная баба.—Она постоянно вертится около господскаго дома, или въ городѣ, а о домѣ не заботится. И ея едва заставила хоть въ альвовѣ полъ выстлать. Садятся куманекъ, тутъ ближе къ печкѣ, если милость будетъ. Я сейчасъ подамъ ужинъ.

Повернувшись къ печкѣ, она взяла двѣ чашки просяной каши съ кусочками сала. Чашку поменьше она подала работницу, но больше поставила на накрытомъ столѣ передъ гостемъ.

— Кушайте съ Богомъ.—сказала она Гроховскому.—а если что не достанетъ, скажите.

— А вы не сядете? спросилъ гость.

— Я поѣмъ наослѣдокъ, съ дѣтьми. Матекъ, — обратилась она къ работнику, — возьми-ка свою чашку.

Улыбающійся Матекъ взялъ свою порцію и усѣлся на лавкѣ напротивъ алькова, чтобы видѣть сотскаго и прислушиваться къ человѣческой бесѣдѣ, по которой онъ стосковался. Онъ оставилъ чашку на колѣняхъ и изъ за клубовъ пара глядѣлъ съ удовольствіемъ на вишневый столъ, за которымъ сидѣли хозяева, и на оловянныя ложки, которыми они ѣли. Дымящаяся лампа базалась ему однимъ изъ лучшихъ способовъ освѣщенія; а кресла съ ручками самой удобной мебелью. При видѣ сотскаго сердце Матека наполнилось благоговѣніемъ и гордостью. Вѣдь это Гроховскій водилъ его когда-то вынимать жребій и стоялъ у дверей въ самой канцеляріи, тогда какъ рекруты мокли на дождѣ за окномъ. Вѣдь это онъ велѣлъ отвести его въ больницу и увѣрилъ его, что онъ будетъ здоровъ, когда выйдетъ оттуда. А кто собираетъ подати, кто во время крестныхъ ходовъ носить наибольшую хоругвь, кто заиѣваетъ въ церкви во время вечерни: «Да начнутъ уста наши хвалить Дѣву Пресвятую». Вѣдь тотъ-же Гроховскій, съ которымъ сегодня онъ, простой Матекъ-овчаръ, сидитъ подъ одной крышей. А какал у него величественная поза, какъ онъ разсѣлся на стулѣ! Онъ вытянулъ ноги, лѣвой рукой оперся на бедро, правой на столъ, а голову опрокинулъ назадъ. Какъ хорошо ему, должно быть, на такомъ креслѣ съ ручкой...

Даже Матекъ пробовалъ выпрямиться, но его оттолкнула разсерженная стѣна, напоминая, что онъ покуда не сотскій, а только жалкій работникъ. Онъ, хотя у него поясница болѣла отъ работы, согнулся еще покорнѣе и, пристыженный, спряталъ подъ лавку свои ноги, изъ которыхъ одна была вывихнута, и обѣ въ драпныхъ сапогахъ. Впрочемъ, зачѣмъ ему было разсаживаться, если въ двухъ шагахъ отъ него уже разсѣлись сотскій и хозяинъ? Этого удовольствія было достаточно Матеку; вслѣдствіе этого, онъ началъ по маленьку ѣсть кашу и слушать бесѣду обоими ушами.

— Правду говоря, — сказала хозяйка, зачѣмъ самъ сотскій тащить корову въ деревню къ Грибу?

— Потому-что онъ хочетъ купить — отвѣтилъ Гроховскій.

— Можеть быть, и мы кунимъ.

— Даже такъ-бы и слѣдовало — вставилъ Слимакъ. У насъ дѣвка, такъ пусть-бы у насъ была и ея корова.

— Правда. Матекъ, что такъ-бы и слѣдовало? — повторила хозяйка за мужемъ, обращаясь къ работнику.

— Ого! го! разсѣлся Матекъ такъ, что горячая каша стекла у него съ ложки по бородѣ.

— Что правда, то правда,—вздыхнулъ Гроховскій. Даже самъ Грибъ долженъ былъ-бы признаться, что корова прежде всего должна идти туда, гдѣ дѣвка.

— Ну, такъ продайте ее намъ,—подхватилъ Сликакъ.

Гроховскій опустилъ ложку на столъ, а голову на грудь. Съ минуту подумалъ, наконецъ сказалъ покорнымъ тономъ.

— Дѣло трудное. Если вы упретесь, то мнѣ придется вамъ корову продать, ничто не поможетъ. У кого дѣвка, у того и корова, такъ и быть должно.

— Но вы намъ что-нибудь сбавите, быстро прибавила хозяйка, ластясь къ Гроховскому.

Сотскій вторично задумался.

— Видите-ли,—проговорилъ онъ. Если-бы это моя скотина была—такъ я-бы спустилъ. Но вѣдь это добро бѣдной сироты, у которой отецъ и мать умерли. Какъ-же я могу ее обидѣть?... поэтому—дайте тридцать пять рублей бумажками и серебряный рубль на веревку и—пусть корова останется у васъ.

— Это громадныя деньги!—вздыхнулъ Сликакъ.

— Но корова—заглядѣнье,—отвѣтилъ сотскій.

— Деньги сидятъ въ сундукѣ и ѣсть не просятъ.

— Но молока не даютъ.

— Для этой коровы мнѣ приплось-бы взять у помѣщика лужайку въ аренду.

— Все-же это вамъ будетъ выгоднѣе, чѣмъ покупать кормъ.

Воцарилось долгое молчанье, послѣ котораго Сликакъ вдругъ проговорилъ:

— Ну, кумъ, сотскій,—скажите послѣднее слово...

— Говорю вамъ: дайте тридцать пять рублей бумажками и серебряный рубль на веревку, а корову оставлю. Грибъ будетъ звать на меня, я знаю; но для васъ я долженъ это сдѣлать. У васъ дѣвушка, пусть у васъ-же будетъ и корова.

Хозяйка убрала чашку со стола, а потомъ пошла въ кладовую. Вскорѣ она вынесла оттуда бутылку водки и двѣ рюмки, а на тарелкѣ колченую колбасу и вилку со сломаннымъ зубомъ.

— За ваше здоровье, кумъ,—проговорилъ Сликакъ, наливая водку.

— Пейте съ Богомъ.

Выпили и молча стали грызть сухую колбасу, положивъ вилки на тарелку. При видѣ водки Матеку стало такъ приятно, что онъ неподвижно вздохнулъ. Потомъ онъ заложилъ обѣ руки за пазаху и немного высунулъ ноги изъ подъ лавки. Потомъ ему пришло въ голову, что сотскій и хозяйинъ должны быть въ эту минуту очень счастливы, слѣдовательно—и онъ почувствовалъ себя счастливымъ.

— Ужь не знаю, что дѣлать, — говорилъ Слимакъ, — брать-ли корову или нѣтъ? Вы такъ задѣяли ее сотскій, что у меня и охота проходить.

Гроховскій тревожно поправился на стулѣ.

— Куманекъ мой, — проговорилъ онъ, — золотой мой, что мнѣ дѣлать, когда это сиротское добро?... И Магдѣ долженъ землю купить, хотя-бы потому, что это моею бабѣ не по вкусу приходится.

— За десятину не дадите тридцати пяти рублей, теперь земля дешева.

— Но вздорожаетъ, потому-что въ нашей волости строится какая-то новая дорога и нѣмцы скупаютъ землю.

— Нѣмцы? — повторилъ Слимакъ. Да вѣдь они ужь купили Вулку.

— Ну такъ они ее продадутъ другимъ нѣмцамъ, а сами приблизятся къ намъ.

— Были тутъ сегодня у меня на полѣ два нѣмца и много разспрашивали, но я не понималъ, чего они хотятъ — проговорилъ Слимакъ.

— А видите. Они хотятъ сюда влѣзть. Если-же тутъ поселится одинъ, то за нимъ тотчасъ-же потащатся другіе, какъ муравьи въ меду, и земли дорожаетъ.

— Развѣ-жь они умѣютъ обрабатывать землю?

— Еще какъ. Даже больше получаютъ барыша, чѣмъ мужикъ, который тутъ родился, — отвѣтилъ Гроховскій.

— Удивительное дѣло!...

— Го, го! Нѣмцы это хитрый народъ. У нихъ много скота, они съютъ клеверъ, а зимою занимаются ремесломъ. Мужику при нихъ не выдержать.

— Любопытно знать, какой они вѣры, потому-что они гадать промышлять себя, какъ жиды?

— Вѣра ихъ лучше жидовской, — отвѣтилъ сотскій по нѣкоторомъ размысленіи, — но что не католическая, такъ лѣтъ. Я знаю, что у нихъ есть церкви, какъ и у насъ, съ лавками и съ органами. Но священникъ у нихъ женатый и ходитъ въ сюртукѣ, а въ большомъ алтарѣ, гдѣ долженъ быть Богъ Отецъ, тамъ у нихъ стоитъ только Господь Иисусъ Распятый, какъ у насъ на паперти.

— Эта вѣра хуже нашей.

— Хуже, — подтвердилъ Гроховскій — потому, что они даже не молятся пресвятой Богородицѣ.

— Ахъ, Богородица пресвятая, — прошептала хозяйка.

Слимакъ и Гроховскій вздохнули набожно, а Матекъ перевертелся.

— Какъ это Господь Богъ милосердный помогаетъ тѣмъ, — замѣтилъ Слимакъ, — пейте, кумъ.

— За ваше здоровье. Отчего имъ Господу Богу не помогать, когда у нихъ скота много? Это основа!

Слимакъ задумался и вдругъ ударилъ рукой по столу.

— Куманекъ, сотскій!—воскликнулъ онъ, повысивъ голосъ,— продайте мнѣ эту корову.

— Продамъ!—отвѣтилъ Гроховскій и также ударилъ рукой по столу.

— Я дамъ вамъ... тридцать одинъ рубль... любя.

Гроховскій обнялъ его.

— Дай братъ тридцать... тридцать—ну и четыре рубля бумажками и серебряный рубль за веревку.

Въ избу осторожно пробрались усталыя дѣти. Хозяйка наложила имъ кашу и отвела ихъ въ самый отдаленный уголь, называя имъ сидѣть смирно. Дѣйствительно, цѣлый часъ они просидѣли очень спокойно, исключая той минуты, когда Стасекъ свалился съ лавки, а Гендрекъ получилъ отъ матери пинка. За то Магда убиралась тихо, какъ мышка, а Матекъ дремалъ и ему снилось, что онъ сидитъ въ альковѣ на стулѣ съ ручками и пьетъ водку. Онъ чувствовалъ, что питье все сильнѣе ударяетъ ему въ голову, что подъ его вліяньемъ онъ, Матекъ, рассказываетъ не хуже Слимака и что онъ насильно хочетъ поцѣловать сотскаго. Тутъ онъ вздрогнулъ и проснулся сконфуженный.

Изъ алькова въ избу понесло запахомъ воды и смрадомъ догорающей лампы. Слимакъ и Гроховскій сидѣли тутъ-же рядомъ.

— Куманекъ... сотскій,—говорилъ Слимакъ, ударяя кулакомъ. Дамъ тебѣ сколько захочешь самъ, поэтому скажи послѣднее слово. Твое слово для меня дороже денегъ, потому что ты уменъ... Ты умнѣйшая голова въ цѣлой волости... Старшина—это свинья... Для меня ты старшина и даже лучше самого комиссара, потому что ты уменъ... Умнѣйшій въ цѣлой волости, что бы меня парализъ стукнулъ!

Они обнялись, а Гроховскій заплакалъ.

— Юзекъ!... братъ!... говорилъ онъ,—не называй меня сотскимъ, а только братомъ, потому что я твой братъ, а ты мой братъ....

— Войтехъ... сотскій, говори, сколько хочешь за корову?... Я дамъ тебѣ, хоть-бы мнѣ пришлось себѣ изъ нутра вымотать.

— Тридцать пять рублей бумажками и серебряный рубль за веревку....

— О, Господи!—проговорила хозяйка.—А вѣдь только-что отдавали корову за тридцать три рубля.

Гроховскій поднялъ глаза, въ которыхъ свергали слезы, сначала на нее, потомъ на Слимака.

— Отдавалъ?—спросилъ онъ.—Юзекъ, братъ... отдавалъ-ли я тебѣ корову за тридцать три?... Хорошо!... отдаю... берите... Пусть прахомъ идетъ сиротское добро, только-бы у тебя, братецъ ты мой, была порядочная корова, что называется.

Слимакъ еще сильнѣе ударилъ кулакомъ по столу.

— Я стану обижать сироту? не хочу. Дамъ тридцать пять рублей и рубль за веревку.

— Что ты болтаешь, глупый?... увѣщевала его жена.

— Не глупи!... поддерживалъ ее Гроховскій. Ты такъ меня угостилъ, такъ принялъ, что я тебѣ уступлю корову за тридцать три рубля. Аминь, это мое слово.

— Не хочу!... визжалъ Слимакъ.—Я не жидъ, чтобы братъ за гостепріимство....

— Юзекъ!... говорила жена.

— Убирайся, баба!—крикнулъ онъ съ сердцемъ, поднимаясь со стула. Задамъ я тебѣ вмѣшиваться въ мои дѣла....

Вдругъ онъ упалъ въ объятія плачущему Гроховскому.

— Тридцать пять рублей бумажками и серебряный рубль за веревку... крикнулъ онъ.

— Хоть-бы мнѣ изъ ада не вылѣзть, не хочу... Тридцать три... рыдалъ Гроховскій.

— Юзекъ,— снова откликнулась жена. Уважь-же гостю... Вѣдь онъ старѣе тебя, онъ сотскій, его тутъ воля, не твоя... Матекъ,— обратилась она къ работнику,—а помоги-ка ты мнѣ ихъ проводить въ амбаръ.

— Самъ пойду!...—рявкнулъ Слимакъ.

— Тридцать три рубля!... стоналъ Гроховскій. Убей меня... разрубь на мелкіе кусочки, но гроша больше не возьму... Я пестъ, я Иуда, я хотѣлъ тебя «онѣмечить» и потому говорилъ, что веду корову къ Грибу... Но я велъ ее къ тебѣ, потому что ты мой братъ...

Они оба взялись подъ руки и вышли изъ алькова, направляясь сразу къ окну. Но когда Матекъ отворилъ имъ двери въ сѣни послѣ нѣсколькихъ менѣе удачныхъ попытокъ, они выбрались на дворъ.

Хозяйка зажгла фонарь, взяла изъ кладовой плахту и подушку чтобы постлать Гроховскому въ амбарѣ. Идя по двору, она увидѣла удивительную сцену. Слимакъ лежалъ на кучѣ навоза и уговаривалъ Гроховскаго спать, а сотскій стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ и, отирая армякомъ слезы, читалъ молитву. Надъ обоими стоялъ растерявшійся работникъ.

— Должно быть, вы угостили ихъ чѣмъ-нибудь крѣпкимъ,— сказалъ онъ хозяйкѣ.

— Они выпили бутылку ерѣшовой водки.

— Ого-го!...

— Вставай! ты, пьяница, — крикнула женщина мужу.

— Не встану! — отвѣтилъ онъ сердито, — а ты, баба, убирайся, пока цѣла. Уже кончилось бабѣ царство... Я купилъ корову и возьму у сятельнаго пана лужайку... Теперь настало мое царство.

— Юзекъ, вставай, — говорила хозяйка, — потому что я тебѣ воды на голову налью.

— Я тебѣ палью, какъ возьму бить въ руки... отвѣтилъ Слимакъ.

Гроховскій повалился къ нему на грудь и началъ его цѣловать.

— Встань, братъ, — умолялъ онъ его, — не устраивай ада въ домѣ, потому что намъ обоимъ будетъ скверно.

Работникъ не могъ надивиться, видя, какъ водка измѣняетъ людей. Сотскій, извѣстный во всей волости своимъ твердымъ характеромъ, плакалъ, какъ ребенокъ. Слимакъ-же опять-таки не хотѣлъ подняться съ навоза, кричалъ, какъ управляющій, и еще угрожалъ женѣ, что теперь началось его царство!...

— Ступайте въ амбаръ, сотскій, — проговорила Слимакова, взявъ за руку Гроховскаго.

Великанъ поднялся смиренный, какъ овечка. Матекъ велъ его подъ одну руку, подъ другую Слимакова и онъ шелъ куда ему приказывали. Хозяйка постлала ему постель на самой большой охапкѣ сѣна; между тѣмъ ослабѣвшій сотскій грохнулся на гумно и застрялъ тамъ, откуда его нельзя было вытащить никакими средствами.

— Ты, Матекъ, ступай на свою постель, — сказала Слимакова работнику, а этотъ пьяница — прибавила она, указывая на мужа — пусть спать въ навозѣ, если такой бунтъ поднялъ.

Послушный работникъ черезъ минуту исчезъ внутри конюшни. Когда-же на дворѣ все стихло, онъ началъ воображать себѣ для развлечения, что онъ самъ пьянъ.

— Тутъ буду спать! — бормоталъ онъ, изображая Сликама. Теперь начинается мое царство....

Потомъ онъ представилъ себѣ, что онъ сотскій, всталъ на колѣни у жалкой постели и началъ обращаться къ ней нѣжнымъ голосомъ, совершенно такъ-же, какъ сотскій къ Сликаму:

— Встань, братъ, не устраивай ада въ домѣ, потому что намъ обоимъ будетъ скверно....

Чтобы еще лучше изобразить Гроховскаго, онъ старался заставить себя заплакать. Сначала это ему не давалось; но когда онъ вспомнилъ о своей вывихнутой ногѣ — и о томъ, что онъ самъ жалкое созданіе на свѣтѣ — и о томъ, что ему хозяйка даже

рюмки водки не дала—настоящія слезы полились у него изъ глазъ. И такъ онъ и уснулъ въ берлогѣ, заплаканный, какъ ребенокъ на колѣняхъ у матери.

Въ полночь Юзекъ очнулся. Онъ почувствовалъ, что у него тяжела голова и что мокро. Отерылъ глаза—темно; напрягъ слухъ, протянулъ руку и узналъ, что дождь идетъ; пробовалъ усѣсться и убѣдился, что у него ноги выше головы.

Постепенно къ нему стала возвращаться память. Онъ припомнилъ сотскаго, корову съ черными пятнами, просяную кашу и большую бутылку водки. Что случилось съ водкой?—въ этомъ онъ не былъ увѣренъ, но узналъ, что ему какъ-то нездоровится и что, вѣроятно, все это надѣлала каша, которая была очень горяча.

— А я всегда говорю, чтобы на ночь проса не готовить, потому что оно дольше всего сохраняетъ въ себѣ теплоту, про-бормоталъ онъ и поднялся съ трудомъ.

Въ эту минуту онъ уже не сомнѣвался, что онъ находится на дворѣ у навозной кучи.

— Вотъ такъ меня кинуло!... простоналъ онъ. И не удивительно. Всего на свѣтѣ хуже, когда водка смѣшается съ угаромъ. А вѣдь просо это чистый огонь....

Ночь была такъ темна, что онъ едва увидѣлъ стѣну хаты. Онъ приблизился къ ней очень медленно, какъ-бы колебался, и даже съ минуту просидѣлъ на холоду, оперевъ на ладони тяжелую голову. Но дождь становился все несноснѣе, по этому Слимакъ рѣшился войти.

Онъ остановился въ сѣняхъ и услышалъ храпѣніе Магды. Потомъ онъ осторожно отворилъ двери избы, которыя не только заскрипѣли, но замычали, какъ корова. Въ эту самую минуту его охватила такая духота и жаръ, что онъ почувствовалъ себя еще болѣе соннымъ и во что-бы-то ни стало рѣшилъ добраться до постели.

Въ первой комнатѣ, на лавкѣ подъ окномъ дышалъ Стасекъ, но въ альковѣ было тихо. Слимакъ замѣтилъ, что жена не спитъ, и ощупью добрался до постели.

— Подвисься, Ягна, проговорилъ онъ, стараясь говорить суровымъ голосомъ, хоть его страхъ обуялъ.

Молчаніе.

— Ну—подвисься-же чуточку....

— Уберешься-ли ты, пьяница, пока и добра....

— Куда мнѣ идти?

— Ступай на навозную кучу, или въ хлѣвъ, потому что тамъ твое настоящее мѣсто,—отвѣчала разсерженная женщина. Захотѣлось тебѣ управлять, ну такъ и управляй, но ко мнѣ не подступайся

пропойца!... Ты грозилъ мнѣ бичемъ, подожди, не прощу я тебѣ этого....

— О чемъ тутъ разсуждать, когда тебѣ ничего не досталось?— прервалъ мужикъ.

— А кто уперся платить за корову тридцать пять рублей и еще рубль за веревку, когда вамъ Гроховскій отдалъ-бы ее за тридцать?... Я едва у него выторговала, что возьметъ только тридцать три... Значить, для тебя три рубля ничего не значать?...

Слимакъ уже не слушалъ. Хотя было темно, онъ схватился за голову огорченный и добрался до комнаты, гдѣ спалъ Стасекъ. Тамъ онъ упалъ на лавку и прямо придавилъ мальчику ноги.

— Это вы, тятка?—спросилъ проснувшійся мальчикъ.

— Знамо дѣло я.

— А что вы тутъ дѣлаете?

— Такъ усѣлся, потому что мнѣ что-то неможется.

Мальчикъ поднялся и обвилъ руками его шею.

— Хорошо что усѣлись—проговорилъ онъ,—потому что по мнѣ постоянно эти нѣмцы ходятъ.

— Какіе?

— А эти двое, которые были у васъ въ полѣ—старикъ и бородачъ. Ничего мнѣ не говорятъ, чего они хотятъ, только меня топчуть.

— Спи дитятею, тутъ нѣтъ никакихъ нѣмцевъ.

Стасекъ еще крѣпче прижался къ отцу, а такъ какъ и Слимака ко сну клонило, то они оба повалились на лавку и мальчикъ заговорилъ снова.

— Правда, тятя,—спросилъ онъ отца вполголоса,—что вода—видить.

— Что ей видѣть?

— Все, все.... Небо, наши горы и васъ такъ-же видѣла, какъ вы ходили за баранами....

— Спи дитя, не болтай пустяковъ,—успокаивалъ его Слимакъ.

— Видить, видить, тятя, вѣдь я не самъ глядѣлъ,—прошепталъ онъ и заснулъ.

Слимаку было слишкомъ жарко въ избѣ. Разслабленный вытащился онъ изъ хаты и, какъ, бы не на своихъ ногахъ, добрался до амбара. Тутъ онъ наткнулся на Гроховскаго и послѣ нѣсколькихъ опытовъ добрался до охапки соломы, гдѣ утонулъ такъ глубоко, что даже не было видно его сапогъ.

— Но что корову купилъ, такъ купишь, —пробормоталъ онъ себѣ на сонъ грядущій.

IV.

На слѣдующій день Слимака разбудилъ въ амбарѣ крикъ жены:

— Долго-ли ты тамъ еще провалиешься?

— А что?—спросилъ онъ изъ-подъ соломы.

— Пора идти къ помѣщику.

— Меня звали, что-ли?

— Чего тебя звать. Вѣдь ты самъ долженъ идти туда на счетъ этой лужайки.

Мужикъ закрихтѣлъ, но всталъ и вышелъ на гумно. Лицо у него опухло, взглядъ былъ заспанный и много соломы въ волосахъ.

— Вотъ видишь, что это значитъ,—говорила сварливо жена. Армякъ у тебя выпачканъ и промокъ, сапогъ цѣлую ночь не снималъ и глядишь на человѣка, какъ разбойникъ. Въ коноплѣ тебѣ стоять, а не съ помѣщикомъ бесѣдовать. Приодѣнься-же хоть, прежде чѣмъ идти туда.

Съ этими словами она повернула въ хлѣвъ, а у Слимака тяжесть свалилась съ сердца, что этимъ кончилось. Онъ думалъ, что она будетъ придирается къ нему цѣлый день. Онъ взглянулъ на дворъ. Солнце стояло уже высоко и земля высохла послѣ ночного дождя. Отъ яровыхъ дулъ вѣтерокъ, доносившій пѣнье птичекъ, и какой-то влажный и веселый запахъ. Въ эту ночь поля гуще зазеленѣли, выскочили листочки, небо освѣжилось и мужику казалось, что даже стѣны его хаты бѣлѣе.

— Чудо, что за день, — проворчалъ онъ, чувствуя какое-то облегченіе, и пошелъ въ избу одѣваться. Выбросилъ солому изъ волосъ, надѣлъ чистую рубашку и новые сапоги. Однако, такъ какъ они ему казались недостаточно черными, то онъ взялъ въ руки кусокъ сала и вытеръ имъ сначала волосы, а потомъ сапоги, съ голенищъ до каблуковъ. Наконецъ, онъ всталъ передъ зеркаломъ и, глядя по-очередно то на ноги, то на отраженіе своего лица въ зеркалѣ, улыбнулся, довольный, что голова его и обувь такъ лоснятся. Въ добавокъ что-то ему нашептывало, что въ присутствіи такъ напوماженнаго мужика, помѣщикъ не выдержитъ и отдастъ ему лужайку въ арсенду.

Въ эту минуту вошла жена и, окинувъ его презрительнымъ взглядомъ, сказала:

— Что это ты такъ насалился, что отъ тебя саломъ несетъ за тридевять земель. Не лучше-ли было бы умыться и приче-
еаться

Признавъ справедливость этого замѣчанія, Слимакъ вынулъ

изъ-за зеркальца частый гребень и пригладилъ имъ волосы, которые лосжились неменьше самаго свѣтлаго стекла. Потомъ онъ старательно умылся мыломъ, такъ что отъ засаленныхъ пальцевъ у него остались даже темныя полосы на шеѣ.

— А гдѣ Гроховскій?—спросилъ онъ у жены повеселѣвшимъ голосомъ, потому что холодная вода подбодрила его.

— Пошелъ.

— А какъ-же съ деньгами.

— Я ему заплатила. Но онъ не хотѣлъ взять тридцати трехъ рублей, а взялъ только тридцать два, потому что говорилъ, что если Господь Христовъ жилъ на свѣтѣ тридцать три года, то за корову не слѣдуетъ брать столько.

— Знамо дѣло правда,—подтвердилъ Слимакъ, желая эрудицией внушить бабѣ уваженіе. Но она повернулась къ печкѣ и, вынувъ оттуда горшокъ ячменной каши съ молокомъ, небрежно подала его мужу, говоря:

— Ну, ну... не разговаривай, поѣшь и ступай къ барину. А поторгуйся тамъ, какъ вчера съ сотскимъ, такъ я тебѣ покажу!... прибавила она иронически.

Униженный мужикъ принялся за ѣду, жена-же между тѣмъ вынула изъ сундука деньги.

— На тебѣ десять рублей,—говорила она. Сунь ихъ барину въ руку, а остальные отнеси завтра. Замѣть, сколько онъ съ тебя спроситъ за дукайку и тотчасъ поцѣлуй у него руку, обними за ноги и проси, чтобы тебѣ хоть три рубля спустилъ. Не уступить трехъ рублей, то хоть рубль выторгуй; но до тѣхъ поръ обнимай ноги его и барынины, пока хоть что-нибудь не спустятъ. Будешь помнитъ?

— Чего мнѣ не помнитъ? — отвѣтилъ онъ и, очевидно, мысленно повторилъ про себя предостереженія жены, потому что вдругъ пересталъ ѣсть и началъ отбивать тактъ ложкой...

— Ну, не размышляй, а одѣвай армякъ, — опять проговорила жена. А парней бери съ собой.

— Они тамъ на что?

— На то, чтобы они просили вмѣстѣ съ тобою, и на то, чтобы Іендрекъ мнѣ сказалъ, какъ ты торговался. Теперь ты знаешь, на что?

— Бѣда съ этими бабами, проворчалъ Слимакъ, види, что жена заранѣе все обдумала. А въ душѣ онъ прибавилъ:

— Вотъ собака, какой у ней умъ-то и какъ она распорядится. Сейчасъ видно, что отецъ былъ сельскимъ судьей.

Онъ надѣлъ съ немалымъ трудомъ новый съ иглою армякъ съ воротникомъ и карманами, вышитыми разноцвѣтными шпур-

ками, и опоясался красивымъ кожанымъ кушакомъ безъ малаго въ двѣ ладони шириной. Затѣмъ онъ завязалъ десять рублей за пазуху; а такъ какъ парни были давно готовы, то они вышли изъ дома втроемъ и пошли по дорогѣ въ помѣщичью усадьбу. Черезъ минуту по ихъ уходѣ, Слимаковой взгрустнулось, поэтому она выбѣжала за ворота еще чуточку посмотреть на своихъ. И она видѣла, какъ посреди дороги, заложивъ руки въ карманы, вздернувъ голову наверхъ, шагаетъ мужъ, за нимъ по лѣвую руку Стасекъ, а по правую Іендрекъ. Потомъ ей показалось, что Іендрекъ далъ подзатыльника Стасѣ, вслѣдствіе чего самъ очутился по лѣвую руку отца, а Стасекъ по правую. Позднѣе, тамъ что-то зашевелилось, точно Слимакъ далъ подзатыльника Іендреку, а послѣ этого Стасекъ шелъ опять по лѣвую руку отца, а Іендрекъ также по лѣвую, но уже рядомъ, откуда онъ кулакомъ грозилъ младшему братишкѣ.

— Вишь ты, какую забаву нашли! — прошептала, улыбаясь, женщина и вернулась въ избу накрывать обѣдъ.

Успокоивъ кулакомъ ссорившихся сыновей, Слимакъ началъ напѣвать и даже затянулъ вполголоса:

Нѣтъ лучше, нѣтъ лучше житья,
Какъ житье дворового:
Онъ сидитъ на лошаdkѣ,
Бѣдетъ въ господскій домъ.

Съ минутою онъ задумался и снова затянулъ, но уже на болѣе протяжный мотивъ:

О, деды, деды,
Довели меня до бѣды,
А до бѣды, до какой?..

Тутъ онъ прервалъ, чувствуя, что нѣтъ такой пѣсенки, которая заглушила-бы его тревогу: что будетъ съ лужайкой? Отдастъ или не отдастъ ему ее баринъ въ аренду?

Въ эту самую минуту онъ проходилъ мимо ея. Слимакъ взглянулъ и даже испугался, — такой прекрасной и недоступной казалась ему она сегодня. Въ памяти его воскресли всѣ тѣ штрафы, которые онъ заплатилъ за свой скотъ, который дворовые пастухи ловили на этой лужайкѣ, всѣ увѣщанія и угрозы помѣщика. Таинственный голосъ шепталъ въ немъ или за нимъ, что если-бы этотъ клочекъ земли лежалъ гдѣ-нибудь далеко и вмѣсто сѣна приносилъ-бы песокъ или тростникъ, то, можетъ, его скорѣе отдали-бы въ аренду. Но лужайка представляла слишкомъ много преимуществъ, чтобы не возбудить въ немъ пессимистическихъ подозрѣній и сомнѣній.

— И-и-и... что тамъ! — проворчалъ онъ, задорно отплеываясь, — вѣдь они-же сами не разъ уговаривали меня, чтобы я ее взялъ. Даже говорили, что мнѣ и имъ будетъ лучше.

Да, это такъ, но когда его уговаривали взять въ аренду? тогда, когда онъ о ней не просилъ. Теперь, когда лужайка ему нужна, они могутъ торговаться или вовсе не отдать. Почему?.. Кто ихъ знаетъ? Такъ ужъ заведено на свѣтѣ. Ему пришло въ голову, и сколько разъ онъ дорожился, когда дѣло шло объ его работѣ и сообщая съ другими хозяевами не хотѣлъ поладить съ помѣщикомъ относительно вопроса о присмотрѣ за лѣсомъ — и раскаялся. Боже мой, какъ красно обращался къ нимъ помѣщикъ:

— Заживемъ теперь въ согласіи, по-сосѣдски, будемъ оказывать другу другу услуги.

Въ эту минуту Іендрекъ бросилъ камень въ какую-то птицу. Сливакъ оглянулся и печальныя мысли вдругъ приняли другое направление.

— Чего ему лужайки не отдавать? — думалъ онъ. Вѣдь онъ знаетъ, что у него часто бываютъ поправки, и что онъ за ней не усмотритъ, хоть-бы у него было еще столько-же рабочихъ. Онъ баринъ себѣ на умѣ, ого! еще и какъ... И даже добрый баринъ, скорѣе самъ потеряетъ, чѣмъ кого-нибудь обидитъ... Ничего себѣ баринъ!..

Вскорѣ, однако-же, новая волна сомнѣній нахлынула на его душу.

— Но все-же, — думалъ онъ, — онъ это понимаетъ, что мнѣ будетъ лучше съ лужайкой, чѣмъ безъ лужайки.

Новая переменна въ размышленіяхъ, потому что Сливакъ припомнилъ, что онъ можетъ заплатить аренду не чистыми деньгами, а работой.

— Извѣстное дѣло, что такъ! — пробормоталъ онъ, развеселясь. — Вѣдь я могу-же ему сказать: развѣ я у барина не работаю, или развѣ когда-нибудь перестану работать?... Другіе хозяева не ходятъ къ помѣщику, только я одинъ хожу, слѣдовательно чего ему жалѣть мнѣ блячка лужайки? Впрочемъ, мало-ли у него этихъ лужаекъ, какъ и всякой другой земли. Я всегда остаюсь мужикомъ, хоть-бы онъ мнѣ даже подарилъ эти двѣ десятины, а не только отдать въ аренду.

И онъ опять загѣлъ:

Закувала кукушечки,
На грушѣ, на грушѣ;
Сказали сосѣдочки,
Что я самый глупый...

Последній стихъ онъ пробормоталъ совершенно неясно, чтобы не ослабить собственнаго авторитета въ глазахъ дѣтей.

Вдругъ онъ обратился къ Стасѣ съ вопросомъ:

— Чего это ты такъ волочишься, точно тебя на караулъ гонятъ—и ничего не говоришь.

— Я?—очнулся Стасекъ. — Я себѣ думаю, зачѣмъ мы идемъ къ барину?..

— А можетъ быть, тебѣ не хотѣлось-бы идти туда?

— Нѣтъ, потому что чего-то страшно...

— Чего тамъ страшно? Вѣдь въ господскомъ домѣ хорошо!—окрысился на него Слимакъ, но и самъ встряхнулся, точно на него повѣяло холодкомъ.

Однако-же онъ совладалъ со своей тревогой и началъ выяснять сыну.

— Видишь, парень, въ чемъ дѣло. Вчера мы купили у сотскаго корову за тридцать два рубля (паренекъ просилъ тридцать пять и серебряный рубль за веревку!—но какъ я его вразумилъ, то скинулъ). Затѣмъ, видишь-ли ты, сыночекъ, новой коровѣ нужно сѣно и потому мы должны просить помѣщика, чтобы онъ отдалъ намъ лужайку въ аренду. Теперь все понимаешь?

Стасекъ покачалъ головой.

— Это я понимаю,—отвѣтилъ онъ,—я только еще не знаю: что про себя думаетъ трава, когда скотина захватитъ ее языкомъ и возьметъ на зубы?..

— Что ей думать, ничего не думаетъ.

— Но!.. продолжалъ Стасекъ, — этого не можетъ быть, чтобы она ничего не думала. Когда люди въ праздникъ стоятъ на кладбищѣ и глядѣтъ на нихъ издалека, то кажется, что они выглядятъ, какъ трава или кусты, потому что между ними есть и зеленые и красные, и желтые, и разные, какъ между полевыми цвѣтами. Значитъ если-бы въ то время какая-нибудь скотинка провела по кладбищу языкомъ, то развѣ они-бы ничего не думали?..

— Люди-бы кричали, а вѣдь трава ничего не говоритъ, если ее косить,—отвѣчалъ Слимакъ.

— Какъ-же не говорить? Если ломать даже сухую палку, такъ она трещитъ,—а если гнуть свѣжую вѣтву, такъ она дрожитъ и не дается,—а если рвать траву, такъ она пищитъ и цѣпляется ногами за землю.

— О, что у тебя за странныя мысли бродятъ въ головѣ!—прервалъ Слимакъ. Если-бы человѣкъ сталъ съ каждымъ разговаривать, хочеть-ли онъ или не хочеть идти подъ косу? то-бы онъ и самъ не поѣлъ ничего и скотинки-бы не накормилъ и все-бы прахомъ пошло.

— А ты, Иендрекъ, можеть быть, не радъ идти къ помѣщику?—
спросилъ онъ другого мальчика.

— Развѣ я иду? Вы идете, —отвѣтилъ Иендрекъ, пожимая плечами.—Я-бы туда не пошелъ.

— А что-же бы ты сдѣлалъ? Вѣдь письма-бы не написалъ, потому-что вѣдь ты барину не съ ровни и писать не умѣешь.

— Я скосилъ-бы траву и свезъ-бы ее къ себѣ на дворъ, пусть бы онъ пришелъ ко мнѣ, а не я къ нему.

— А какъ-же бы ты смѣлъ косить барскую траву?

— Какая она тамъ барская! Помѣщикъ ее, что-ли, посѣялъ, или лужайка при его избѣ?..

— Видно, что ты дуракъ, потому что лужайка барская, такъ-же какъ и всѣ эти поля. Онъ указалъ рукой на горизонтъ.

— Извѣстное дѣло какъ-бы его, —отвѣтилъ Иендрекъ, — пока изъ это не отниметь. Вѣдь я-же знаю, что и ваши теперешнія земли и изба были барскія, а теперь ваши, тоже и съ лужайкой. Я еще глупъ, это правда, потому-что я неучень. Но вѣдь Ясекъ Грибъ умная башка, потому-что даже писалъ въ канцелярїи. А что онъ говорить? Говорить, что должно существовать равенство, а равенство будетъ тогда, когда мужики заберутъ земли и у каждаго будетъ свое.

— И Ясекъ глупъ, потому что если-бы у всѣхъ было свое, то никто не хотѣлъ-бы работать у другого. Ясекъ свѣта не исправить. Смотрѣлъ-бы онъ лучше за собой, чтобы у отца денегъ изъ сундука не красть и по городу не шляться изъ кабака въ кабакъ. Онъ умень распорядиться чужимъ. Мое онъ отдалъ-бы Овчару, барское забралъ-бы самъ, но своего-бы изъ лапъ не выпустилъ... Пусть ужъ будетъ такъ, какъ повелитъ Господь Богъ милосердный и научаетъ святая церковь, а не какъ хотять Грибы, старшїи и молодой.

— Развѣ помѣщику Господь Богъ далъ земли?—пробормоталъ Иендрекъ.

— Господь Богъ такъ устроилъ все въ мїрѣ, чтобы не было равенства. По этой причинѣ небо выше, земля ниже, —сосна велика, а орѣшина мала, а трава еще меньше. Поэтому и между людьми, одинъ старъ, другой молодъ, — одинъ отецъ, другой сынъ, — одинъ хозяинъ, другой работникъ, — одинъ баринъ, другой мужикъ.

Онъ тяжело вздохнулъ отъ усталости и продолжалъ:

— Посмотри-ка, какъ бываетъ даже между умными собаками, гдѣ ихъ много рассказываетъ по двору. Вынесутъ изъ кухни ведро помоевъ и тотчасъ къ нему прежде всего одна, т. е. самая сильная и самая злая, и та жреть, а другія ждуть, облизываются, хотъ

видяты, что она съѣдасть наилучшую часть. Только когда та наѣстся такъ, что вся разбухнетъ, идутъ другія. Каждая со своей стороны всовываетъ морду и жретъ, сколько ей придется, не ссорясь. Но если сабаки глупы, то онѣ тотчасъ всѣ бѣгутъ къ ведру, херутся между собой и у нихъ болѣе искусанныхъ мордь, чѣмъ ѣды. Потому или они ведро опрокинутъ и кушанье розольютъ, или всегда явится такая, которая сильнѣе всѣхъ, и разгонитъ ихъ. Ей самой отъ такого порядка мало пользы, а другимъ и вовсе никакой. То-же было-бы съ людьми, если-бы каждый глядѣлъ другому въ ротъ и кричалъ: отдавай, потому что ты съѣлъ больше!.. Тотъ, кто сильнѣе, разогналъ-бы другихъ, а самый слабій умеръ бы съ голоду. Для того и существуетъ Божеское повелѣніе, чтобы каждый присматривалъ за своими землями, а чужихъ не забиралъ.

— Однако-же, вѣдь разъ ужъ раздавали землю крестьянамъ.

— Раздавали не разъ, а два раза и еще, можетъ быть, раздадутъ, но помаленьку и съ расчетомъ, чтобы каждый получилъ, что ему слѣдуетъ, а не для того, чтобы всякій хваталъ, что ему вздумается. Такъ установилъ Господь Богъ милосердный, чтобы на свѣтѣ была очередь и порядокъ.

— Какой тамъ порядокъ, когда Грибъ получилъ сразу тридцать десятинъ, а вы едва десять,—проговорилъ Іендрекъ.

Слимакъ привсталъ на дорогѣ, желая немного отдохнуть. Онъ поправилъ шапку, подбоченился лѣвой рукой, правой указалъ на пригорки и говорилъ:

— Видишь ты эти горы, тамъ, надъ барскимъ домомъ? Вѣдь съ нихъ земля постоянно скатывается внизъ. Неправда, можетъ?

— Знамо дѣло, правда.

— А, правда. Но та земля, что скатывается, на чьи земли падетъ прежде всего, ге?..

— Конечно на барскія.

— А, на барскія. А та земля, что скатится съ барской дужайки, на чью землю прежде всего упадетъ, на мою или на Гриба?

— Знамо дѣло на Гриба, потому что Грибъ сидитъ на склонѣ ною барскимъ домомъ, а вы по другую сторону долины.

— Вотъ видишь-ли, продолжалъ Слимакъ. Если-бы я сидѣлъ тамъ, гдѣ Грибъ, то-бы извлекъ больше пользы изъ барскихъ земель, а такъ какъ мнѣ пришлось сидѣть за водой, то я извлекаю меньше.

— И еще съ вашихъ горъ земля спадаетъ на барскія дужайки,—добавилъ Іендрекъ.

— Воля Божья!—проговорилъ мужикъ, снималъ шапку. Мнѣ живется хуже всѣхъ нашихъ крестьянъ, потому что у меня земля немного; но за то я выше самого барина, потому что съ моей ху-

добушки земля скатывается на его лужайки и увеличивает его богатство.

Парнюга, слушая такое разсужденіе, покачивалъ головой.

— Что вертишь головой?—спросилъ его отецъ.

— Потому-что я не согласенъ со всѣмъ тѣмъ, что вы говорите.

— Не согласенъ, потому что ты моложе меня и глуше.

— Значить и вы, тятенька, глуше Гриба, потому-что моложе, онъ однако-же говоритъ совершенно другое.

Мужика даже въ сердце кольнуло.

— Какъ я тебѣ дамъ въ морду, — вскрикнулъ онъ, — такъ сейчасъ смеешь, песь косматый, кто умѣе!...

Въ присутствіи такого сильнаго аргумента Іендрекъ умолкъ и ужъ съ той поры они шли не разговаривая между собой. Стасекъ мечталъ неизвѣстно о чемъ, а Сликакъ поочередно или волновался тѣмъ, отдадутъ-ли ему лужайку, или удивлялся, что его старшій сынъ высказываетъ такіа развращенныя мысли.

— Га! проворчалъ онъ, — другимъ подражаетъ молокососъ. Кремень парень, никому не уступить и милость Божья, что еще хоть не воруетъ. Го! го!... Онъ ужъ не будетъ мужикомъ.

Тутъ деревенская дорога соединялась съ дорогой въ господскій домъ, которая незамѣтно шла подъ гору. Сликакъ шелъ все медленнѣе, Стасекъ глядѣлъ впередъ все боязливѣе и только Іендрекъ становился смѣлѣе. Постепенно изъ-за пригорка нимъ показывались черныя вѣтви придорожныхъ липъ, засыпанные почками, трубы барскаго дома и крыши зданій.

Вдругъ раздалось два выстрѣла.

— Стрѣляютъ! крикнулъ Іендрекъ и побѣжалъ впередъ, тогда какъ Стасекъ ухватилъ отца за карманъ армяка.

— Куда бѣжишь? ворочайся!—воскликнулъ Сликакъ.

Іендрекъ нахмурился, но замедлил шагъ.

Они вошли на насыпь, гдѣ уже разстлались только барскія поля. За ними ниже лежала деревня, еще ниже лужайка и рѣка; передъ ними—стоялъ господскій домъ, окруженный рѣшетной, постройки, а далѣе садъ.

— Вотъ видишь барскій домъ, — проговорилъ Сликакъ Стасеку.

— Который это?

— Тотъ съ крылечкомъ на столбаль.

— А это что за изба?

— Налѣво? Это не изба, это службы, а это низкое—лушня.

А присмотришь-ка, что въ службахъ однѣ комнаты внизу, другія вверху....

— Какъ-бы на чердакъ?

— Это не чердакъ, а этажъ. Чердакъ еще выше подь крышей, какъ и у насъ.

— Но все-же они влѣзають туда по лѣстницѣ, — вставилъ Иендрекъ.

— Не по лѣстницѣ, а по ступенямъ, — отвѣтилъ строго отецъ. Сталь-бы баринъ лазать по лѣстницамъ, когда онъ такъ любитъ удобства. За тоже и воруютъ у него сѣно изъ конюшни!...

— А это, направо, тятка, что такое стеклянное? спросилъ Ста-секъ.

— Тамъ вѣрно одинъ господа разсаживаются и грѣются на солнцѣ, — отвѣтилъ Иендрекъ.

— Не болтай, когда хорошенько не знаешь, — срѣзаль его Слимакъ. — Тамъ вся стѣна изъ стекла, потому что это оранжерей. Такъ всякіе цвѣты, какіе только есть на солнцѣ, и цвѣтуть даже зимою, когда на полѣ снѣгъ по колѣна.

— Должно быть, бумажные цвѣты, какъ въ церкви, — вставилъ Иендрекъ.

— То-то что настоящіе. Цвѣтуть-же потому, что имъ зимою садовникъ топить печку.

— А яблоки есть тутъ зимою? — спросилъ Иендрекъ.

— Яблоковъ нѣтъ, только померанцы.

— Вѣрно въ сто разъ лучше яблоковъ?.. спросилъ Иендрекъ и глаза у него заискрились.

Мужикъ презрительно махнулъ рукой.

— И-и-и!... попробоваль я одинъ такой. Маленькій, какъ картофелина, а такой противный, — что его-бы собака выплюнула....

— И они такіе ѣдятъ?

— Чего имъ не ѣсть.

— Ну, такъ они глупы, — проговорилъ Иендрекъ.

— Ты глупъ, потому что не понимаешь толку, — отвѣтилъ мужикъ. Тебѣ хорошо, когда у тебя каша соленая? а барину хорошо, какъ при другой ѣдѣ у него во рту скверно. У каждаго на этомъ свѣтѣ свой вкусъ: быкъ любить траву, а свинья крапиву.

— Посмотрите-ка, тятенька! — взвизгнулъ Иендрекъ, указывая на барскій домъ; но прежде чѣмъ онъ окончилъ, снова раздалось два выстрѣла. Когда-же дымъ разсѣялся, они увидѣли у воротъ молодого человѣка въ желтыхъ штиблетахъ по колѣна, въ сѣрой курткѣ съ зелеными отворотами, съ патронташемъ на брюхѣ, сумкой на боку и двухстволкой въ рукахъ.

— Это тотъ самый, который вчера ѣхаль на лошади и у котораго шапка съ головы слетѣла, — прибавилъ Иендрекъ.

Мужикъ наклонилъ голову въ одну сторону, потомъ въ другую, присмотрѣлся.

— Точно онъ, стрекотунъ!... проговорилъ онъ съ неудовольствиемъ.

И прибавилъ шепотомъ:

— Ужь навѣрно мнѣ не отдадутъ лужайки, если намъ заградили дорогу этотъ фармозанъ.

— Но ружье у него порядочное!—говорилъ Іендрекъ.—Что онъ тутъ стрѣляетъ, потому тутъ только воробьи летаютъ?... И-и-и! можеть, ничего?... Если-бы у меня было ружье, то я-бы стрѣлялъ цѣлый день, хотъ-бы на воздухъ и пороху-бы столько сыпалъ, столько пороху, что у самого священника въ домѣ-бы гудѣло!

— Въ насъ онъ вѣрно не выстрѣлитъ?—тихо спросилъ Стасевъ, колеблясь, идти-ли дальше.

— Чего ему въ насъ стрѣлять?—отвѣтилъ отецъ. Вѣдь въ людей стрѣлять недозволено; на то тюрьма. Хотя... кто его знаетъ! на что-бы не отважился этотъ сорванецъ!

— Ой! ой!—подхватилъ Іендрекъ,—пусть-бы попробовалъ.

— А что-жь бы ты съ нимъ сдѣлалъ?

— Я бы отнял отъ него ружье и отнесъ къ старшинѣ. Еще бы раза два выстрѣлилъ по дорогѣ.

Между тѣмъ охотникъ, набивая свою двухстволку, подошелъ къ мужику. На ремнѣ у его сумки висѣли окровавленные останки воробья.

— Благословень,—проговорилъ Слимакъ, снимая шапку.

— День добрый, гражданинъ!—отвѣтилъ стрѣлокъ и приподнял бархатную фуражку.

— Загляднѣнье ружье!—вздыхнулъ Іендрекъ.

Барчукъ поправилъ пенсне и внимательно посмотрѣлъ на мальчика.

— Поправилось тебѣ?—спросилъ онъ.—Ге?... не ты-ли подальше мнѣ вчера шапку?...

— Известно я, только баринъ вчера ѣхалъ на лошади безъ ружья.

— Слѣдовательно, я твой должникъ!—воскликнулъ барчукъ, вынувъ изъ кармана портмонэ.—На тебѣ—проговорилъ онъ и далъ ему серебряный двугривенный.—А это твой отецъ?.. тотъ, который вчера хотѣлъ тебя огрѣть бичемъ?...

Крестьянинъ отвѣсилъ земной поклонъ.

— Гражданинъ!—проговорилъ барчукъ обиженнымъ тономъ.—Если хочешь вести со мной дружбу, не кланяйся мнѣ такъ низко и наврой голову. Уже пора забыть о тѣхъ остаткахъ рабства, которые приносятъ только ущербъ и намъ, и вамъ. Накрой голову, гражданинъ, прошу тебя....

— Недоумѣвающій и встревоженный Слимакъ хотѣлъ исполнить приказаніе, но рука отказывалась ему повиноваться.

— Однако-же, это стыдъ стоять въ шапкѣ передъ барининомъ, — прошептала онъ.

— Брось-же эти глупости! — оеръсился барчуекъ. Онъ вырвалъ у него изъ рукъ шапку и силой нахлобучилъ ее ему на голову, а потомъ сдѣлалъ то-же съ испуганнымъ Стасекомъ.

— Вотъ горе-то!... подумалъ мужикъ, не будучи въ состояніи понять демократическихъ убѣжденій барчука.

— Что это вы идете къ барину? — спросилъ охотникъ, завѣшивъ ружье на плечо.

— Такъ точно, сударь мой милостивый.

— У васъ есть дѣло къ моему шурипу.

Мужикъ снова хотѣлъ поклониться въ ноги, но его удержали.

— Какое-же это дѣло?

— Мы хотѣли просить, не будетъ-ли милость барина отдать намъ въ аренду этотъ клочекъ лужайки, который между рѣвкой и худобушкой.

— На что-же онъ вамъ?

— Сторговали мы вчера съ моей бабой коровушку и боимся, что намъ будетъ мало пастбища, вотъ мы и просимъ милости....

— А много у васъ скота?

— У насъ, Господи Иисусе, пять хвостовъ, т. е. двѣ лошади, три коровы и еще пара свинокъ.

— А земли у васъ много?

— Какое тамъ много, сударь мой милостивый, едва десять десятинъ и то изъ года въ годъ все меньше урожая даетъ, — вздохнулъ мужикъ.

— Потому что не умѣете хозяйничать, — проговорилъ барчуекъ. Десять десятинъ земли, мой милый, это громадное имѣнье! За границей на такомъ клочкѣ живетъ безбѣдно нѣсколько семей, а у насъ и одной не хватаетъ. Но что-жъ, когда вы съете только жито....

— Что-же сѣять, сударь мой милостивый, если пшеница не родится?

— Огородничаньемъ займитесь, мой другъ, это дѣло выгодное! Огородники подъ Варшавой платятъ по нѣскольку десятковъ рублей аренды съ десятины и, не смотря на это, живутъ превосходно.

Слимакъ печально свѣсилъ голову, но сердце у него кипѣло, потому что, слушая выводы барчука, онъ пришелъ къ тому заключенію, что помѣщикъ или не отдастъ ему въ аренду лужайки, какъ уже имѣющему десять десятинъ, или — велитъ заплатить

нѣсколько десятковъ рублей чиншу.. Потому что зачѣмъ-бы барчуку рассказывать такія странныя вещи, если не съ цѣлью убѣдить его, что у него уже слишкомъ много земли и что онъ долженъ дорого платить за аренду? Они подошли къ воротамъ.

— Я вижу въ саду сестру, — проговорилъ барчукъ, — вѣрно тамъ и шуришь. Пойду я къ нему и попрошу, чтобы онъ уладилъ ваше дѣло. До свиданья.

Крестьянинъ поклонился до земли, но въ то же время подумалъ:

— Хоть-бы тебѣ болѣзнь изморила, если ты такъ ко мнѣ прицѣпился! Къ бабѣ моей вчера привязался, парнишку взбунтовать, а сегодня кланяться не велишь, а говоришь, чтобы такія страшныя деньги платить за аренду съ десятины. Я знаю, что ты на меня накличешь бѣду. Изъ барскаго дома до нихъ долетѣли торжественныя звуки органа.

— Тютенька, играютъ!.. Гдѣ это играютъ?.. воскликнулъ Стасекъ.

— Вѣрно помѣщикъ играетъ.

Дѣйствительно помѣщикъ игралъ на американскомъ органѣ. Мужики внимательно прислушивались къ непонятной для нихъ, но торжественной мелодіи. У Стасека покраснѣло лицо и онъ дрожалъ отъ волненія, даже Исидрекъ остепенился а Слимакъ снялъ шапку и сталъ читать молитву, чтобы Богъ милосердный защитилъ его отъ ненависти барчука, которому, однако-же, онъ не сдѣлалъ никакого зла. Органъ умолкъ, а въ то же время барчукъ встрѣтился съ сестрой въ саду и началъ оживленно доказывать ей что-то.

— Вотъ такъ, противъ меня возстановляетъ! проворчалъ мужикъ.

— Видите, тютенька, — началъ Исидрекъ, что эта барыня похожа на вынь. Желтая съ черными пятнышками, тонкая въ поясѣ и толстая въ подолѣ, но красивая барыня.

— Хуже выни тотъ подлецъ на желтыхъ ногахъ, хотя онъ тонокъ, какъ жердочка! — отвѣтилъ мужикъ.

— Чего ему быть хуже, когда онъ мнѣ двугривенный далъ. Глупъ-то онъ долженъ быть, но баринъ добрый.

— Отнимутъ они у тебя этотъ двугривенный, небось.

Между тѣмъ барчукъ, рассказавъ сестрѣ дѣло Слимака, началъ дѣлать ей выговоры.

— Меня приводятъ въ недоумѣніе, — ораторствовалъ онъ, — тѣ черты холоднаго, которыя я встрѣчаю среди народа. Этотъ бѣднякъ не въ состояніи разговаривать въ шапкѣ на головѣ, и притомъ былъ такъ смущенъ, такъ испуганъ, что мнѣ жалко было смотрѣть на него. Онъ на цѣлый день испортилъ мнѣ расположеніе духа.

— Но чѣмъ-же я тутъ виновата и что мнѣ дѣлать?—спрашивала барыня.

— Сблизиться съ ними, ободрить....

— Ты неподрожаемъ!—отвѣтила она, пожимая плечами. Когда я прошлой осенью устроила праздникъ для дѣтей нашихъ рабочихъ, именно для того, чтобы они освоились со мною, то они тотчасъ на слѣдующій день поломали мнѣ персики. А сблизяться съ ними?... и это я дѣлала. Я вошла разъ въ избу, гдѣ лежалъ больной ребенокъ, и впродолженіи часа пропиталась такими запахами, что должна была отдать горничной почти новое платье. Благодарю за подобное апостольство.

Разговаривая такъ по-французски, они подошли къ рѣшеткѣ, за которой стоялъ мужикъ.

— По крайней мѣрѣ, для него ты должна что-нибудь сдѣлать,—проговорилъ барчукъ, — потому что онъ мнѣ ужасно понравился.

Барыня поднесла къ глазамъ лорнетъ.

— Ахъ, это Сликакъ,—воскликнула она. Limason (Слизнякъ) вообрази себѣ, что за смѣшная фамилія.

— Мой любезный, — обратилась она къ мужику, — братъ мой желаетъ, чтобы я что-нибудь сдѣлала для тебя, ну, и я сама бы рада. Есть-ли у тебя дочка?

— Нѣтъ, сударыня моя милостивая, — отвѣчалъ мужикъ, дѣлуя чрезъ рѣшетку край ея платья.

— Жаль. Я могла-бы научить дѣвочку вязать кружева... Сначала умивъ ее, — прибавила она по-французски.

— А о лужайкѣ и не вспомнить! — подумалъ мужикъ.

— Это твои парни? — продолжала она разспрашивать Сликака.

— Наши, милостивая государыня.

— Ну, такъ присылай мнѣ ихъ, они будутъ учиться читать.

— Развѣ у нихъ есть время, сударыня моя милостивая? Старшинъ постоянно дома нуженъ...

— Ну, такъ присылай младшаго.

— И этотъ уже сморить за свиньями...

Барыня подняла глаза къ небу.

— Ну, и дѣлай тутъ что-нибудь для нихъ? — сказала она брату по-французски.

— Что это они стовариваются, какъ-бы насъ жестоко обидѣть, — проговорилъ мужикъ, сильно ветревожестный французскимъ разговоромъ господѣ.

Изъ барскаго дома показался помѣщикъ, а замѣтивъ жену и шурина, ускорилъ шаги и черезъ минуту очутился подлѣ нихъ. Сликакъ снова сталъ вкляяться, у Стася на глазахъ навернулись

слезы от волненія и даже Іендрекъ утратилъ обмкновенную смѣлость въ присутствіи барина. Между тѣмъ, вооруженныи ружьемъ демократъ разсказалъ шурина дѣло мужика и очень горячо защищалъ его.

— Ну, и пускай беретъ въ аренду этотъ клочекъ лужайки!— воскликнулъ помѣщикъ.— По крайней мѣрѣ, я не буду имѣть съ нимъ столкновеній относительно погравы, а, впрочемъ, это самый честный мужикъ въ деревнѣ.

Господа продолжали разговаривать по-французски, такъ что Слимака даже дрожь охватывала при мысли: что они замышляютъ противъ него. Онъ уже готовъ былъ ни съ чѣмъ вернуться домой, только-бы съ глазъ долой уйти. Помѣщикъ, выслушавъ рапортъ шурина, обратился къ мужику.

— Значить ты хочешь,—спросилъ онъ его,—чтобы я отдалъ тебѣ въ аренду эти двѣ десятины лужайки надъ рѣкой?

— Если ваша милость будетъ, сударь,—отвѣтилъ мужикъ.

— И чтобы намъ, сударь милостивый, хоть три рубля спустилъ,—прибавилъ быстро Іендрекъ.

У Слимака вся кровь прихлынула къ сердцу, а господа переглянулись.

— Что-жь это значить?—спросилъ баринъ. Съ чего мнѣ спустить три рубля?

Мужикъ машинально потянулся рукой за ремнемъ, но, опомнившись, что въ такую минуту онъ не можетъ избить Іендрека, онъ впалъ въ отчаяніе и порѣшилъ сразу сказать всю правду.

— А, сударь мой милостивый!—воскликнулъ онъ—не слушайте этого сорванца. Дѣло было вотъ какъ, баба мнѣ въ уши жужжала, что я не умѣю торговаться и наказывала мнѣ, чтобы я хоть три рубля выторговалъ на лужайкѣ. Ну, а теперь этотъ пестъ такъ много дѣло подгадилъ, что даже стыдно.

— Однако-же матушка сказала, чтобы я за вами присматривалъ и чтобы мы оба у господъ ноги цѣловали, такъ они что-нибудь спустятъ,—объяснялся Іендрекъ.

Тутъ у Слимака уже совсѣмъ языкъ отнялся.—а господа заливались отъ смѣха.

— Вотъ тебѣ,—обратился опять по-французски помѣщикъ къ шурина, —вотъ тебѣ мужикъ. Тебѣ со своей женой разговаривать не позволить, боясь чтобы ты не свернулъ ей головы, а самъ безъ нея шагу сдѣлать не можетъ. Если-бы ты ему предложилъ самое выгодное дѣло, то онъ не рѣшится на него безъ позволенія жены или не пойметъ его безъ ея объясненій.

— Очень хорошо! Такъ и должно быть!.. подтверждала бариня, закрывая лицо батистовымъ платкомъ. Эти мужики просто

прелесть... Если-бы ты меня такъ слушался, то мы-бы уже давно продали эту скучную деревню и уѣхали въ Варшаву.

— Мой дорогой, не дѣлай-же изъ мужиковъ идіотовъ, — запротестовалъ шуринь.

— Мнѣ и не надо дѣлать, потому-что они настоящіе идіоты. Нашъ мужикъ состоитъ изъ желудка и мускуловъ. потому что отъ ума и воли онъ отрекся въ пользу своей жены. Сликакъ принадлежить къ числу самыхъ сметливыхъ мужиковъ въ деревнѣ. а однако-же въ эту минуту ты слышалъ доказательство его глупости.

— Но...

— Никакого но. мой народолюбець. Если хочешь, то я могу убѣдить тебя еще разъ. что это осли.

— Но, мой дорогой...

— Прости меня. — прервалъ помѣщикъ. — черезъ минуту самъ увидишь. гдѣ у мужика умъ.

И онъ обратился къ Слимаку, который съ величайшей тревогой ожидалъ послѣдствій такого веселаго и такого неопытнаго для него спора.

— Значить. мой Юзефъ, это жена приказала тебѣ, чтобы ты взялъ отъ меня лужайку въ аренду?

— Знамо дѣло такъ, сударь мой милостивый.

— И чтобы ты хорошенько торговался?

— Знамо дѣло такъ. Что правда, то правда.

— Ты знаешь, сколько Лукасякъ платитъ мнѣ ежегодно за десятину лужайки?

— Говорятъ, что десять рублей.

— Значить ты долженъ платить двадцать рублей за двѣ десятины?

Мужикъ задумался и сказалъ черезъ минуту:

— Все-же можетъ валпа милость будетъ...

— И я спущу три рубля?... подхватилъ помѣщикъ.

Сликакъ умолялъ, пристыженный.

— Хорошо, — сказалъ помѣщикъ. — я спущу тебѣ три рубля и ты будешь платить только семнадцать рублей въ годъ. Довольны-ли ты?

Мужикъ поклонился въ землю и, не будучи въ состояніи добраться до ногъ помѣщика, обнялъ рѣшетку. но на лицѣ его вмѣсто удовольствія отражалась неувѣренность.

— Тутъ что-то кроется. — думалъ Слимакъ, — что онъ не торгуется? Ужъ я вижу, что этотъ шуринокъ что-то смастерилъ!..

Вслухъ-же онъ прибавилъ:

— Ну, такъ окажите еще милость, баринъ, и возьмите у меня за-

датоѣ. Жена дала мнѣ десять рублей и сказала, чтобы остальные деньги я принесъ завтра.

Онъ вытацилъ изъ-за армяка узелокъ, изъ него десять рублей—и вручилъ помѣщику.

— Позволь, прервалъ помѣщикъ,—деньги и возьму потомъ, а теперь я предложу тебѣ одно дѣльце. Помнишь-ли ты, сколько мнѣ заплатилъ Грибъ въ прошломъ году за десятину лужайки.

— Восемьдесятъ рублей.

— И кромѣ того заплатилъ писарю и землемѣру, не такъ-ли?

— Святая истина.

— Ну, такъ слушай... Я продамъ тебѣ эти двѣ десятины лужайки по шестидесяти рублей, слѣдовательно, десятью рублями дешевле, чѣмъ Грибу, и еще лучше устрою, потому что—ты ничего не израсходуешь ни на землемѣра, ни на писаря. Но знаешь, съ какимъ условіемъ?

Мужикъ покорно покачалъ плечами.

— Съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты рѣшилъ самъ, сейчасъ, не спрашивая жены. Замѣть-же, ты заплатишь сто двадцать рублей за лужайку, которая стоитъ болѣе ста шестидесяти, ты выиграешь чистыхъ сорокъ рублей, но... рѣшайся тотчасъ-же. Завтра, даже и сегодня вечеромъ, когда ты посовѣтуешься съ женою, я уже не продамъ ее на твоихъ условіяхъ.

У Слимака засверкали глаза. Ему казалось, что теперь только онъ смекнулъ, въ чемъ заключалась сущность заговора, наирава леянаго противъ него.

— Странный капризъ тратить даромъ сорокъ рублей!—проговорила барыня по-французски.

— Успокойся,—отвѣтилъ мужъ. Знаю я ихъ...

— Ну, что-жь,—обратился онъ къ Слимаку,—покупаешь ты лужайку безъ совѣщанья съ женою?

— Если-же это неладно,—отвѣчалъ мужикъ съ лицемѣрной улыбкой. Вѣдь вы, сударь баринъ, а все-таки совѣтуетесь съ барыней и съ барчукомъ, а не то что я.

— А видишь?... обратился помѣщикъ къ шурину, ну, не идиотъ-ли онъ въ самомъ дѣлѣ?...

Барчукъ черезъ рѣшетку потрепалъ Слимака по плечу.

— Ну, мой любезный, соглашайся сейчасъ-же и ты порядкомъ объегоришь барина.

— Онъ ужъ купилъ,—сказалъ онъ помѣщику.

— Покупаешь, Юзефъ? Дашь руку въ знакъ согласія?—спросилъ помѣщикъ.

— Дуракъ, что-ли, я!—подумалъ мужикъ, но прибавилъ вслухъ:

— Коли покушаешь безъ жены,—неладно, сударь мой милостивый...

— И не надумашься?

— Коли очень неладно,—повторилъ мужикъ, довольный, что баринъ предоставилъ ему такую прекрасную отговорку.

— Не хочешь выгадаться сорока рублей, а, можетъ быть, и больше? потому какъ построятъ желѣзную дорогу, земля сильно вздорожаетъ.

Мужикъ прикинулся смущеннымъ, но уперся и не думалъ покупать лужайки.

— Ну, въ такомъ случаѣ отдаю тебѣ лужайку въ аренду. Дай мнѣ свой задатокъ, а завтра приходи за распиской.

— Вотъ тебѣ, мужикъ, панъ демократъ!—сказалъ онъ шурину, который, между тѣмъ, грызъ ногти.

Слимакъ заплатилъ десять рублей, господа простились съ нимъ и ушли. Видя, что они уже не смотрятъ, мужикъ обинулъ ихъ гнѣвнымъ взглядомъ и взволнованный прошепталъ про себя:

— Эге! хотѣли мужика онѣмечить (надуть), а онъ себѣ на умѣ!... навѣрняка уже въ этомъ году, какъ говорилъ Гроховскій, намъ будутъ прирѣзывать земли и поэтому они хлопочутъ продать!... Сто двадцать рублей за такую лужайку, которая стоитъ двѣсти... Дурака морочить, не меня... Но хорошо и сто двадцать, когда придется даромъ-то давать.

— Что-то шляхта хвостомъ виляла, чтобы ихъ тамъ!... замѣтилъ Іендрекъ.

— Тише ты у меня!—срѣзалъ его отецъ, а въ душѣ прибавилъ:

— Даже молокососъ, а и тотъ смекнулъ, что виляютъ.

Вдругъ ему пришло въ голову другое соображеніе.

— А, можетъ быть, теперь не стануть раздавать земель, только имъ такая фантазія пришла, чтобы мнѣ дешево продать?...

Ему стало жарко. Въ эту минуту ему хотѣлось окликнуть господъ, броситься имъ въ ноги и умолять, чтобы ему отдали лужайку хоть за сто тридцать рублей. Но господа были уже посрединѣ сада. Вдругъ отъ нихъ отдѣлился барчукъ и опять подбѣжалъ къ мужику.

— Покупайте эту лужайку!—говорилъ онъ, зашыхавшись. Шуринъ еще согласился, только проси его.

При видѣ постылаго барчука, въ Слимакѣ пробудилась его прежнее недовѣріе.

— Коли безъ жены покупать неладно,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь.

— Скотина!—проговорилъ барчукъ и обернулся въ барскому дому.

Лужайка пропала.

— Чего еще стоите, тягенька?—вдруг спросилъ Іендрекъ, видя, что Слимакъ оперся о рѣшетку и думаетъ.

— Потому, — что не знаю, хорошо-ли я сдѣлалъ, что не купилъ за сто двадцать рублей этой лужайки?—проворчалъ мужикъ.

— Чѣмъ-же вы худо сдѣлали, если за семнадцать рублей у васъ тоже самое?

— Но все-таки лужайка не моя.

— Какъ раздадутъ земли, такъ будетъ ваша.

Слимака обрадовали эти фразы. Известно, — думалъ онъ, — должно быть, эта раздача правда, когда даже молокососы о ней говорятъ.

— Домой, парни!—проговорилъ онъ вслухъ.

Они возвращались молча. Іендрекъ нескоса поглядывалъ на отца и въ головѣ его роились какія-то зловѣщія предчувствія. Слимака-же одолѣвала тревога.

— Собачьи дѣти пляхта!—шенталъ мужикъ, сжимая кулаки, — человекъ никогда не смекнетъ, когда они лгутъ, а когда правду говорятъ... Аккуратъ какъ съ жидами.

На половинѣ пути мальчики побѣжали впередъ, потому что были голодны. Когда-же Слимакъ вошелъ въ избу, жена его спросила:

— Что тутъ болтаетъ Іендрекъ, что тебѣ хотѣли продать лужайку за сто двадцать рублей.

— Знамо дѣло хотѣли, но оттого, что боялся новой раздачи земель, — отивчалъ онъ, нѣсколько озадаченный.

— Я тоже сейчасъ сказала Іендреку, что онъ или болтаетъ попусту, или тутъ кроется какой-нибудь обманъ. Кто-жъ бы отдалъ за сто двадцать рублей такую вещь, которая стоитъ двѣсти?

Мужикъ, раздѣвшись, усѣлся обѣдать и за обѣдомъ разсказалъ женѣ, что съ нимъ случилось.

— Го! го! продувной пародъ эти баре. Не знаю даже, откуда они догадались, что мы идемъ за лужайкой и напередки напустили на меня своего шурина.

— Этого слѣпыша, который вчера ко мнѣ привязался у рѣвки!—встала Слимакова.

— Знамо дѣло его. Этотъ постылый заградилъ намъ дорогу. Іендреку далъ двугривенный, мнѣ шапку на голову нахлобучилъ, чтобы лучше мнѣ пылъ въ глаза пустить и тотчасъ началъ:

— На что тебѣ лужайка? Развѣ ужъ и такъ у тебя не громадное имѣнье? Знаешь-ли ты, что десять десятинъ, это громадное состоянье?..

— Ну, состоянье!..—прервала Слимакова, —однако, у его шурина до тысячи десятинъ и онъ еще жалуется!

— Такъ меня этотъ парень морочилъ. А когда увидѣлъ, что

один слова, повелъ меня къ самой баринѣ. Она-же—опять начала мнѣ зубы заговаривать, чтобы я къ ней посылалъ мальчнковъ учиться, а баринъ все это время на органахъ разыгрывать...

— Что-же онъ хочетъ сдѣлаться органистомъ, что-ли, какъ у него земли обернуть?—спросила хозяйка.

— Онъ себѣ постоянно такъ разыгрываетъ; ничего не дѣластъ, а только подыгрываетъ. Ну, а потомъ,—разказывалъ мужикъ, вышелъ и баринъ, а они тотчасъ начали ему стрекотать по французски, что мужикъ (т. е. я) страшно упрямъ, что обойти его (т. е. меня) нельзя, затѣмъ—чтобы мнѣ какъ можно скорѣе продать лужайку прежде чѣмъ я опомнюсь.

— Такъ ты смекнулъ—о чемъ они говорили?

— Чего-жъ мнѣ не смекнуть? Вѣдь я и по-жидовски чуточку смыслю.

— И не купилъ лужайки? Хорошо сдѣлалъ, потому что дѣло нечестое,—замѣтила женщина.

Но мужикъ не обрадовался женinou похвалѣ, потому что имъ опять овладѣло сомнѣніе относительно барскихъ намѣреній.

— А, можетъ, они отъдуши хотѣли продать лужайку такъ дешево?—думалъ онъ.

Онъ пересталъ ѣсть и шлялся по избѣ изъ угла въ уголъ. Его охватила большая тревога, что, можетъ быть, онъ поступить дурно, упустивъ такой случай, но онъ подбодрилъ себя, бормоча:—меня не надуешь! я знаю толкъ въ дѣлахъ!..

Наконецъ, волнение Сликама достигло зенита. Онъ усѣлся на лавкѣ, потомъ соскочилъ съ нее, схватился за голову и съ минуту уже не зналъ, что дѣлать въ тяжелой нерѣшимости. Вдругъ онъ вспомнилъ на Іендрекъ и у него блеснула счастливая мысль.

— Поди-ка ты сюда, Іендрекъ, — сказалъ онъ мальчику, свивая ремень съ пояса.

— Ой, тятенька, не бейте меня!—взвизгнулъ мальчикъ, которому, впрочемъ, часа два уже казалось, что ему не миновать побоевъ.

— Ничто не поможетъ!—говорилъ Сликакъ. —Ты упрямъ, ты вчера издѣвался надъ барчукомъ, сегодня лаялся съ самимъ баринкомъ... ложись на лавку!..

— Ой, тятенька, не троңте меня!—просилъ Іендрекъ.

Стасекъ обнялъ отца за ноги и съ плачемъ цѣловалъ ему колѣна, а Магда выбѣжала на дворъ къ хозяйкѣ.

— Говорю тебѣ: ложись на лавку, пока я добръ... — бичалъ Сликакъ. Какъ я сегодня отсыплю тебѣ то, что съѣдуешь, такъ ты не будешь, несъ этакій, возжаться съ этимъ сорванцемъ Исьбой... Ложись сейчасъ!..

Вдругъ Сликамова сильно застучала въ окно.

— Иди скорѣе, Юзекъ,—говорила она,—потому что съ новой коровой приключилось что-то. Она такъ мечется...

Мужикъ выпустилъ Гендрека и бѣгомъ побѣжалъ въ хлѣвъ. Тутъ, однако, онъ увидѣлъ, что всѣ коровы стоятъ у яселъ и спокойно ѣдятъ.

— Видно ужь у нея отошло,—говорила баба,—но она такъ металась, говорю тебѣ, какъ ты вчера.

Слимакъ внимательно осмотрѣлъ корову, коснулся ея хребта и покачалъ головой. Онъ догадался, что жена хотѣла отвлечь его этой уловкой отъ Гендрека. Однако-же, такъ какъ мальчикъ уже выскользнулъ изъ хаты, а и у отца злость отлегла, то все окончилось вничью, какъ и бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ.

V.

Насталъ июль, помѣщикъ съ помѣщицей давно уже уѣхали за границу; въ деревнѣ о нихъ забыли и даже новая шерсть стала отростать на подстриженныхъ овцахъ.

Солнце такъ грѣло, что тучи уѣжали съ неба куда-то въ лѣса, а земля защищалась отъ зноя тѣмъ могола: на дорогахъ пылью, на лужайкахъ травой, на поляхъ изобильнымъ урожаемъ.

Для крестьянъ это время было началомъ самыхъ тяжелыхъ работъ. У помѣщика уже скосили клеверъ и полевой рѣпнякъ, у избъ бабы и дѣвушки копали свеклу и картофель, а старухи собирали потогонную траву, липовый цвѣтокъ, какъ лекарство отъ лихорадки, и Богородицины волоски, какъ лѣкарство отъ всѣхъ недуговъ и печалей. Священникъ по цѣлымъ днямъ слѣдилъ за пчельникомъ, а Шмуль, корчмарь, выдѣлывалъ уксусъ. Въ лѣсу раздавались ауканья дѣтей, собирающихъ ягоды.

Между тѣмъ посѣвляли хлѣба и Слимакъ на другой день праздника Богородицы Нарамежной принялся жать жито. Это была работа короткая на три или даже на два дня; но крестьянинъ торопился, во-первыхъ для того, чтобы не высыхалось слишкомъ сухое зерно, а во-вторыхъ для того, чтобы успѣть идти жать къ помѣщику.

Обыкновенно они работали втроемъ: Слимакъ, Овчаръ и Гендrekъ, попеременно жали и визали снопы; хозяйка-же и Магда помогали имъ съ утра и послѣ обѣда.

Въ первый-же день, во время послѣобѣденной работы, когда они жали въ пятеромъ (потому что на этотъ разъ работали и женщины), они добрались до вершины пригорка, Магда замѣтила подъ лѣсомъ нѣсколько человѣческихъ силуэтовъ и разсказала объ

этомъ хозяйкѣ. Всѣ оглянулись въ ту сторону и стали дѣлать свои наблюденія.

— Это какіе-то мужики, — сказалъ Овчаръ, — потому бѣлье.

— Между ними есть тамъ одинъ соломенный, — прибавила Сламакова, — а мужики такъ не ходятъ.

— И должно быть, у нихъ сапоги до колѣнъ, вставилъ Слимакъ.

— Присмотритесь, — воскликнулъ Гендрекъ, — въ рукахъ у нихъ тычинки и они какъ-бы тащатъ за собой веревку!

— Это вѣрно землемѣры?.. Что-бы это значило?.. задумался Слимакъ.

— Вѣрно новые надѣлы!.. отвѣтила Сламакова. — Видишь, какъ хорошо, что ты тогда не купилъ у барина лужайки?

Они опять принялись за работу, но она не спорилась у нихъ, потому что каждый украдкой поглядывалъ на этихъ людей изъ-подъ лѣса, которыхъ можно было всего лучше рассмотреть. Это не были мужики, потому что вмѣсто перепоясанныхъ рубахъ на нихъ были надѣты бѣлые или желтоватыя куртки, а на шляпахъ у нихъ были черныя ленты. Они шли съ запада на востокъ и очевидно, измѣряли поле.

Появленіе ихъ такъ интересовало Сламака, что вмѣсто того, чтобы стоять во главѣ работы, онъ тащился въ концѣ рядомъ съ Магдой. Наконецъ, онъ крикнулъ:

— Гендрекъ! брось серпъ и подскочи къ тѣмъ, которые тамъ по полю хозяйничаютъ. Выслѣди, кто они такіе и смекни: замышляютъ-ли они земли раздавать, или у нихъ что другое на умѣ?

Мальчуганъ побѣжалъ стрѣлою.

— А обходи ихъ осторожно! — кричала мать, — чтобы тебя который не опрокинулъ.

Гендрекъ быстро догналъ измѣрителей, подошелъ къ нимъ и разговаривалъ съ минуту, но и не думалъ возвращаться. Наоборотъ взялся даже за тычинку и за цѣпь!

— Слыханное-ли дѣло! — удивлялась Сламакова, — а онъ ужъ совсѣмъ къ нимъ присталъ. Взгляни-ка Юзекъ, какъ онъ тянетъ эту веревку?..

— Вѣрно вѣдь они учились не одну зиму и ни одинъ съ нимъ не сравняется. А онъ парень, который развѣ что у жида за стекломъ видѣлъ такой инструментъ, такъ и скачетъ между ними, что твоей заяцъ... Вотъ такъ парень!.. Жаль, что я не велѣла ему сапоговъ обуть, потому что еще подумаютъ, что онъ сирота какой, а не хозяйскій сынъ.

Она подбоченилась и съ удовольствіемъ поглядывала на Генд-

река, который действительно съ большою ловкостью переносилъ тычинки и тянулъ цѣпь отъ точки до точки.

Вскорѣ партія инженеровъ сошла внизъ и скрылась изъ глазъ мужиковъ.

— Что-же изъ этого будетъ,—сказалъ недоумѣвающій Сликакъ,—хорошее или худое.

— Чему дурному быть, какъ земля прибавятъ?—вставила Сликакова. А что ты думаешь, Матекъ.

Работникъ, какъ-бы смущенный вопросомъ, сначала отеръ потъ со лба и отвѣтилъ послѣ нѣкотораго раздумья:

— Что тутъ можетъ быть хорошаго? Я помню, когда я служилъ у барина Ктетовю (этому уже будетъ лѣтъ шесть), и аккурать такіе-же самые прошли черезъ поля съ тычинками, то тотчасъ-же осенью у старшины оказался недочетъ въ кассѣ и цѣлая волость должна была заплатить за него. Каждое новое дѣло—дѣло невѣрное,—заклучилъ онъ.

Солнце уже склонилось къ западу, когда прибѣжалъ задыхающійся Исндрекъ, крича матери, чтобы она принесла молока изъ погреба, потому что сюда идутъ два барина, два важныхъ барина, которые дали ему два гульдена за ношеніе цѣпи.

— Отдай это сейчасъ матери!—крикнулъ Сликакъ.— Они заплатили два гульдена не за цѣпь, а за то молоко, которое они у насъ съѣдятъ.

Исндрекъ чуть было не расплакался.

— Что мнѣ отдавать мои деньги?—говорилъ онъ.— Вѣдь они вамъ особенно заплатятъ за то, что они съѣдятъ и еще за другія вещи, которыя заберутъ!.. Они даже спрашивали, есть-ли въ избѣ цыпята и масло.

— Значитъ они купцы, что разспрашиваютъ о маслѣ и цыпятахъ?... спросилъ Сликакъ.

— Не купцы, а важные господа, которые ѣздятъ съ палаткой и поваромъ, а онъ имъ въ полѣ кушанье готовить.

— Цыгане, что-ли?—проворчалъ Сликакъ.

Не ожидая окончанія разговора, хозяйка побѣжала въ избу, а вскорѣ появилось и двое господъ. Они были вспотѣвши, загорѣлы и запылены; но видъ у нихъ былъ такой внушительный, что при встрѣчѣ съ ними Сликакъ и Овчаръ сняли шапки, какъ-бы по командѣ.

Поздоровавшись съ мужиками, старшій баринъ съ длинной черной бородой, спросилъ:

— Который изъ васъ хозяинъ?

— Я,—сказалъ Сликакъ.

— Ты давно живешь тутъ?

— Съ измальства.

— И видѣлъ, какъ эта рѣка разливается

— Не разь!...

— А не помнишь, какъ высоко поднимается вода?

— Иногда, сударь мой милостивый, разольется надъ лужайкой такъ, что мужикъ-бы утопулъ.

— Ты это навѣрно знаешь?

— Всѣ знаютъ, потому что вѣдь и эти обрывы, которые въ склонахъ горы, вода выжрала.

— Надо будетъ поставить десятисаженный мостъ, — проговорилъ младшій баринъ.

— Конечно, — отвѣтилъ старшій. Онъ оглядѣлъ лужайку и снова обратился къ Слимаку.

— А молока у васъ можно достать?

— Ужь жена моя сошла внизъ, пожалуйста, господа.

Господа направились въ избу, а за ними Слимакъ, Овчаръ и даже Магда. Питье молока такими гостями было такимъ великимъ событіемъ въ хозяйствѣ Слимака, что слѣдовало оставить жнитво.

Не меньшій сюрриризь ожидалъ ихъ на дворѣ. Слимакова съ Гендрекомъ вынесла туда стулья съ ручками и вишневый столъ, накрыла его скатертью, положила тарелки, оловянные ложки, кружокъ масла, ситникъ и цѣлый сыръ съ тминомъ. На порогѣ избы стоялъ горшокъ простокваши, а въ нѣсколькихъ шагахъ съ боку три курицы и большая кучка цыплятъ клевали кашу, покрикивая и толкаясь.

Господа переглянулись между собою съ удивленіемъ.

— Ну-ну, — шепнулъ младшій, — шляхтичъ не принялъ-бы васъ лучше.

Они усѣлись за столъ, съѣли полчашки молока, похвалили сыръ и масло, наконецъ, старшій спросилъ Слимакову, что ей заплатить?

— Кушайте во здравіе, господа, — отвѣчала женщина.

Они еще болѣе удивились.

— Однако-же, мы не можемъ васъ даромъ объѣдать, — сказалъ старшій баринъ.

— Мы не возьмемъ денегъ за гостепрѣмство. Наконецъ, мой мальчуганъ заработалъ у васъ, господа, столько, сколько-бы онъ получилъ за цѣлый день жнитва.

— Что?... прошенята младшій баринъ старшему. Таковы вольскіе крестьяне!...

Они базались очень довольными, а старшій баринъ обратился къ Слимаку:

— За такой пріемъ мы выстроимъ вамъ тутъ ведалско ставцію.

Слимакъ поклонился.

— Не понимаю, сударь мой милостивый, что это такое и что господа хотять у насъ сдѣлать?

— Мы проведемъ вамъ желѣзную дорогу.

— Дорогу желѣзную,—повторилъ младшій баринъ.

Слимакъ покачалъ головой.

— Кто станеть ѣздить по такой дорогѣ?... Самая крѣпкая лошадь стерла-бы копыта.

— По этому-то кладь будутъ возить не лошади, а локомотивъ.

Мужикъ почесалъ у себя въ головѣ.

— О чемъ ты такъ задумался?—спросилъ его старшій баринъ.

— Должно быть, намъ не къ добру послужить такая дорога, сказала мужикъ,—потому что извозомъ ужъ ничего не зарабатываешь.

Оба барина разсмѣялись, а старшій заговорилъ:

— Не бойся, мой любезный, такая дорога—это счастье для васъ, а въ особенности для тебя, такъ какъ ты будешь жить ближе всего къ станціи. Ты будешь возить товары, прѣзжихъ, будешь продавать масло, яйца, куры, капусту и все, что у тебя родится. А мы хорошо платимъ.... На пробу можешь ты намъ продать эти цыплята. Сколько ихъ тутъ?

— Двадцать два,—проговорила Слимакова.

— По чемъ хотите?

— Сколько милость будетъ.

— Отдайте по два гульдена?

Слимакова мимоходомъ взглянула на мужа. До сихъ поръ имъ платили не болѣе гульдена за цыпленка.

— Берите, господа,—отвѣтила она.

— Мошенникъ жидъ,—пробормоталъ младшій,—продастъ намъ по полтиннику.

— А масла свѣжаго у васъ много?—спрашивалъ старшій баринъ у Слимаковой.

— Найдется гарнца два.

— По чемъ?

— Сколько милость будетъ.

— Возьмите по пяти гульденовъ за четверть?

Хозяйка только поклонилась. Жидъ платилъ ей по полтиннику.

Такимъ образомъ господа заказали еще нѣсколько сыровъ, сто двадцать раковъ, шестьдесятъ огурцовъ, нѣсколько ситниковъ и велѣли все это привезти къ мѣсту, гдѣ стояли двѣ палатки. Младшій постоянно удивлялся дешевизнѣ, а старшій хвастался тѣмъ, что онъ всегда дѣлаетъ такія покупки. Передъ уходомъ-же, вышачивая хозяйкѣ шестнадцать рублей бумажками и полтинникъ серебромъ, спросилъ:

— Что-жь вы не обижены?

— Куда тамъ обижена!—отвѣтила Сликакова. Дай Богъ каждый день такъ продавать....

— Будете продавать, когда мы выстроимъ дорогу.

— Помогли вамъ Господь Богъ и Пресвятая Богородица, благословила ихъ женщина.

Молчаливѣй Овчаръ только кланялся въ землю, а Сликакъ съ паншой въ рукѣ проводилъ гостей до самыхъ яровыхъ.

Вернувшись оттуда, онъ сталъ распоряжаться съ лихорадочной теропливостью.

— Собери масло Ягна; ты Магда нарви семьдесятъ штукъ самыхъ лучшихъ огурцовъ, и ты Матекъ возьми мѣшокъ и сбѣгай съ Іендрекомъ къ рѣкѣ за раками... Исусе, Пресвятая Дѣва Марія! еще мы никогда столько не выторговывали.... Надо, чтобы ты купила себѣ въ воскресенье фуляръ, а Іендреку новыи жилеть ради такой оказіи!...

— Счастье посѣтило нашъ домъ,—сказала не менѣе взволнованная женщина. А фуляръ купить надо, потому что иначе въ деревнѣ не повѣрятъ, что мы заработали такія большія деньги.

— Мнѣ чутьчку не по сердцу, что по новой дорогѣ вози будутъ ѣздить безъ лошадей,—прибавилъ Сликакъ, но, впрочемъ, что мнѣ до этого, это не мой грѣхъ.

Къ вечеру онъ отвезъ инженерамъ купленные ими припасы и получилъ новые заказы; потому что при проведеніи желѣзной дороги работало много господъ, которые назначили Сликака главнымъ поставщикомъ. Слѣдовательно онъ продавалъ имъ дичь и молочные продукты, печенья и овощи по назначенной инженерами цѣнѣ, самъ скуная припасы въ окрестныхъ деревняхъ и зарабатывая копѣйку на копѣйку. Мужикъ удивлялся щедрости новыхъ знакомыхъ, а они—дешевизнѣ провизіи.

Черезъ недѣлю партія инженеровъ переѣхала дальше, а Сликакъ, сведя счеты съ женою, убѣдился, что у него около двадцати пяти рублей денегъ, которые свалились ему неизвѣстно откуда, не считая заработанныхъ извозомъ и уплаты за потерянные дни.

— Ошиблись они, что-ли, или я имъ чего не отвезъ?... думалъ мужикъ и онъ устыдился этихъ денегъ.

— Знаешь, Ягна,—сказалъ онъ однажды женѣ,—не съѣздитъ ли мнѣ за господами и не отдать-ли мнѣ имъ этихъ денегъ?

— О, дуракъ!—крикнула баба.—вѣдь однако-же, каждый, кто торгуетъ, зарабатываетъ столько. Еще ты имъ-же услугу оказалъ, что продавалъ цыплятъ по два гульдена, когда они платили жидамъ по полтиннику.

- Но, я покупала у людей по гульдену.
 — А жидъ почему покупаетъ?
 — Жидъ не пахарь и, наконецъ, онъ не крещенный.
 — За то онъ зарабатываетъ по два гульдена и по пятаку на цыпленкѣ, а ты по гульдену. Впрочемъ, гульденъ, это даже не заработокъ, а только подарокъ, который господа сдѣлали тебѣ за хлопоты.

Слово за хлопоты успокоили мужика. Известное дѣло, онъ хлопоталъ и господа могутъ ему предложить сколько имъ вздумается. Видно, господа изъ Варшавы хорошо платятъ за хлопоты, когда даже шуринокъ помѣщика за поднятіе шапки далъ Гендреку серебряный двугривенный.

Когда семья занялась поставкой для инженеровъ, все жнитво обрушилось на Матейку Овчара. То, что они прежде дѣлали втроемъ, или впятеромъ, то онъ долженъ былъ теперь сработать одинъ. Онъ выходилъ на холмы на разсвѣтъ, сходилъ съ нихъ поздно ночью, снопы вязалъ, складывалъ и раздумывалъ, какая это можетъ быть желѣзная дорога, по которой ѣздитъ безъ лошадей.

Видя, что, не смотря на усердіе работника, работа тянется дольше обыкновеннаго, Слимакъ нанялъ ему въ помощницы старуху Собѣскую. Баба явилась въ шесть часовъ, съ небольшой бутылкой лекарства отъ раны на ногѣ—и до полудня—жала за двоихъ, напѣвая грубымъ голосомъ пѣсенки, которыхъ стыдился даже Матейка. Но когда она послѣ обѣда отвѣдала лекарства, сильно отзывающаго крѣпкой водкой, то лечение такъ ее разоблажило, что у бабы серпъ выпалъ изъ рукъ.

— Ты хозяйинъ,—стала она выкрикивать,—ты хозяйинъ. наколачивай деньги, а ты поденщикъ—жни!... Жни, Матейка!... жни, старая Собѣская!... а я въ это время буду разгуживать подъ руку съ инженерами, буду по всей деревнѣ скупать и прятать рубли въ сундукъ. Вы увидите, что его еще прозовутъ павомъ Слимакинскимъ!...

Прошептавъ это, Собѣская упала на борозду и не очулась до захода солнца. Не смотри на это, ей заплатили за цѣлый день жнитва, потому что у больной бабы былъ острый языкъ, и когда Слимакъ хотѣлъ поторговаться съ нею за проспавшее время, она отвѣтила, цѣлуя у него руку:

— Что вамъ со мною ссориться, г-пъ хозяйинъ!... Продайте, однимъ цыпленкомъ больше и вы не останетесь въ убыткѣ, не обижая меня!...

— Всегда лучше такому, который умѣетъ подмазаться!—подумалъ Овчаръ. Когда-же въ воскресенье всѣ изъ избы собира-

лись въ церковь, онъ усѣлся на лавкѣхъ передъambo избой и сталъ тяжело вздыхать.

— А ты, Матеевъ, не идешь въ церковь?—спросилъ его Слимакъ, замѣтивъ, что работнику чего-то недостаетъ.

— Куда мнѣ въ церковь!—вздохнулъ Овчаръ. Я-бы только васъ осрамилъ.

— Чего-жь тебѣ не хватаетъ?

— У меня нѣтъ ни въ чемъ недостатка, но обувь у меня такая, что какъ я вступлю, то нога идетъ впередъ, а сапогъ, пещь его возьми, остается на дорогѣ.

— Ты самъ виновать,—проговорилъ Слимакъ,—зачѣмъ не говоришь? Вѣдь тебѣ-же надо получить за твою службу и я тебѣ сейчасъ дамъ шесть рублей.

Черезъ минуту онъ вынесъ изъ избы деньги, а Овчаръ обнял его ноги.

— Купи себѣ сапоги,—говорилъ Слимакъ,—но въ корчму не заходи, потому, что у тебя сердце мягкое и ты все пропьешь.

Вскорѣ они пошли въ церковь, Слимакъ съ женою. Магда съ мальчиками, а Овчаръ издалека въ концѣ. Идя онъ мечталъ себѣ, что какъ построютъ дорогу изъ жельза, то Слимакъ станетъ шляхтичемъ, а онъ, Овчаръ, останется у него служить на своихъ харчахъ и женится..

Вдругъ онъ перекрестился, чтобы отогнать злого духа, который, очевидно, загородилъ ему путь и напештивалъ глумля желанья. Гдѣ-же такому нищему, какъ онъ, думать о женѣ? Зоська его бы не захотѣла, хотя у нея уже двухъ-лѣтній ребенокъ и въ родовѣ что-то чопортилось.

Это было памятное воскресенье для обоихъ Слимаковъ. Она купила въ лавкѣ фуляръ, дала нищимъ по четыре кофѣйки милостыни, а въ церкви усѣлась на лавкѣ передъ алтаремъ, гдѣ Грибина и Лукалакова тотчасъ уступили ей мѣсто. Съ нимъ-же поминутно заговаривалъ кто-нибудь. Арендаторъ выговаривалъ ему, что онъ портитъ цѣны жидкамъ, продавая все дешевле,—органистъ напоминалъ, что стоило-бы закупить обѣдню, которую служатъ за души, находящіяся въ чистилищѣ.—самъ урядникъ съ нимъ поздоровался и даже священникъ началъ бесѣдовать, поощряя Слимана разводить пчелъ.

— Ну, теперь,—говорилъ священникъ—когда у тебя есть деньги и свободное время ты могъ-бы приходить ко мнѣ на домъ и присматриваться, какъ ухаживать за пчелами? Потомъ ты бы купилъ пару улъевъ, у тебя былъ-бы медъ для себя или на продажу, а воскъ для церкви. Вѣдь и при большемъ имѣннн, дитя мое, не мѣшаетъ помнить Бога и разводить пчелъ....

По уходъ священника къ Слимаку подошелъ Грибъ. У старика сверкали глаза, когда онъ спросилъ, ехидно улыбаясь.

— Вы вѣрно угостите сегодня всю деревню, Слимакъ, когда вамъ удалось обдѣлать такое дѣльце?

— Вы меня не угощали, когда обдѣлывали свои дѣла, такъ и я не стану васъ угощать, — отвѣтилъ Слимакъ.

— Не удивительно, потому-что я не зарабатываю даже на коробахъ столько, сколько вы на курахъ.

— За то вы на людяхъ больше всего зарабатываете.

— Онъ правъ! — поддержалъ Слимака Висневскій, и тотчасъ началъ его умасливать, прося одолжить сто гульдиновъ до поваго года. Когда-же ему отказали, онъ скрылся въ кучкѣ хозяевъ, собравшихся у церкви, жалуясь на скудость Слимака.

— Ужъ онъ теперь важнымъ баринномъ сталъ, скоро не захочетъ съ мужиками разговаривать!

— У помѣщика не былъ на жнитвѣ, хоть его звали, — вступилъ прикащикъ.

— Его баба усѣлась на первой скамейкѣ передъ алтаремъ — прибавилъ Воитасюкъ.

Овчару не принесли счастья деньги, данныя ему на сапоги. Когда, покорный, какъ всегда, онъ всталъ на паперти, чтобы не мозолить глазъ Господу Богу своимъ потертымъ армякомъ, нищія съ крикомъ начали укорять его въ томъ, что онъ никогда не помогаетъ бѣднымъ. Тогда онъ пошелъ въ корчму размѣнять три рубля, тамъ-же къ нему привязался шинкаръ.

— Какже быть съ моими деньгами, папъ Матвѣй.

— Съ какими деньгами?

— Вы уже забыли?... Однако-же, вы уже съ Рождества должны мнѣ семь гульденовъ.

— Слыханное-ли дѣло!... окрысился Овчаръ. Да всѣ наши деревенскіе говорятъ, что вы мнѣ никогда не дадите въ долгъ, а когда я пью, то долженъ платить чистыя деньги.

— Это правда, — отвѣчалъ шинкаръ. — Но въ Рождество Христово, ты такъ пашлся Матеемъ, такъ обнималъ меня, такъ цѣловалъ, что я долженъ былъ дать тебѣ въ кредитъ водки и пива и рому, и еще кренделей.

— А свидѣтели у тебя есть?—пронзительно вскрикнулъ Матекъ,—потому что я тебѣ говорю, ветхозавѣтный, что ты хочешь меня падуть...

Шинкаръ подумалъ съ минутою.

— Свидѣтелей,—проговорилъ онъ,—у меня нѣтъ и потому я до сихъ поръ не требовалъ у тебя денегъ. Но если ты мнѣ поглянешься тутъ въ глаза, при людяхъ, что ты меня не цѣловалъ тогда и не просилъ кредита, то я тебѣ прощу твои семь гульденовъ. Стыдно,—прибавилъ шинкаръ, стлелываясь,—работнику отъ такого порядочнаго хозяина обижать бѣдныхъ жидковъ!.. Я вамъ прощаю Овчаръ, но съ той поры уже не входите въ мою корчму, потому что мнѣ стыдно за васъ.

Работникъ колебался. А можетъ онъ и вправду долженъ семь гульденовъ?..

— Ну, — сказалъ онъ, — если вы такъ говорите, то я вамъ отдамъ. Только смотрите, чтобы васъ Господь Богъ не наказалъ за мою обиду.

Въ дуплѣ, однако-же, онъ сомнѣвался въ томъ, захочетъ-ли Господь Богъ за такого, какъ онъ, бѣдняка, наказывать такую особу, какъ шивкаръ.

Ужъ онъ готовился выходить, огорченный, когда въ корчму вошло нѣсколько галиційскихъ рабочихъ. Они усѣлись за столъ и стали разсуждать о томъ, что при постройкѣ желѣзной дороги будутъ большіе заработки.

Матекъ придвинулся и, видя, что они такіе-же оборванцы, какъ и онъ самъ, проговорилъ:

— Правда-ли это, что гдѣ-нибудь на свѣтѣ существуютъ желѣзныя дороги? Вѣдь на такое дѣло не хватило-бы желѣза изъ всѣхъ кладовыхъ. Даже, навѣрно, у самого начальства не было столько...

Рабочіе осмѣяли его. Но самый рослый изъ нихъ, который отличался военной фуражкой и очень выпуклой гортанью, сказалъ:

— Чему тутъ смѣяться, что такой простякъ не знаетъ, что такое желѣзная дорога? Садись-ка тутъ, братъ, подлѣ меня, и тебѣ раскажу все, какъ слѣдуетъ, по—поставь бутылку горѣлки.

Прежде, чѣмъ Матекъ рѣшился, водка уже была на столѣ. Шинкарь ее подавъ, говоря:

— Отчего ему водки не поставить? Онъ ужъ поставилъ!... Онъ парень добрый!...

Что случилось потомъ, Овчаръ не помнитъ. Кто-то разсказать ему, какъ быстро ѣздить воздушная машина, а кто-то другой кричалъ, что онъ долженъ купить сапоги, а не пропивать деньги. Позднѣе-же еще кто-то взялъ его за руки и за ноги и вынесъ изъ шинка въ конюшню. Но кто? Овчаръ не зналъ. Достоверно одно, что онъ вернулся домой поздно, не имѣя ни гроша.

Хозяйка не хотѣла на него глядѣть, а Слимакъ качалъ головой и говорилъ:

— Ой, ты, ты! Ты никогда ничего не добьешься, потому что въ тебѣ сидитъ чортъ и толкаетъ тебя въ самую пепутевую компанію.

Такимъ образомъ, Овчаръ не купилъ себѣ новыхъ сапогъ; за то взамѣнъ получилъ такую прибыль, которая ему никогда не грезилась.

Былъ печальный сентябрьскій вечеръ; по мѣрѣ того какъ угасалъ день, небо покрывалось новыми слоями облаковъ, спускающимися все ниже, все болѣе растерзанными и унылыми. Лѣса, холмы, деревья, даже плетни у дома постепенно расплывались въ сѣромъ, влажномъ покровѣ, зіяющимъ дождемъ, частымъ и мелкимъ, до того мелкимъ, что онъ проникалъ всюду. Его было много въ землѣ, которая размякла, какъ разжиженное тѣсто, много на дорогѣ, куда онъ стекалъ грязножелтыми ручейками, много на дворѣ, гдѣ онъ образовалъ темныя лужи. Имъ были пропитаны крыши и стѣны избъ, шерсть животныхъ, одежда и даже души человѣческія.

Въ хатѣ Слимака подумывали объ ужинѣ; однако, никто не былъ въ духѣ. Хозяинъ зѣвалъ, хозяйка была сердита, мальчуганы сонные и даже Магда двигалась лѣнливѣе обыкновеннаго. Поглядывали на печку, гдѣ постепенно доваривался картофель, на двери, въ которыя долженъ былъ войти Овчаръ, на окно, за которымъ слышалось плюканье дождевыхъ капель, спадающихъ съ тучъ высочайшихъ, низшихъ и ближайшихъ, со всѣхъ зданій

со всѣхъ увядающихъ листьевъ, съ соломенной крыши, со стѣнъ и со стеколъ. Иногда эти поперебѣнные отголоски сливались въ одинъ и тогда, казалось, что кто-то идетъ.

Вдругъ скрипнули двери въ сѣни.

— Матекъ!—проворчалъ хозяинъ.

Матекъ, однако, не входилъ. Въмѣсто этого послышался шурпанье руки, щупающей стѣну, точно кто-то не могъ попасть въ избу.

— Ослѣпъ, что-ли?—проговорила хозяйка и отворила нетерпѣливымъ жестомъ.

Въ сѣняхъ что-то стояло, но не Матекъ; что-то невысокое, толстое, закутанное въ промокшій платокъ. Хозяйка отступила,—тогда сѣни освѣтились отблескомъ огня и въ верхнемъ отверстіи платка показалось человѣческое лицо, мѣднаго цвѣта, какъ бы закоптѣвшее, съ короткимъ, безобразнымъ носомъ и косыми глазами, которые едва видѣлись изъ опухшихъ вѣкъ.

— Благословенъ!—раздался изъ подъ платка охрипый голосъ.

— Это ты, Зоська?—спросила удивленная хозяйка.

— Я.

— Входи же скорѣе, потому-что холоду палустинъ въ избу.

Странная личность вошла, но остановилась у порога, молча. Теперь можно было замѣтить, что у нея на рукахъ ребенокъ блѣднѣе кости, съ посинѣвшими губами; изъ подъ платка высывалась его ручка, тонкая, какъ лучинка.

— Что ты дѣлаешь тутъ, въ такую погоду?—спросилъ Слимакъ.

— Иду мѣста искать,—отвѣтила она. Она оглядѣла избу, ища скамѣйки, но отступила къ дверямъ и брякнулась у стѣны и у порога.

— Въ деревнѣ толкуютъ,—говорила она хриплымъ и однообразнымъ голосомъ,—что у васъ теперь большія деньги. Я думала, что вамъ пужна дѣвка и пришла.

— Намъ дѣвки не нужно,—сказала хозяйка. Наконецъ, у настѣсть Магда, да и той немного работы.

— Что же ты начудила, что у тебя нѣтъ должности?—спросилъ Слимакъ.

— Дѣтомъ я была на жнитвѣ, а теперь меня никто не хочетъ принять съ ребенкомъ. Одну бы скорѣе пріютили.

Въ эту минуту вошелъ Овчаръ и встрепенулся въ недоумѣніи, увидѣвъ Зоську.

— Откуда ты тутъ взялась?..—спросилъ онъ.

— Иду мѣста искать. Толкуютъ, что Слимакъ теперь богатъ, ну, я и зашла, можетъ, онъ меня возьметъ въ работницы. Но съ ребенкомъ и Слимакъ не хочетъ меня брать.

— О, Боже! Боже!..—прошептала работница при видѣ нищеты, худшей, чѣмъ его собственная.

— Что жъ ты такъ надъ ней плачешь, Матекъ, точно совѣсть тебя грызетъ,—ѣдко отвѣтила хозяйка.

— Знаю дѣло каждому жаль видѣть столько несчастья,—проворчала Слимакъ.

— А больше всего должно быть тому, кто виновать—вставила Слимакова.

— Я не виновать,—проговорилъ, Матекъ, пожимая плечами. Но все же мнѣ жаль ее и ея ребенка.

— Ну, такъ возьми его, когда тебѣ жаль,—отвѣтила сердитая хозяйка. Правда, Зоська, ты бы отдала ребенка Овчару?... Кто онъ: мальчикъ или дѣвочка?

— Дѣвочка,—прошептала Зоська, глядя на Овчара,—сѣ ужъ два года,—и прибавила:

— Если хочешь, такъ возьми ее...

— Очень она мнѣ нужна,—отвѣчалъ работникъ,—по все же жаль.

— Если хочешь, такъ возьми ее... Возьми ее, возьми, когда хочешь... Слимакъ теперь богатъ и ты богатъ...

— Извѣстное дѣло, богатъ, но шести рублей пропиваетъ въ одно воскресенье,—издѣвалась Слимакова.

— Если такой богатъ, что по шести рублей пропиваетъ въ одно воскресенье, такъ возьми ее,—говорила Зоська все болѣе порывисто и возвышая голосъ.

Она вынула изъ платка ребенка и положила его на сырую землю. Казалось, что въ эту минуту онъ былъ еще блѣднѣе, но онъ не издалъ ни одного звука.

— Глушья твои шутки, Ягна!—проворчала Сликакъ женѣ Зоська протянулася и встала на ноги.

— Вотъ мнѣ легко, хоть разъ въ жизни!...—говорила она, повысивъ голосъ, а глаза ея дико сверкали. Я не разъ думала, что я не выдержу и брошу ее гдѣ-нибудь на дорогѣ или въ воду... Но когда хочешь, такъ возьми ее, возьми, только хорошенько у меня смотри за ней, потому что когда я ворочусь, а ее не найду, то я тебѣ глазица повыцарапаю...

— Что ты блажишь, безумная!...—уговаривалъ ее Сликакъ, — перекрестись!...

— Пусть крестится тотъ, кто идетъ на смерть, а я пойду служить... Толковали, что вы теперь богачь..... Я думала, что вамъ работница нужна, и зашла сюда... Не нужно, такъ и нѣтъ, пойду дальше...

— Чего съ глушой толковать!... Садитесь ужинать—проговорила хозяйка и сердито подхватила горшокъ съ огни. Благодаря порывистому движенію, головки рассыпались по всей печи, а одна упала на землю къ босымъ ногамъ Зоськи.

— Горить... горить... горить!... крикнула Зоська, отскакивая къ двери. Сгорить изба, сгорить анбаръ, все!... Но Зоська убѣжить въ одной рубахѣ и будетъ въ одной рубахѣ ходить до самой смерти...

Какъ пьяная, бросилась она къ дверямъ, зашаталась до сѣней, потомъ на дворѣ, повторяя: горить!... горить!... Крикъ ея слышался за окномъ, потомъ въ садикѣ, наконецъ на дорогѣ. Потомъ онъ умолкъ, заглушенный шелестомъ дождя. Въ хатѣ на землѣ остался ребенокъ, ребенокъ худой и тихій.

— Догоните-же ее!—крикнула сердито Сликакова. Бѣги, Матекъ....

Но Матекъ не двинулся съ мѣста, за то откликнулся Сликакъ.

— Что ты болтаешь, кто будетъ гнаться за безумной ночью? Развѣ для того, чтобы чортъ ему шею свернулъ?

— Она притворяется безумной, чтобы дѣтей подкидывать,—проворчала хозяйка.

— Чего ей притворяться? Вѣдь ты-же сама помнишь, какая

она была у насъ, что у ней въ головѣ мутилось при каждой перемѣнѣ луны. Теперь она стала еще глуше съ того времени, какъ горѣло у Бѣтина.

— А она подохла.

Слимакъ махнулъ рукой.

— Кто это видѣлъ! люди все взваливаютъ на глушхъ, а въ это время злые чуютъ.

— Ну, а что ты сдѣлаешь съ байстрюкомъ!... разразилась хозяйка. Что-жь ты думаешь, что я, можетъ быть, буду кормить, купать, укачивать такого найденыша?...

— Однако-же, ты не вышвырнишь ее за заборъ. Впрочемъ, не бойся, Зоська придетъ сюда за нею, не сегодня, такъ завтра.

— Если не придетъ, такъ ты отвезешь найденыша въ волость. Но я не хочу въ избѣ такого ребенка даже на одну ночь—говорила сердито хозяйка.

— Ну, такъ что-же ты съ ней подѣлаешь?—окрысился Слимакъ.

— Я... я ее... возьму ее въ конюшню,—шепнулъ Овчаръ.

Опъ подошелъ къ порогу, неуклюже поднялъ ребенка съ земли и усѣвшись съ нимъ въ углу на лавкѣ, началъ его укрывать и укачивать. Въ избѣ стало тихо; потомъ изъ темнѣйшей ея половины выдвинулись Магда, Иендрекъ и Стасекъ и окружили Овчара, присматриваясь къ малюткѣ.

— Она такъ суха, какъ щетка,—прощентала Магда.

— Она не шевелится, только глядитъ,—прибавилъ Иендрекъ.

— Вы должны кормить ее съ тряпочки,—проговорила опять Магда. Я найду вамъ чистенькую.

— Садитесь ужинать,—проговорила хозяйка, уже менѣе сердитымъ голосомъ.

Она взглянула на ребенка сначала издалека, потомъ склонилась надъ нимъ, наконецъ—дотронулась пальцами до его желтаго и сморщеннаго личика.

— Собака, не мать! проворчала она. Магда,—прибавила она громче,—палей изъ крынки молока въ черепокъ и накорми найденыша, а ты, Матекъ, садись ужинать.

— Пусть Магда теперь ѣсть, я самъ покормлю сироту, — проговорилъ работникъ.

— Ну, онъ покормить!... Даже держать ее хорошенько не умѣеть!... окрысилась дѣвушка, желая отнять у него ребенка.

— Не трогай ее! — проворчалъ Овчаръ.

— Отдайте ее!... воскликнула Магда.

— Ну, оставь, не дергай ее, Магда, — сказала хозяйка. Налей молока и сверни чистую тряпочку и пусть Матекъ ее кормить, если онъ такъ хочетъ.

Съ минуту Овчаръ продержалъ въ рукѣ тряпочку въ формѣ соски и кормилъ ею ребенка къ неудовольствію Магды, которая вмѣсто того, чтобы ужинать, постоянно дѣлала различныя замѣчанія.

— О, посмотрите! онъ весь ротъ ей запихаль... О, какъ оно разливается по землѣ... Зачѣмъ вы ей въ носъ тычете тряпку? — Еще дѣвочка задохнется!...

Работникъ чувствовалъ, что онъ плохая пянка, но не выпустилъ изъ рукъ ребенка. Онъ самъ поспѣшно поѣлъ немного супа съ яйцами и молокомъ, остальные оставилъ въ чашкѣ, прикрылъ сироту армякомъ и ускользнулъ на свой ночлегъ въ конюшню.

Когда онъ вошелъ туда, одна изъ лошадей заржала, другая въ темнотѣ отвернула голову и начала обнюхивать ребенка.

— Здравойся, здравойся! — проговорилъ Овчаръ. Къ вамъ прибылъ новый извозчикъ, который даже кнута удержать не сумѣетъ. Ха!... ха!...

На улицѣ продолжалъ идти дождь. Двери конюшни притворились и все утихло. А когда черезъ нѣсколько времени вышелъ изъ избы Слимакъ взглянуть, не разясняется-ли, ему казалось, что въ конюшнѣ онъ слышитъ храпѣнье Матека.

— Ужь спать, — проворчалъ хозяинъ, поглядѣлъ на небо и вернулся въ сѣни.

— Что-же тепло тамъ найдешьшу? — спросила хозяйка мужа.

— Ужь спать, — отвѣтилъ онъ.

— Въ дверяхъ слышнута задвижка, въ печкѣ дотлѣвалъ огонь, наконецъ погасъ. Было уже поздно. Пѣтухи воспѣвали пол-

ночь, собака пролаяла имъ въ отвѣтъ и укрылась подъ телѣгой отъ непогоды, въ избѣ всѣ заснули.

Тогда тихо скрипнули ворота конюшни и изъ нихъ выскользнула какая-то тѣнь, продвинулась вдоль стѣны здаѣя и осторожно забралась въ хлѣвъ. Это былъ Матекъ. Онъ вынулъ изъ подъ армяка рыдающую малютку и поставилъ ее къ вымени коровы.

— Соси скотинку, — прошепталъ онъ, — если тебя родная мать бросила. Соси...

Черезъ минуту въ хлѣвъ послышалось слабое посасыванье. Дождь продолжалъ идти.

.V.

Желѣзную дорогу непременно порѣшили строить весной и при одномъ извѣстїи объ этомъ событїи въ деревнѣ началось движеніе. Зимой вмѣсто сказокъ за прялкой, рассказывали о неизвѣстныхъ людяхъ, которые хотѣли скупить земли у хозяевъ, — то о бѣдномъ мужикѣ, который продалъ горку песку, а купилъ за нее десять десятинъ лучшей земли, — то о новыхъ жидкахъ, которые являлись въ мѣстечкѣ, въ корчмѣ и у фермера.

Въ декабрѣ помѣщики вернулись съ лѣтней поѣздки и сейчасъ разнеслась вѣсть, что они хотятъ продать имѣнье. Правда, самъ баринъ по прежнему игралъ на органѣ и только удивлялся, когда дворовые робко спрашивали его: правда-ли это, что онъ сбываетъ родовое помѣстье? Но барыня каждый вечеръ рассказывала горничной, какъ весело будетъ въ Варшавѣ, куда они переѣдутъ. Часъ спустя, горничная шептала эти новости писарю, который долженъ былъ на ней жениться; писарь, на другой день утромъ, повторялъ ихъ подъ секретомъ управляющему и прикащику, а ужъ въ полдень въ людскихъ, хлѣвахъ, конюшняхъ и овчарняхъ повторяли ихъ всѣ, разумѣется, подъ величайшимъ секретомъ.

Слимакъ, часто работая у помѣщика, также слышалъ эту новость и видѣлъ ея послѣдствїя. Видѣлъ и удивлялся могуществу одного слова — продажа.

Дѣйствительно, оно дѣлало чудеса. Благодаря ему, рабочіе работали небрежно; благодаря ему, управляющій съ новаго года отказался отъ мѣста. Благодаря ему худѣли тихія и трудолюбивыя скотинки; благодаря ему, исчезли снопы изъ анбаровъ и зерно изъ житницы. Оно пожирало запасныя колеса и упряжь, выхватывало задвижки и засовы, вынимало доски изъ заборовъ и жерди изъ плетней, оно каждый вечеръ прогоняло дворовыхъ въ корчму, а когда ночь была потемнѣе—заставляло исчезать куда-то домашнюю птицу, то овцу, то свинку, которая была поменьше.

Великое слово, громкое слово! Оно раздалось по всему хутору, по деревнѣ, по мѣстечку, откуда купцы каждый день приносили въ господскій домъ неоплаченные счета. Оно было написано на лицѣ cadaго человѣка, въ печальныхъ глазахъ каждой скотины, на всѣхъ дверяхъ, на всѣхъ окнахъ разбитыхъ и заклеенныхъ бумагой. Звукъ его не сносили только двое людей: баринъ, который постоянно игралъ на органѣ и барыня, которая постоянно мечтала о выѣздѣ въ Варшаву. Когда-же кто-нибудь изъ сосѣдей сирашивалъ ихъ: правда-ли это, что они продаютъ имѣнье? онъ только улыбался и пожималъ плечами, а она отвѣчала со вздохомъ:

— Хотѣлось-бы намъ продать, потому что въ деревнѣ страшная скука. Но и что-жъ дѣлать, когда папа еще не нашелъ покупателя!..

Слимакъ, который иногда встрѣчалъ помѣщика и пристально къ нему присматривался, не вѣрилъ этой продажѣ.

— Какой онъ былъ, такой и есть, — думалъ мужикъ о помѣщикѣ,—однако-же, вѣдь онъ-бы огорчался этимъ несчастьемъ. Вѣдь они-же, тутъ сидятъ съ дѣда-прадѣда, тутъ выросли, а отцы ихъ занимаютъ половину здѣшняго кладбища. Камень стосновался-бы, не только человѣкъ, если-бы его сдвинуть съ давнишняго мѣста. Наконецъ, развѣ онъ банкротъ, какъ другіе? Деньги у него есть, это извѣстно.

Мужикъ мѣрилъ барина своей мѣркой и ужъ вовсе не понималъ того, что значить молодая жена, которая скучаетъ въ деревнѣ.

И пока онъ такъ думалъ, довѣряя спокойному лицу помѣщика,

въ корчмѣ подѣ предводительствомъ шинкаря Іозеля между хозьяевами шли важныя совѣщанія. Однажды утромъ въ половинѣ января въ избу Слимаковъ ввалилась старая Собѣсская. Зимнее солнце еще не успѣло оглядѣться по свѣту, но у бабы уже пылали огнемъ щеки и глаза налились кровью. Она ввалилась въ избу въ старомъ, какъ она сама, тулупѣ, въ разорванной на сухощавой груди рубахѣ.

— Ну, поставьте водки, — кликнула она, спотыкаясь на порогѣ, — такъ я вамъ кое что скажу...

Слимакъ собирался молотить, но когда ему задали подобный вопросъ, онъ усѣлся около печки и велѣлъ подать бабѣ водки, зная, что старуха не бросаетъ словъ на вѣтеръ.

Она выпила большую рюмку, тоннула ногою и крикнула: — у-га!.. Потомъ обтеревъ ротъ, проговорила:

— А знаете-ли вы, что помѣщикъ продаетъ все имѣніе: лѣса, поля, все?.. Самое большое, что оставитъ себѣ домъ и садъ...

Слимаку пришла на умъ лужайка и его охватила дрожь. Но онъ отвѣчалъ коротко:

— Сказки!

— Сказки?.. повторила баба, стараясь совладать съ икотой. Сказки?.. ну, такъ я вамъ скажу, что это святая истина... И еще вамъ скажу, что мужики побогаче совѣщаются съ Іозелемъ и Грибомъ, чтобы купить у помѣщика всю деревню... Всю деревню, на мѣстѣ мнѣ издохнуть!..

— Какъ-же они могутъ совѣщаться безъ насъ? спросила сердито Слимакова.

— Потому они хотятъ, васъ выключить. Говорятъ, что и такъ будете сидѣть у самой желѣзной дороги и что вы уже на ней много заработали человѣческой обидой...

Она выпила другую рюмку и хотѣла продолжать, но ей ударило въ голову. И такъ она только крикнула: — у-га!.. схватила Слимака, и пустилась съ нимъ въ плясъ и — силы ее оставили. Какъ подкошенный цвѣтокъ, повисла на рукѣ мужика, который вынесъ ее въ сѣни и положилъ въ углу на подстилкѣ, до того устала, что она сейчасъ-же захрапѣла.

На другой день Слимаковы полдня потихоньку совѣщались о

томъ, какъ поступить при такой овази? Подъ вечеръ мужикъ надѣлъ новый армякъ, подбитый овчиною, и пошелъ въ корчму на развѣдку.

Прежде чѣмъ онъ дошелъ, стемнѣло на улицѣ, а въ шинкѣ зажгли огонь. Когда онъ открылъ двери, онъ увидѣлъ сидящихъ за столомъ Гриба и Лукасяка. При отблескѣ сальной свѣчки они казались въ грубой одеждѣ громадными каменьями, которые кое гдѣ дремляютъ на поляхъ, сторожа границы. За прилавкомъ стоялъ Иозель въ грязномъ шерстяномъ кафтанѣ съ черными полосами. У него былъ острый носъ, острая борода, острые пейсы, острые локти и острая ермолка, а во взглядѣ его было также нѣчто клюющее.

— Благословенъ!—проговорилъ Слимакъ.

— Во вѣки,—небрежно отвѣтилъ Иозель.

Грибъ и Лукасякъ только кивнули головами, широко распустивъ на столѣ локти.

— Что вы пьете хозяева?—спросилъ Слимакъ.

— Чай,—отвѣтилъ тихо шинкарь.

— Дайте и мнѣ, только чернаго, какъ деготь, и много рома.

— Вы пришли къ намъ на чай?—издѣваясь, сказалъ Иозель.

— Не на чай, только довѣдаться.

— О томъ, что вамъ говорила Собѣсская,—проворчала шинкарь. Слимакъ усѣлся рядомъ съ Грибомъ и обратился къ нему.

— Чтожь это, вы хотите купить деревню у помѣщика?

Мужики взглянули на Иозеля, который улыбался. Черезъ минуту Лукасякъ отвѣтилъ:

— Такъ себѣ болтаемъ отъ нечего дѣлать. Кто-бы могъ въ деревнѣ скопить денегъ на такое дѣло.

— Вдвоемъ могли-бы купить, вы съ Грибомъ,—вступился Слимакъ.

— Можетъ, мы-бы и могли,—подхватилъ Грибъ,—но для себя и для тѣхъ, кто живетъ въ деревнѣ.

— Ну, а я что-же?.. спросилъ Слимакъ.

— Вы насъ не приглашали участвовать въ своихъ дѣлахъ, такъ не суйте-же носа въ наши.

— Это не ваше дѣло, а мірское.

— То то что мое!—воскликнулъ разсерженный Грибъ.

— Точно такъ-же, какъ и мое.

— То то что не такъ... упирался онъ, ударя кулакомъ. Кто мнѣ не по праву, того я не до пушу до покупки и баста!..

Шинкарь улыбался.

Лукасякъ, видя, что, Сликакъ блѣднѣетъ, что было признакомъ большого гнѣва, взялъ Гриба за руку.

— Ступайте, кумъ, домой,—проговорилъ онъ. Зачѣмъ ссориться изъ-за такого дѣла, которое еще невѣрно. Ступайте, кумъ.

Грибъ посмотрѣлъ на Юзеля и поднялся съ лавки.

— Значить вы хотите покупать безъ меня?—спросилъ опять Сликакъ.

— Вы покупали лѣтомъ цыплятъ безъ насъ,—отвѣтилъ Грибъ.

Оба они съ Лукасякомъ подали руки шинкарю и оба вышли изъ избы, не простясь съ Сликакомъ.

Юзель смотрѣлъ имъ вслѣдъ и продолжалъ улыбаться.

Когда ихъ шаги утихали на снѣгу, онъ обратился къ Сликаку:

— А видите, хозяинъ, какъ это скверно у жидковъ хлѣбъ отнимать? Я потерялъ черезъ васъ пятьдесятъ рублей, вы заработали двадцать пять, за то закупили себѣ въ деревнѣ вражды на цѣлую сотню рублей...

— И они безъ меня купили бы землю у помѣщика? спросилъ Сликакъ.

— Отчего имъ не купить безъ васъ? Что имъ за дѣло до вашего убытка, когда имъ будетъ хорошо.

Мужикъ качалъ головой.

— Ну, ну! шепталъ онъ.

— Я,—говорилъ Юзель,—можетъ быть, и могъ-бы помирить васъ съ миромъ, по — что мнѣ въ этомъ? Вы уже разъ обидѣли меня, а сердце ко мнѣ у васъ никогда не лежало.

— И не помирить?—спросилъ Сликакъ.

— Помирить-бы, но у меня свои условія.

— Ну?

— Вы, Сликакъ, сначала мнѣ верните тѣ пятьдесятъ рублей, которые я лѣтомъ потерялъ черезъ васъ, а потомъ...

— Что потомъ?

— Потомъ—постройте на своей землѣ избу и отдадите ее въ наемъ моему шурипу.

— Что онъ тамъ будетъ дѣлать?

— Онъ будетъ держать лошадей и будетъ подвозить къ желѣзной дорогѣ.

— А я что буду дѣлать съ моими лошадьми?

— У васъ будутъ земли.

Мужикъ поднялся со скамѣйки.

— Ну, ужъ не давайте мнѣ чаю,—сказалъ онъ.

— У меня даже его нѣтъ дома,—отвѣтилъ Иозель небрежно.

— А я вамъ пятидесяти рублей не заплачу, ни избы для шурипа не построю.

— Какъ вамъ угодно,—отвѣтилъ шинкаръ.

Слимакъ вышелъ изъ корчмы, хлопнувъ дверью; Иозель повернулъ ему вслѣдъ свой острый носъ и острую бороду и меланхолически улыбнулся. Въ ночной темнотѣ Слимакъ наткнулся на одного изъ дворовыхъ парней, который несъ на плечахъ мѣшокъ съ четвертью ржи, потомъ замѣтилъ крадущуюся между плетнями дворовую дѣвку, прятавшую подъ тулушъ гуся, а Иозель продолжалъ улыбаться. Онъ улыбался, когда платилъ парню по два гульдена за рожъ съ мѣшкомъ, улыбался, когда добылъ у дворовой дѣвки гуся за бутылку кислаго пива, улыбался, слушая хозяевъ, совѣщающихся относительно покупки имѣнія, улыбался, уплачивая старому Грибу по два рубля въ мѣсяцъ со ста, и улыбался, когда бралъ у молодого Гриба два рубля въ мѣсяцъ съ десяти.

Улыбка никогда не сходила съ его острыхъ чертъ, какъ грязный кафтанъ съ черными полосами никогда не разставался съ его тѣломъ.

Въ хатѣ Слимака уже угасъ огонь въ печи и дѣти спали, когда мужикъ, вернувшись изъ корчмы, сталъ въ потьмахъ раздѣваться.

— А что?—спросила его жена.

— Это дѣло Иозеля,—отвѣтилъ онъ. Онъ ими управляетъ, какъ погонщикъ волами.

— И тебя не допустить?

— Они нѣтъ, но я пойду къ самому помѣщику.

— Завтра пойдешь?

— Завтра. Иначе у меня пропадетъ лужайка. А что же я стану дѣлать безъ нея, несчастный?... вздохнулъ мужикъ.

Настало завтра, настало послѣзавтра, даже педѣля прошла, а Сликакъ не собрался къ помѣщику. Одинъ день онъ говорилъ, что онъ долженъ смолотить для купца жито, другой—что слишкомъ холодно для того, чтобы выходить изъ дома, третій—что онъ надорвался и что у него путро болитъ. Въ дѣйствительности же онъ и не молотилъ, и не надорвался, только что-то удерживало его на мѣстѣ. Что-то, что мужики называютъ робостью, шляхта—лѣнью, а ученые—недостаткомъ воли.

Въ эти дни онъ мало ѣлъ, ничего не дѣлалъ, сердился на всѣхъ и шатался по всему своему хозяйству. Чаще всего онъ вставалъ надъ покрытой снѣгомъ лужайкой и думалъ, въ немъ происходила борьба. Разсудокъ говорилъ, что надо идти къ помѣщику и разъ покончить дѣло относительно лужайки такъ или иначе; по какая-то другая сила тревожила его сердце, связывала поги, или шептала на ухо: не торопись, обожди еще денекъ, это какъ-нибудь само устроится.

— Юзекъ, отчего ты не идешь къ помѣщику? кричала жена. Вѣдь ты-же долженъ идти туда и сговориться.

— А какъ мнѣ лужайки не продадутъ, такъ что?... отвѣтилъ мужикъ.

И онъ такъ колебался, пока однажды вечеромъ Собѣсская не извѣстила его о томъ, что депутаты изъ деревни были сегодня у барина съ просьбою продать имъ имѣнiе.

У Собѣсской былъ страшный ломъ въ костяхъ, поэтому она попросила Сликакову дать ей съ наперсточекъ водки. Получивъ рюмку, она окончательно разговорилась:

— Видите, дѣло было такъ. Пошелъ Грибъ и пошелъ Лукасякъ съ Ожеховскимъ, одѣтые по праздничному. Баринъ повелъ ихъ въ канцелярiю, а Грибъ только откашлялся и тотчасъ и вывалилъ съ порога:

— Слышали мы, милостивый государь нашъ, что вы, баринъ, хотите продать родовое помѣстье. Продать свою вещь каждый имѣетъ право, а другой купить, только-бы заплатилъ, какъ

слѣдуетъ. Однако-же, все-таки было-бы не хорошо, если-бы то, что ваши дѣды и прадеды столько вѣковъ держали въ рукахъ, а мы мужики нашимъ трудомъ обрабатывали, что-бы такое дѣло могло перейти въ чужія руки. Поэтому продайте, баринъ, это имѣніе намъ, своимъ мужикамъ и крестьянамъ, а не чужимъ людямъ, которые не уважатъ такихъ воспоминаній.

— Говорю вамъ,—продолжала Собѣсская,—онъ толковать такъ краснѣо цѣлый часъ, какъ попъ на амвонѣ. У Лукасыка даже полевница заняла, а всѣ расплакались. Какъ начали мужики барину въ ноги кланяться, а баринъ началъ обнимать ихъ за голову...

— И что-же купятъ?... прервалъ, выведенный изъ терпѣнья, Слимакъ.

— Чего не купятъ?.. Купятъ!..—воскликнула баба. Только въ цѣнѣ чутью разошлись, потому что баринъ хочетъ за каждую десятину по сто рублей, а мужики даютъ по пятидесяти. Но, говорю вамъ, такъ плакали и цѣловались, точно между бариномъ и мужикомъ воцарилось согласие, вѣрно хозяева прибавятъ рублей съ десятокъ, а помѣщикъ спуститъ имъ остальные. Изель говоритъ, чтобы на столько повысили цѣну, не больше и не спѣшили бы и имъ навѣрно удастся добиться своего... Продувная собака, жидъ!.. Въ эти двѣ недѣли, что мужики у него совѣщаются, у него такая торговля въ корчмѣ, точно въ деревнѣ Матерь Божья явилась... Ахъ! чудотворная Матерь...

— А противъ меня онъ постоянно бунтуетъ хозяевъ?—спросилъ Слимакъ.

— Бунтовать не бунтуетъ,—отвѣтила баба,—только по временамъ такъ вставить словечко, что вы уже не хозяинъ, а торговецъ. Мужики на васъ пуще взвѣлись, чѣмъ онъ. Не могутъ забыть, что вы у нихъ покупали цыплятъ по гульдену, а инженерамъ продавали по два...

Вслѣдствіе этихъ свѣдѣній, Слимакъ, на другой день утромъ выбрался къ помѣщику и въ полдень вернулся кнслый домой.

— Ну, и что-жь?—спросила его жена.

— Ну, былъ и все тебѣ расскажу, только давай ѣсть.

Онъ раздѣлся, усѣлся за чашку щей и говорилъ:

— Только, говорю тебѣ, прешель ворота, гляжу, а на одной

сторонѣ дома всѣ окна раскрыты. Въ такой холодъ! слышишь-ли ты, Ягна?.. Думаю, неужели кто, не дай Боже, умеръ?.. Заглядываю, а тутъ въ самой большой комнатѣ (той, съ бѣлыми столбами, знаешь? что похожа на церковь) по полу ѣздить лакей, Матей. Безъ шипсели, въ фартуѣ, щеткой подтирается и такъ и ѣздитъ, какъ мальчишки по льду. Я говорю ему: «благословенъ!.. Что дѣлаете, Матей?» «Во вѣки!—говоритъ онъ,—видите, что полъ полнрую, потому что у насъ сегодня будутъ большіе танцы». «А баринъ, — говорю,—еще не всталъ?» «Э,—говоритъ онъ,—баринъ всталъ, только теперь съ портнымъ костюмъ примѣряютъ, потому что баринъ на балъ одѣнется краковякомъ, а барыня цыганкой». «А я, говорю, хотѣлъ его просить, чтобы онъ продалъ мнѣ лужайку. А Матей, т. е. лакей, на это: «не шумите Слимакъ! Гдѣ тамъ барину толковать съ вами о лужайкѣ, когда онъ готовится на краковскую свадьбу?..» И опять принялся ѣздить, такъ что у меня глаза разбѣжались отъ одного смотрѣнья.

Я отошелъ отъ окна и постоялъ чуточку около кухни. Слышу суматоха ужасная, пламя трещитъ, какъ въ кухнѣ масло шипитъ. Вдругъ, смотрю, вылетаетъ изъ кухни Игнашка Кемпяшъ, который служить у господъ поваренкомъ, но такой бѣдняга разстроенный, точно его кто топоромъ тыкнулъ. Кричу: «Игнашка! скажи ради Бога, кто изъ тебя такую краску пустилъ?» «Не изъ меня это»,—говоритъ онъ,—только мнѣ поваръ далъ въ морду зарѣзанной уткой и такъ меня разукрасилъ». «Слава Всевышнему Богу, говорю, что не изъ тебя, Игнашка, это сочится, но зато скажи мнѣ, какъ бы поймать помѣщика?» А онъ говоритъ: «подождите тутъ, потому что привезли оленя и навѣрно баринъ выйдетъ осмотрѣть его».

Полетѣлъ Игнашка къ колодцу, а я жду, да ожидаю, такъ что меня потягота беретъ. Но жду.

— Ну, и видѣлъ барыня?—прервала нетерпѣливо жена.

— Само собой разумѣется, видѣлъ.

— А говорилъ съ нимъ?

— А то какъ же.

— Что же вы уладили?

— Га, ну, я ему сказалъ: сударь, какъ ваша милость будетъ

насчетъ той лужайки... А онъ шепчетъ:—Ну, оставь меня въ по-
коѣ съ дѣлами, потому что у меня голова не тѣмъ занята.

— И только?—спросила женщина.

Слимакъ разставилъ руки.

— Я схожу туда завтра или послѣзавтра, какъ они выспятся
послѣ танцевъ,—сказалъ онъ.

Въ эту пору Матекъ Овчаръ выѣзжалъ въ санкахъ въ лѣсъ
за дровами. Онъ везъ топоръ, корзину съ нѣкоторой провизіей
и дочку глупой Зоськи. Мать, бросивъ сиротку осенью, не спро-
сила о ней до сихъ поръ, слѣдовательно Овчаръ служилъ ма-
терью найденнышу. Онъ самъ кормилъ ее, носилъ ночевать съ со-
бой въ конюшню и бралъ ее на всѣ работы, чтобы никогда не
выпускать изъ глазъ подкидыша.

Ребенокъ былъ такъ слабъ, что почти не двигался и не из-
давалъ голоса. Слимаковы, а больше всего Собѣсская, предска-
зывали ему скорую смерть.

— Недѣли не выдержать.

— Умереть завтра.

— Ого! ужъ тю-тю найденнышъ.

Такъ говорили о ней въ избѣ. Но найденнышъ прожилъ и не-
дѣлю и не умеръ и на слѣдующій день и даже однажды, когда
ее признали покойницей, она опять открыла на свѣтъ свои блѣд-
ные глаза.

Матекъ, слыша подобныя предсказанія, только качалъ голо-
вой, говоря: не бойтесь, съ ней ничего не станется!.. Каждую
ночь онъ подставлялъ ее украдкой къ коровьему вымени, а днемъ
не разставался съ ней.

— Что ты, Матекъ, возишься съ такимъ жалкимъ ребенкомъ?—
говорила не разъ Слимакова. Если бы даже ты говорилъ ей свя-
тыя слова, если бы ты даже ей изъ книжки читалъ, она тебя
еще не пойметъ, потому что страшно глупа. Я еще въ жизни не
видала такого глупыша...

— Ну, ну, подожди!...—отвѣчалъ парень. У нея свой умъ, только
что не говорить. Но когда разговорится самого стараго человѣка
за поясъ заткнетъ.

И вывозилъ-ли онъ навозъ въ поле, монотонно-ли мнѣ вѣсилъ,

чинилъ-ли онъ одежду, — всегда при немъ находился найденнышъ, которому онъ рассказывалъ о своихъ работахъ, котораго онъ прикармливалъ молокомъ изъ маленькой фляжечки, или убаюкивалъ, напѣвая фальшивымъ голосомъ:

Шла сирота по деревнѣ,
Напали на нее злыя собаки...

Сегодня онъ завезъ ее въ лѣсъ. Онъ завернулъ ее въ лоскутъ стараго тулупа, потомъ въ платокъ, привязалъ ее спереди къ санкамъ и такъ они ѣхали по ровной дорогѣ, съ горы или подъ гору, или ущельемъ, потому что мѣстность была покатая. Вдругъ они выбрались на равнину прямо на солнце, косые лучи котораго, отражаясь въ безконечной скатерти снѣговъ ослѣпляли имъ глаза сильнымъ блескомъ.

Ребенокъ заплакалъ, Овчаръ повернулъ его головку въ сторону и разсуждалъ:

— А видишь, говорилъ я тебѣ: — закрывай глаза. Ни одинъ человѣкъ, хотя бы самый знатный баринъ, хотя бы самъ епископъ не можетъ глядѣть на солнце, потому что это божій фонарь. Господь Иисусъ, чуть свѣтъ, каждый день беретъ его въ руку и осматриваетъ свое хозяйство на землѣ. Зимой, когда морозъ догучаетъ, онъ ходитъ кратчайшимъ путемъ и дольше почиваетъ ночью. Но за то лѣтомъ онъ встаетъ въ четыре и цѣлый день осматриваетъ мѣръ до восьми вечера. Точно также человѣкъ долженъ двигаться съ разсвѣта до захода солнца. Но ты можешь еще спать и днемъ, потому что и такъ бы немного надѣлала, хоть бы не спала. Эй! пошли!

Они вѣхали въ лѣсъ.

— Вотъ видишь, — говорилъ ребенку Овчаръ, — это лѣсъ, но не нашъ, а помѣщика. Купилъ тутъ Слимакъ четыре сажени дровъ и мы свозимъ ихъ теперь, пока дорога лучше и лошади въ полѣ не нужны. Какъ вырастешь, будешь тутъ съ дѣтьми ходить лѣтомъ за ягодами. Только не залѣзай далеко и осматривайся, чтобы тебѣ волкъ дороги не переступилъ. Тпру!... стой!... Они остановились у кучки дровъ. Овчаръ отвязалъ ребенка отъ саней и, оглядѣвшись кругомъ, усадилъ его въ кустахъ можжевельника, въ

укромномъ мѣстечкѣ. Потомъ онь выпуль изъ корзинки фляжку молока и поднесъ ее къ губамъ найденшиа.

— На, пей, набирайся силы, потому что работы будетъ чуточку. Полѣнья не маленькія и ты порядкомъ находишься, прежде чѣмъ наложить сани. Ужь не хочешь?... А-чихъ!... Ну, па здорově. А, если что попадобится, такъ крикни.

— Все-таки съ такой крошкой лучше чѣмъ одному,—прибавилъ онь про себя. Прежде человѣку было не съ кѣмъ рта разинуть, а теперь онь наговорится за всѣ времена.

Онь принялся накладывать дрова.

— Теперь присмотри-ка, какъ идетъ такая работа. Иендрекъ такъ сейчасъ бы рвануль полѣно, развалиль бы всю сажень, усталъ-бы и сейчасъ бросилъ. А ты возьми полѣно сверху—такъ—хорошенько, талци его медленно, взвали на плечи и въ сани. Вотъ ужъ тебѣ одно! Точно также и другое. Вери тихонько сверху сажени на плечо и въ сани. Вотъ тебѣ и два. Только помаленьку, не рвись, потому что устанешь. Полѣно, несъ его возьми, не хочеть идти въ сани, потому что у него свой разумъ есть и опознаеть, что его ждеть. Такъ каждый предпочитаеть свой уголь, хоть бы и самый убогій. Только такому все равно,—прибавилъ онь со вздохомъ,—у котораго нигдѣ нѣтъ своего угла. Тутъ или тамъ издыхать, все равно...

Такъ разсуждалъ Овчаръ, медленно накладывая дрова. Иногда онь отдыхалъ, или для того, чтобы согрѣться, хлопалъ себя по бокамъ окоченѣвшими отъ холода руками, или укрывалъ сироту платкомъ. Между тѣмъ небо покраснѣло, поднялся сильный западный вѣтеръ, пронизанный влажностью.

Объятый зимнимъ сномъ лѣсъ ожилъ, зашевелился и заговорилъ. Дрогнули зеленія углы сосенъ, потомъ вѣтви, потомъ вытянутыя вершины зашатались, подавая другъ другу какіе-то знаки. наконецъ—зашевелились верхушки и стволы деревьевъ. Они качались взадъ и впередъ, какъ-бы совѣщаясь или собираясь въ походъ. Казалось, что имъ уже наскучила вѣковая неподвижность и что въ первую удобную минуту вся толпа двинется куда-то, можетъ, на край свѣта, крикливая и шумящая.

Иногда часть лѣса, гдѣ стояли сани Овчара, успокоивалась, какъ

бы не желая выдать передъ человѣческимъ существомъ своихъ тайнъ. Тогда издали слышался топотъ безчисленныхъ ногъ и маршь цѣлыхъ отрядовъ. Вотъ идутъ изъ глубины шеренги правого фланга; идутъ, подступаютъ ужь поровнялись съ нами, ужь прошли... А вотъ движется лѣвое крыло; слышится хрустѣнье снѣга, скрипъ вѣтвей, шумъ отступающаго воздуха; идутъ, подступаютъ, уже поровнялись съ мужикомъ и опять обошли его. А вотъ средняя колонна, ободренная и поощренная, начинаетъ потрихивать вѣтвями, дѣлать ими другъ другу знаки, сзывать другъ друга гигантскимъ шепотомъ. Уже склоняются верхушки, уже подаются впередъ великаны, двигаются... Встали... Видятъ два человѣческихъ существа, передъ которыми лѣсъ не выдастъ своихъ тайнъ. Слѣдовательно онъ стоитъ на мѣстѣ и, сердито шумя, закидываетъ ихъ шишками и сухими вѣтвями, какъ бы говоря: убирайся отсюда, Овчаръ, убирайся и не мѣшай намъ!...

Но Овчаръ только наемный работникъ. И такъ, хотя онъ и бонтея лѣсного шума и радъ-бы дать дорогу великанамъ, онъ не можетъ этого сдѣлать, пока не наложитъ саней дровами. Ужь онъ не отдыхаетъ, не растираетъ озябшихъ рукъ только торопится укладывать полѣнья, чтобы удрать изъ лѣса до ночи и до зимней выюги.

Между тѣмъ небо все сильнѣе заволакивается облаками, лѣсъ наполняется туманомъ, начинается идти дождикъ мельче мака и замерзающій. Въ нѣсколько минутъ армякъ Матекъ, платокъ пайденина и грива лошадей покрываются тонкой, холодной и трескучей ледяной корой. Полѣнья становятся такъ скользки, что вываливаются изъ рукъ; снѣгъ на землѣ становится такимъ гладкимъ, что на него нельзя поставить ноги. Матекъ бросаетъ въ сани послѣднія полѣнья и съ тревогой глядитъ на заходящее солнце. Это вещь опасная возвращаться домой съ такой тяжести ночью, да еще въ гололедицу.

Онъ быстро положилъ сироту на нагруженные сани, перекрестился и дернулъ лошадей. Матекъ боялся многихъ вещей на свѣтѣ, но пуще всего того, чтобы на скользкой дорогѣ не опрокинулись сани и не придавили-бы, какъ телѣга нѣсколько лѣтъ назадъ.

— Пошли!... пошли!... кричалъ Матекъ на лошадей. Уже они выѣхали изъ лѣса, дорога становится все хуже. Неподрованные санки ежеминутно спадаютъ въ извилину и ужъ не разъ опрокинулись-бы, если-бы ихъ не поддерживалъ, дрожащій отъ холода и страха мужикъ. Стоило только разъ споткнуться его вывихнутой ногѣ и ужъ аминь ему и найденышу; дрова-бы ихъ придавили, остальное-бы докончилъ морозъ.

Недалеко отъ проѣзжей дороги, ѣхать стало такъ скользко, что лошади встали на мѣстѣ. Умоляли скринищія сани, усталый мужикъ пересталъ кричать: пошелъ!... и на дорогѣ воцарилась тишина. Такая тишина, что издалека слышался сердитый шумъ лѣса, свистъ вѣтра между полѣньями и сдержанное рыданье ребенка. На улицѣ становилось все темнѣе и темнѣе.

— Пошелъ!.. крикнулъ Матекъ.

Лошади двинулись и поскользнулись на мѣстѣ.

— Пошелъ!—повторилъ онъ, подпирал сани.

Они проѣхали нѣсколько шаговъ, но опять остановились.

— Подъ Твой покровъ прибѣгаемъ, Пресвятая Богородица... шепталъ мужикъ. Онъ снялъ съ саней топоръ и сталъ рубить передъ лошадьми гладкую дорогу.

— По получасовой работѣ онъ добрался до проѣздной дороги, — онъ ужъ совсѣмъ умаялся. Тутъ возвышался высокій холмъ, черезъ который почти нельзя было проѣхать въ потьмахъ и въ гололедицу. Онъ снялъ съ саней рыдающую сироту, усѣлся самъ подлѣ нихъ и, укрывая ребенка, думалъ: придетъ-ли имъ на помощь Слимакъ, или онъ заспится въ теплой избѣ и предоставитъ ихъ участи?

— Можетъ, и придетъ, ему будетъ жалко лошадей. Небось, не плачь, — шепталъ онъ сиротѣ, — Господь Г-тъ милосердный вездѣ и не дастъ намъ погибнуть. Не плачь, потому что слезами ничему не поможешь.

Вдругъ ему показалось, что свистъ вѣтра превращается въ звиканье множества колокольчиковъ. Они зывали: динь! динь!... динь! дрелины!... грубыми, тоненькими и тончайшими звонками, валя-бы во время вѣснаго хода. Въ первую минуту онъ думалъ, что это привидѣнье; но колокольчики, не смолвая ни на минуту,

звучали все гуще, все громче, все ближе, какъ рой комаровъ надъ болотомъ лѣтомъ.

— Что это такое?—прошепталъ мужикъ и подвинулся на ноги.

Далеко между холмами, заросшими можжевельникомъ, на свѣту показался одинъ красненькій огонекъ, потомъ второй, третій, четвертый... По временамъ они скрывались въ ущельяхъ, то опять блесгли высоко, какъ-бы на небѣ и снова исчезали при непрерывномъ и все болѣе громкомъ аккомпаниментѣ безчисленныхъ колокольчиковъ. При каждомъ новомъ появленіи огоньки свѣтились все ярче, такъ что, наконецъ, при отблескѣ ихъ можно было разглядѣть большое количество громадныхъ, черныхъ предметовъ, быстро несущихся по направленію къ Овчару.

Одновременно до ушей работника долетѣлъ гулъ человѣческихъ голосовъ, топотъ лошадей, скрипъ саней и трескъ бичей.

— Уга!...

— Осторожно, потому что тутъ пригорокъ!...

— Поѣзжай, ломай шею!...

— Эй вы тамъ!... не безумствуйте!...

— Останови сани... Я высаживаюсь!...

— Валяй впередъ!...

— Инсусе! Марія!...

— Музыка еще не разсыпалась!

— Еще нѣтъ, но разсыпается!...

— Га-ля, ля!

Теперь Овчаръ узналъ, что это несется рядъ саней большихъ и малыхъ, запряженныхъ четверкой и парой, которыхъ сопровождало нѣсколько человѣкъ верхомъ съ факелами. Отблескъ ихъ среди темной ночи и замерзающаго тумана производилъ страшный эффектъ. Казалось, что это шествіе черезъ круглыя ворота освѣщенныя краснымъ огнемъ, выѣзжаетъ изъ какой-то пропасти, которой оно никогда не можетъ покинуть.

А пикникъ продолжалъ ѣхать галопомъ крича, насвистывая, распѣвая и хлопая бичами, хоть дорога изобиловала рытвинами. Вдругъ онъ остановился тутъ-же у саней Овчара.

— Эй! что тамъ?

— Стой! какой-то возъ завазвѣлъ намъ дорогу...

- Кто это?
- Мужикъ съ дровами.
- Сворачивай, песь ты эгакой!
- Не сверну, потому что лошади не вывезуть...
- Столкнуть его въ ровъ!..
- Перестаньте!... Лучше перетащимъ его!...
- Bravo! перетащимъ мужика!... Выходите изъ саней, господа!...

— Берите его!...

И прежде чѣмъ Овчаръ опомнился, его окружилъ рой бава-леровъ въ маскахъ, перьяхъ, богатыхъ костюмахъ, съ саблями, лентами и гитарами въ рукахъ. Одни подхватывали его сани съ дровами, другіе его самого, втащили ихъ на вершину опаснаго пригорка, сведи внизъ и поставили въ таеомъ мѣстѣ, откуда онъ могъ уже добраться домой безъ большого труда.

— О, Боже мой Господи!—шепталъ недоумѣвающей Матекъ, присматриваясь къ чудакамъ, среди которыхъ онъ узналъ нѣсколько помѣщиковъ изъ сосѣднихъ деревень.

— Должно-быть, они ѣдутъ повеселиться къ нашему барину, — прибавилъ онъ черезъ минуту. Но что они молодцы, такъ молодцы и добрые господа!... Если-бы ихъ не занесло сюда, то я простоялъ-бы тутъ до утра.

Между тѣмъ съ вершины кричали:

— Дамы боятся ѣхать черезъ гору.

— Пусть высаживаются, мы проводимъ ихъ пѣшкомъ.

И вся толпа снова побѣжала на вершину.

— Санкамъ тутъ не проѣхать.

— Отчего не проѣхать?—вричалъ какой-то юношескій голосъ.

Антоній, трогай!...

— Да мнѣ не управиться, сударь...

— Ну, таеъ прочь съ козелъ, шуть гороховый! Я одинъ поѣду, когда ты боишься...

Черезъ минуту сильно зазвѣли колокольчики и съ вершины горы, какъ вихрь, промелькнули парня саночки, тутъ-же около Овчара. Мужикъ даже перекрестился.

На вершинѣ опять крикнули:

— Андрей! поѣзжай...

— Стой, графъ!...

— Не рискуй, панъ.

— Трогай!...

Вторыя сани пролетѣли, какъ буря.

— Браво!..

— Молодцы!...

— Трогай, Яцентій!...

На этотъ разъ съ горы понеслись рядомъ даже двое саней. Въ каждаыхъ сидѣли кучеръ и баринъ.

Безумная ѣзда настолько вытерла скользкую дорогу, что другія сани, свободныя отъ сѣдоковъ, могли безопасно вѣхаться и съѣхаться, что онѣ и сдѣлали съ надлежащей осторожностью.

— Идемъ!..— крикнули сверху.

— Пусть каждый подаетъ руку дамъ!..

— Полонезъ!..

— Музыка впередъ!..

Люди съ факелами размѣстились вдоль дороги, музыканты настроили инструменты, пары построились. Зазвучала жалобная мелодія Огинскаго, и изъ толпы, стоящей на горѣ, стали выдвигаться пара за парой, какъ цвѣтная нить, отдѣляющаяся отъ тонкаго клубка.

Овчаръ снялъ шапку, отошелъ за свои санки и выпуль изъ-подъ армяка голову найденыша,

— Гляди,— говорилъ онъ,— и присмотрись хорошенько, потому что вѣрно во второй разъ въ жизни тебѣ не видать такихъ престестей. Вотъ такъ шествіе, небось!.. Одни помѣшники и помѣщицы, а ихъ столько, сколько овецъ на пастбищѣ!..

Въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ лакей съ факеломъ, такъ-что мужикъ могъ превосходно видѣть каждую пару проходившаго мимо него шествія, и тихо объяснялъ сиротѣ.

— Видишь того, у котораго бляха выглядываетъ изъ-подъ плаща, а на головѣ мѣдный котелокъ? Это великій рыцарь!.. Такіе завоевывали полъ міра въ прежнія времена, но теперь ихъ уже нѣтъ!..

Первая пара миновала саней мужика и исчезла за пригоркомъ.

— А присмотрись къ этому, съ сѣдой бородой и кистью у шапки. Это важный баринъ и сенаторъ... Такіе въ прежніи времена держали въ лапахъ, но теперь ихъ уже нѣтъ...

Вторая пара исчезла въ темнотѣ.

— Этотъ, въ пелеринкѣ, — говорилъ мужикъ найденышу. — это духовное лицо; такіе въ прежніи времена знали все, что только есть на землѣ и на небѣ, а послѣ смерти становились святыми. Но теперь ихъ уже нѣтъ...

Третья пара скрылась за пригоркомъ.

— Тотъ красивый, какъ дятель, это также важный баринъ. Ничего не дѣлалъ, только пилъ и танцевалъ. Сразу могъ выпить бочку вина, а денегъ ему нужно было столько, что подъ конецъ съ горя ему пришлось родину продать. Когда-же все скупили, то и его, бѣдняги, не стало.

Четвертая пара прошла.

— Видишь, видишь, какой уланы идетъ?.. О! такіе много воевали... Они прошли съ Наполеономъ цѣлый міръ, побѣждали всѣ народы. Но теперь ужъ и тѣхъ нѣтъ...

— А гляди, гляди, вонъ! на тѣхъ... Это трубочистъ, тотъ кузнецъ, этотъ играетъ на гитарѣ, тотъ какъ-бы мужикъ, но вправду это все господа, переодѣтые такъ себѣ, для забавы...

Шествіе прошло мимо мужика, полонезъ Огинскаго доносился все слабѣе, наконецъ умолкъ.

Самую худшую дорогу проѣхали и стали опять садиться въ сани среди криковъ и смѣха. Снова зазвенѣлъ колокольчикъ одинъ, другой, десятый, цѣлый рой, снова захлопали бичи, загудѣли копыта и пикникъ понесся далѣе.

Мужикъ накрылъ голову, положилъ ребенка на сани, взялъ возжи и осторожно, по уѣзжанной дорогѣ двинулся домой. Издалека передъ нимъ звенѣли колокольчики и мелькали красные огоньки; но временамъ вѣтеръ приносилъ болѣе громкій крикъ; подъ конецъ все утихло и угасло.

Можетъ быть, было съ версту отъ хаты, когда Овчаръ издалека за собой опять услышалъ голоса вдушихъ, а передъ собою увидѣлъ Сливака.

— Мы уже толковали, что ты увязъ подъ горой. — прогово-

рилъ Слимакъ,—а ты, слава Богу, подѣзжаешь. Ты видѣлъ веселье?

— Ого, го!..—отвѣтилъ Овчарь.

— И тебя не раздавили господа?

— Чего имъ меня давить? Еще они меня черезъ гору перетащили съ санями.

— О!.. И ни одинъ не сдѣлалъ тебѣ ничего дурного?

— Ничего. Одинъ мнѣ изъ шалости шапку на глаза нахлобучилъ, и только.

— Да!... У нихъ это такъ. Или человекъ тебя обидить, или какъ масломъ смажетъ. Какъ ему въ голову взбредетъ,—заключилъ Слимакъ.

— Какъ ему въ голову взбредетъ,—повторилъ Овчарь.— Но затѣи у нихъ все-же барскія. Они такъ, собачьи дѣти, валяли въ саняхъ съ самой высокой горы, что у меня мурашки по тѣлу пробѣгали. Должно быть, они были порядкомъ выпивши, потому что ни одинъ изъ нихъ шеи не свернулъ. Мужикъ на-трезво не вышелъ-бы въ такой казѣн.

Черезъ минуту ихъ догнало двое саней. Въ первыхъ сидѣлъ одинъ проѣзжій, во вторыхъ—два.

— Вы изъ этой деревни?—спросилъ первый проѣзжій.

— Изъ этой,—отвѣчалъ Слимакъ.

— Этотъ пикникъ, который ѣхалъ, ѣхалъ къ вамъ?

— Не къ намъ, только къ помѣщику.

— Ну, ну... А арендаторъ Юзель дома?

— Вѣрно дома, если не поѣхалъ куда-нибудь мошенничать,—отвѣтилъ Слимакъ.

— А не слышали-ли вы, не продали-ли еще вашъ помѣщикъ имѣнія?—проговорилъ грубый голосъ изъ другихъ саней.

— Зачѣмъ ты это говоришь, Фрицъ!..—обрѣзалъ его сидящій съ нимъ вмѣстѣ.

— Потому что все это дѣло ни гроша мѣднаго не стоитъ—отвѣтилъ сердито грубый голосъ.

— Эге, это они!... пробормоталъ Слимакъ, всматриваясь въ проѣзжихъ въ потьмахъ.

Санки двинулись впередъ.

— Должно это ветхозавѣтныя, — сказалъ Овчарь, — потому что они говорили какъ-то погано и у нихъ бороды.

— Тотъ передній, это еврей, но тѣ двое это нѣмцы изъ Вулки, — отвѣтилъ Сликакъ. Я помню ихъ, потому что они ко мнѣ представляли нынче дѣтомъ.

— Вотъ такъ оказія, у шляхты даже и забавы нѣтъ безъ жида, — говорилъ Овчарь. Только что тѣ поѣхали, а ужь и этотъ за ними тянется.

— Какъ дымъ за огнемъ, — прибавилъ Сликакъ.

Разсуждая такъ, они доѣхали до воротъ, гдѣ ихъ ожидалъ Бендрекъ съ фонаремъ. Они вскорѣ очутились въ избѣ, заиндевлѣше, потому что морозъ все крѣпчалъ.

Между тѣмъ сани, везущія еврея и двоихъ нѣмцевъ изъ Вулки медленно спустились въ долину, проѣхали черезъ мостъ на рѣкѣ и съ немалымъ трудомъ вѣхали на первую пасынь холмовъ и доѣхали до корчмы. Тутъ до слуха пріѣзжихъ долетѣли отрывистые звуки музыки и розовый отблескъ смоляныхъ бочекъ, пылающихъ передъ барскимъ домомъ. Нѣмцы вышли изъ саней и вошли въ винокъ, откуда черезъ минуту вышелъ корчмарь Йозель и нѣсколько минутъ вполголоса бесѣдовалъ съ пріѣзжимъ. Наконецъ онъ ему низко поклонился и велѣлъ извозчику везти къ помѣщичьей усадьбѣ.

За отѣзжающимъ изъ корчмы выбѣжалъ одинъ изъ нѣмцевъ, крича: ей! ей! Санки остановились, нѣмецъ оперся на край ихъ и говорилъ:

— Сегодня это дѣло не уладится.

— Отчего-бы нѣтъ? спросилъ медленно жидъ.

— Они теперь танцуютъ...

— Это-то и хорошо.

— Баринъ не броситъ танцевъ для расчетовъ.

— Ну, такъ продастъ безъ расчета.

— Или велитъ ждать дня два.

— У меня нѣтъ времени ждать, — отвѣтилъ еврей. Поѣзжай! — сказалъ онъ извозчику.

Въ барскомъ домѣ музыка гремѣла все сильнѣе, въ деревнѣ ей отвѣчалъ вой разбуженныхъ собакъ, а въ подгнившихъ, при-

дорожныхъ деревьяхъ свистъ и стопъ вѣтра. Сани двигались все медленнѣе подь гору, лошади все чаще спотыкались, извозчикъ все сильнѣе пускалъ въ ходъ кнутъ, а его сѣдокъ высоко поднялъ бобровый воротникъ и задумался.

На дворѣ пылали смоляныя бочки, внутренность кухни казалась, какъ-бы освѣщенной бенгальскимъ огнемъ, стѣны дома оглашались звуками вальса. На хуторѣ еще слышались звуки колокольчиковъ, кучера ссорились относительно размѣщенія своихъ лошадей, на окружающую дворъ изгородь опирались парни, хозяева и крестьянки, присматриваясь къ силуэтамъ танцоровъ, непрерывно мелькавшихъ въ окнахъ залы. А надъ этимъ шумомъ, музыкой, блескомъ и любопытствомъ человѣческимъ разстилалась зимняя почъ, изъ глубины которой къ господскому дому подъѣзжалъ, закутанный въ бобровый воротникъ еврей, и думалъ.

Скромный его экипажъ остановился въ тѣни у воротъ; еврей вышелъ и усталыми шагами потащился къ открытымъ дверямъ кухни. Онъ что-то проговорилъ повару, но поваръ не обратилъ на него вниманія—онъ кивнулъ судомойкѣ, но та обернулась задомъ; подь конецъ ему статочно подвернулся казачокъ, бѣгущій изъ буфетной, онъ ухватилъ его за плечо и сказалъ:

— Вотъ тебѣ гульденъ, а какъ ты мнѣ приведешь лакея Матея, получишь второй.

Мальчикъ всталъ и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на еврея.

— Развѣ вы, купецъ, знаете Матея?... спросилъ онъ.

— Узнаю, только приведи.

Вдругъ явился Матей.

— Вотъ тебѣ рубль,—сказалъ пріѣзжій,—а какъ вызовешь ко мнѣ барина, получишь еще рубль.

Лакей покачалъ головой.

— Баринъ теперь очень занятъ,—сказалъ онъ,—и навѣрно не выйдетъ.

— Скажи, что съ нимъ хочетъ повидаться панъ Гиршгольдъ по очень важному дѣлу. Скажи еще, что панъ Гиршгольдъ привезъ письмо отъ отца барыни. Вотъ тебѣ второй рубль, чтобъ ты не забылъ фамиліи: панъ Гиршгольдъ.

Лакей быстро пошелъ въ домъ, но вернулся не быстро. На-

сталъ перерывъ въ музыкѣ, онъ не возвращался, заиграли польку, онъ еще не возвращался—наконецъ онъ появился.

— Баринъ просить васъ пожаловать во флигель,—сказалъ онъ гостю въ бобровомъ воротникѣ. Онъ пошелъ впередъ и открылъ двери въ комнату, гдѣ стояло нѣсколько постелей, уже частью поспавшихъ и предназначенныхъ навѣрно для танцоровъ.

Еврей снялъ богатую шубу, взялъ въ руки бобровую шапку и усѣлся на креслѣ. Это былъ благообразный, румяный мужчина съ каштановой бородой въ длинномъ сюртукѣ. Ноги въ лакированныхъ сапогахъ онъ вытянулъ на отдыхъ, оперся о ручку кресла и заглядѣвшись на пламя свѣчи, ждалъ и думалъ.

Въ залѣ музыканты окончили играть польку и послѣ недолгаго перерыва заиграли огненную мазурку. Въ домѣ усилились шумъ и топотъ, по временамъ слышалась команда распорядителя танцами, послѣ которой поднимался такой шумъ, точно цѣлый хуторъ долженъ былъ рухнуть. Еврей слушалъ равнодушно, ждалъ терпѣливо и думалъ, все думалъ.

Вдругъ въ сѣняхъ флигеля зашумѣло, забрячало, двери отскочили, точно ихъ кто вшадилъ и—передъ ожидающимъ гостемъ очутился помѣщикъ. На немъ былъ краковскій кафтанъ съ краснымъ воротникомъ, весь изукрашенный блестками, красная шапка съ павлиньимъ перомъ, широкія папалоны съ большими розовыми полосами и сапоги съ подковками.

— Какъ вы поживаете, панъ Гиршгольдъ! — воскликнулъ помѣщикъ весело. Что это за важное письмо отъ тестя?..

Гость медленно всталъ съ кресла, степенно поклонился и, вынувъ письмо изъ внутренняго кармана пальто, сказалъ:

— Прочитайте, панъ.

— Какъ это?.. теперь?.. Но вѣдь я же танцую мазурку, панъ Гиршгольдъ...

— А я строю участокъ желѣзной дороги,—отвѣтилъ гость.

Помѣщикъ пригрызъ усы, распечаталъ письмо и быстро пробѣжалъ его глазами. Въ домѣ шумъ и гамъ продолжалъ усиливаться, команда мазурки звучала все чаще, громче и яснѣе.

— Слѣдовательно вы хотите купить мой хуторъ? — спросилъ помѣщикъ.

— И сейчас-же.

— Но, панъ, вѣдь у меня въ домѣ балъ!..

— А меня ждуть колонисты. Если до полночи я не покончу съ вами, то завтра долженъ покончить съ вашимъ сосѣдомъ. Онъ выиграетъ, а вы потеряете.

— Ну, хорошо, — говорилъ разгоряченный помѣщикъ. — Мой тесть отзывается о васъ очень лестно... Но въ такую минуту...

— Вамъ стоитъ только написать нѣсколько словъ.

Помѣщикъ бросилъ краковскую шапку на столъ:

— Право, панъ Гиригольдъ, вы несносны!..

— Это не я, это дѣла. Мнѣ-бы очень хотѣлось угодить вашему семейству, но я не могу продлить краткаго срока.

Въ сѣняхъ снова забрячало и вбѣжалъ уланъ съ крикомъ:

— Побойся Бога, Владекъ, что ты дѣлаешь?..

— Внезапное дѣло... оправдывался помѣщикъ.

— Но вѣдь твоя дама ждетъ...

— Ну, такъ пусть меня кто-нибудь замѣнитъ, потому что, говорю тебѣ, что у меня внезапное и важное дѣло.

— Но вѣдь дама!.. тревожился уланъ, выбѣгая изъ комнаты.

Въ залѣ первый распорядитель мазуркой охрипъ такъ, что совсемъ умолеъ. Вдругъ однако-же раздался другой, могучій басовый голосъ:

— Дамы годъ, кавалеры корзину.

— Сколько-же вы даете?—обратился отчаявшійся хозяинъ къ купцу.—Что за оригинальное положеніе!..—прибавилъ онъ, побрякивая подковками.

— Я даю по двѣ тысячи двѣсти пятидесяти рублей за тридцать десятинъ, безъ всякаго торгу—отвѣтилъ рѣшительно купецъ. Завтра я вамъ дамъ только двѣ тысячи.

— En avant!.. рявкнулъ басъ въ залѣ.

— Никогда!—отвѣтилъ помѣщикъ.—Я предпочитаю продать крестьянамъ.

— Крестьяне даютъ вамъ тысячу пятъсотъ, а дадутъ—развѣ только тысячу восемь сотъ.

— Ну, такъ я предпочитаю самъ хозяйничать!..

— Вы и теперь сами хозяйничаете, а что изъ того?..

— Toupez!..—воскликнули въ залѣ.

— Какъ что?..—окрысился помѣщикъ. Земля превосходная, лѣса, луга...

Купецъ махнулъ рукой.

— Я знаю, панъ, въ какомъ положеніи тутъ дѣла. Знаю отъ вашего управляющаго, который ушелъ подъ новый годъ.

Помѣщикъ разсердился.

— Ну, такъ я самъ раздѣлю на участки!..—воскликнулъ онъ.

— И возьмете по двѣ тысячи за тридцать десятинъ, а въ это время молодая барыня умретъ съ тоски, — отвѣтилъ купецъ съ улыбкой. †

— Chaine! на лѣво!—загремѣла команда.

— Боже! что дѣлать?..—вздыхнулъ помѣщикъ.

— Написать условіе, — отвѣчалъ купецъ. Вѣдь вашъ тестъ пишетъ-же въ письмѣ, что я дамъ возможно большую цѣну и что я заслуживаю довѣрія.

— Partagez!..

Въ сѣняхъ въ третій разъ что-то забрянуло, споткнулось, ступнулось въ двери, призвало всѣхъ чертей и молній и въ комнату опять вбѣжалъ уланъ.

— Владекъ!—воскликнулъ онъ, —графъ смертельно обидѣлся за обиду, которую ты наносишь его невѣстѣ, и хочетъ уѣхать...

— Боже! какъ я несчастливъ, —простоналъ помѣщикъ. Пишите условіе, панъ Гиршгольдъ, я сейчасъ вернусь сюда.

Онъ выбѣжалъ. Купецъ вынулъ изъ дорожной сумки чернильницу и перо и, при свѣтѣ стеариновой свѣчи, подъ звуки музыки, шарканье ногъ, крики распорядителей тапцами, написалъ нѣсколько десятковъ строкъ. Потомъ онъ снова впалъ въ свое спокойное раздумье.

Черезъ четверть часа умолила мазурка, а вскорѣ въ комнату появился помѣщикъ, утомленный, но сіяющій.

— Готово?—спросилъ онъ весело.

— Готово.

Онъ прочиталъ и подписалъ, говоря улыбаясь:

— Какую-же цѣну можетъ имѣть это условіе?

— Для суда никакой, но оно важно для вашего тестя. Ну, а у него есть деньги,—отвѣтилъ купецъ.

Онъ подулъ на подпись, медленно сложилъ бумагу и, наконецъ, спросилъ съ отвѣтникомъ легкой ироніи:

— Что-же, графъ уже не сердится?

— Мнѣ удалось его успокоить, — отвѣтилъ довольный помѣщикъ.

— Въ этомъ году ему предстоятъ болѣе крупныя огорченья отъ его кредиторовъ,—пробормоталъ купецъ.—Ну, прощайте, панъ, желаю вамъ весело пировать.

Онъ подавъ руку помѣщику, который послѣшно вышелъ изъ комнаты, возвращаясь въ бальную залу.

Купецъ сталъ медленно натягивать шубу. Одновременно, какъ-бы изъ-подъ земли, явился Матей.

— Ваше сіятельство,—проговорилъ лакей, помогая ему одѣваться,—ваше сіятельство купили наше имѣнье?..

— Что тутъ удивительнаго? Вѣдь оно не первое и не послѣднее,—отвѣтилъ купецъ. Онъ полѣзъ въ бумажникъ и далъ лакею три рубля.

— Я кликну вашъ экипажъ, ваше сіятельство,—сказалъ, сгибаясь до полу, лакей.

— Не надо, — отвѣчалъ купецъ. — Моя карета осталась въ Варшавѣ, а тутъ у меня такой простой экипажъ, что имъ нечего хвастать.

Послѣ этихъ словъ онъ вышелъ за ворота пѣшкомъ, провожаемый Матеемъ съ почестями.

Въ барскомъ домѣ стали танцовать кадрили въ тридцать паръ, что продолжалось вплоть до ужина. Послѣ ужина снова принялись за польку, вальсъ, мазурку и такъ безъ конца. На востокѣ показалась блѣдная полоса свѣта, въ избахъ загорѣлись огни, на дворахъ закрипѣли журавли колодцевъ, въ амбарахъ загудѣли цѣппы, а въ барскомъ домѣ все танцовали, да танцовали.

Съ восходомъ зимняго солнца, Слимакъ накинулъ на плечи армякъ и, нашептывая молитву, потащился за ворота. Иногда онъ поглядывалъ на небо и спрашивалъ его взглядомъ: какая будетъ погода?—то опять повертывалъ ухо по направленію къ усадь-

бѣ, откуда къ нему доносился лай собакъ и отрывочные звуки музыки. За этимъ отголоскомъ вышелъ онъ на дорогу и машинально свернулъ по направленію къ покрытой льдомъ рѣкѣ, продолжая нашептывать молитву губами, а въ головѣ раздумывая о томъ, какъ долго и весело пируютъ господа въ барскомъ домѣ.

Онъ глядѣлъ на небесную лазурь, на снѣгъ, порозовѣвшій подъ солнечными лучами, на облака, какъ-бы облитыя пурпуромъ, вдыхалъ морозный воздухъ и чувствовалъ, что этого неба, снѣга и мороза онъ не промѣнялъ-бы на прекраснѣйшую музыку и танцы.

— Ужъ я бы своей бѣды не промѣнялъ на ваше веселье!.. прошепталъ онъ. Устанутъ, не выспятся, какъ слѣдуетъ, и только и всего...

Онъ опять припомнилъ молитву, изгналъ изъ сердца свѣтскія мысли и бормоталъ:

— Вторая молитва—Отче нашъ, Иже если на небеси...

Вдругъ за холмомъ онъ услышалъ разговоръ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ эту сторону и увидалъ двоихъ людей въ длинныхъ малиновыхъ тулупахъ. У одного было лице старое и выбритое, второй былъ плечистъ и бородачъ.

Они замѣтили его и старшій спросилъ:

— Это ваши земли, хозяинъ съ той горой?

Слимакъ недоумѣло присматривался къ нимъ.

— Что вы такъ спрашиваете о моей худобушкѣ?.. отвѣтилъ онъ. Вѣдь я ужъ вамъ нынче лѣтомъ объявилъ, что земля моя и гора моя.

— Ну, если твой, такъ продай намъ, — сказалъ бородачъ.

— Подожди, Фрицъ, — прервалъ его старикъ.

— Отецъ всегда любить такъ много говорить, окрысился бородачъ.

— Подожди, Фрицъ, — тянулъ старикъ. Видите хозяинъ, — обратился онъ къ мужику, — мы сегодня кушили у вашего барина это имѣнье...

— Ну, и на что это? прервалъ бородачъ.

— Подожди, Фрицъ. Но видите, хозяинъ, намъ нужна ваша гора, потому что мы хотимъ поставить вѣтряную мельницу.

— Herr Jesus! (Господи Исусе!..) заметался бородачъ. Отецъ

не выспался и разсудокъ потерялъ!.. Слушай,—сказаль онъ сердито мужику.—Мы хотимъ купить твою землю...

— Землю?.. повторилъ удивленный мужикъ, оглядываясь. Землю?..

Съ минуту онъ колебался, не зная что отвѣтить, наконецъ сказалъ:

— А какое право вы имѣете, господа, покупать мою землю?

— У насъ есть деньги—отвѣтилъ бородачъ.

Деньги?.. Я за деньги не продамъ. Вѣдь это моя земля. Мы сидѣли тутъ съ дѣда-прадѣда, еще во время барщины и это называлось нашимъ поселкомъ, потомъ мой отецъ получилъ эту землю, по указу въ собственность и это записано въ комиссiи, потомъ за лѣсъ я получилъ три десятины также въ собственность и это тоже описано въ комиссiи. Землемѣръ отъ начальства смѣрилъ эту землю, на всѣхъ бумагахъ подписи, какъ слѣдуетъ; потому... потому—по какому праву вы хотите купить мою землю, когда она моя?.. Моя собственная, ну?..

Впродолженiи всей этой длинной рѣчи, произнесенной взволнованнымъ голосомъ, бородачъ повернулся къ мужику бокомъ и свисталь сквозь зубы, а старикъ вытянулъ руки и нетерпѣливо взмахиваль ими. Наконецъ, увидевъ удобную минуту, онъ воскликнулъ:

-- Но вѣдь мы-же хотимъ тебѣ заплатить! Чистыми деньгами... По шестидесяти рублей за десятину...

— И за сто не продамъ,—отвѣтилъ Сликакъ, потому что вы не имѣете на это никакого права.

— Но мы можемъ уговориться по доброй волѣ.

Мужикъ задумался и вдругъ засмѣялся.

— Вы такой старый,—сказаль онъ,—а у васъ не хватаетъ смелости понять, что вѣдь я-же не продамъ своей земли по доброй волѣ.

— Почему? На эти деньги, которыя мы вамъ даемъ, вы могли бы купить за Бугомъ цѣлыхъ тридцать десятинъ.

— Если земля тамъ такъ дешева, такъ зачѣмъ вы ее не покупаете, а лѣзете только въ нашу деревню?..

— Ха! ха!..—разсмѣялся бородачъ,—мужикъ видя не дуракъ.

когда говорить отцу то-же самое, что я твержу съ утра до вечера.

— Подожди, Фрицъ,— сказалъ старикъ, взявъ Сликама за руку. Хозяинъ,— продолжалъ онъ, пожимая ее,— будемъ говорить, какъ христіане, а не какъ язычники. Мы поклоняемся одному и тому-же Богу, значитъ, зачѣмъ-же ссориться?.. У меня, видишь-ли, хозяинъ, есть сынъ, который знаетъ толкъ въ мельничномъ дѣлѣ—и я хотѣлъ-бы поставить ему вѣтряную мельницу, вотъ на этой горѣ. Когда у него будетъ мельница, то онъ примется за работу, женится, остепенится и я буду подъ старость счастливъ. А тебѣ отъ этой горы никакой пользы нѣтъ.

— Но вѣдь это-же моя гора, моя земля,—отвѣтилъ мужикъ. Ступайте въ комиссію и вамъ покажутъ, что это моя земля и что никто не имѣетъ права на нее.

— Права не имѣетъ никто,—подтвердилъ старикъ,—но я хочу купить.

— Ну, такъ я не продамъ.

Старикъ ссривился, точно собирался заплакать. Онъ потащилъ мужика на проѣзжую дорогу и говорилъ притихшимъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Чего вы такъ взѣлись на меня, хозяинъ? Видите, мои сыновья ссорятся между собою. Одинъ любитъ земледѣлье, другой мельничное дѣло. Ну, мнѣ хотѣлось-бы уже младшаго остепенить, построить ему вѣтряную мельницу, поженить и имѣть подлѣ себя; мнѣ ужъ не долго жить на свѣтѣ, слѣдовательно... не ссорьтесь со мной...

— Развѣ-же вы не можете гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ купить себѣ земли? спросилъ мужикъ.

— Ну, не можемъ. Мы торгуемъ цѣлымъ міромъ, насъ нѣсколько десятковъ человекъ. Объ этомъ долго было-бы рассказывать... Но мой младшій сынъ Вильгельмъ, онъ не земледѣлецъ... Какъ у него не будетъ вѣтряной мельницы, парень пропадетъ или удеретъ. А я старъ, я хочу имѣть его при себѣ...

— Ну, такъ продай-же намъ свою землю,—говорилъ онъ, все хрипче сжимая его руку. Впрочемъ, слушай,—прибавилъ онъ выше.—Я дамъ тебѣ семьдесятъ пять рублей за десятипу... Это

большія деньги!.. Богъ мнѣ свидѣтель, что я даю больше, чѣмъ стоитъ... Неправда-ли, продашь? Ты вѣдь человѣкъ честный, христіанинъ...

Мужикъ съ удивленьемъ и состраданьемъ глядѣлъ на старика. красные глаза котораго наполнились слезами.

— Должно быть, сударь вы мой,—у васъ разсудокъ-то плоховать, когда вы ко мнѣ пристааете. Подумайте-ка, есть-ли въ этомъ смыслъ, просить человѣка, чтобы онъ далъ отрубить себѣ руку, или даже перерѣзать горло? А что-жъ бы мужикъ сталъ дѣлать безъ земли?..

— Ты купишь себѣ другія земли... У тебя будетъ вдвое столько... Я тебѣ даже самъ выищу такую деревню...

Слимакъ качалъ головой, наконецъ отвѣтилъ:

— Вы говорите со мной, какъ тотъ мужикъ съ деревомъ, когда онъ выкапываетъ его изъ лѣсу и хочетъ посадить около дома. «Пойдемъ,—говоритъ онъ,—ты будешь при хатѣ, будешь между людьми...» Ну, и глупое дерево выходитъ изъ лѣсу, потому что должно; но прежде чѣмъ его посадить въ новую почву—иссыхаетъ. И вы хотите, чтобы я такъ захирѣлъ съ женой, съ дѣтьми и со всѣмъ скарбомъ. Чтоже-бы я сталъ дѣлать въ тотъ день, когда-бы я продалъ свою землю.

Разговоръ прервалъ сынъ, обратившись къ отцу по нѣмецки; старикъ спросилъ, возвысивъ голосъ и рѣшительно:

— Значить не продашь?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Слимакъ.

— По семидесяти пяти рублей за десятину?

— Нѣтъ.

— А я тебѣ говорю, что продашь! воскликнулъ бородачъ, порывисто схвативъ отца за руку.

— Нѣтъ.

— Продашь хозяинъ,—повторилъ старикъ.

— Нѣтъ.

Они оба пошли на мостъ, крикливо разсуждая по нѣмецки. Мужикъ подперъ подбородокъ рукою и смотрѣлъ имъ влѣдъ.

Вдругъ онъ повернулъ глаза на господскій домъ, гдѣ ужъ музыка умолкла и въ окнахъ потемнѣло и какая-то новая мысль

промелькнула у него въ головѣ, потому что онъ быстро вернулся въ избу.

— Ягна!—крикнулъ онъ, открывая двери въ сѣни. Ягна!.. А знаешь ты, что баринъ продалъ имѣнье нѣмцамъ?..

Стоящая у печки хозяйка перекрестилась ложкою.

— Во имя Отца!.. Ты съ ума спятилъ, Юзекъ, что-ли? Кто тебѣ это сказалъ?

— А вотъ теперь бо мнѣ на проѣздѣй дорогѣ пристали два нѣмца, рассказывали о продажѣ имѣнья и еще... знаешь-ли ты, Ягна?.. Еще хотѣли у насъ землю купить... нашу собственную

— Ты совсѣмъ съума спятилъ! — крикнула Сливакова. Гендрекъ, сбѣгай-ка на проѣзжую дорогу, есть-ли тамъ какіе нѣмцы, потому что отецъ несетъ что-то несуразное...

Гендрекъ выбѣжалъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся, донеся, что на дорогѣ за мостомъ, дѣйствительно видно какихъ-то двухъ людей, въ длинныхъ малиновыхъ шинеляхъ. Сливакъ между тѣмъ сидѣлъ на лавкѣ молча, опустивъ голову и опершись руками на волѣни. Въ избѣ сѣрый утренній свѣтъ сливался съ отблескомъ огня, придавая людямъ и предметамъ мертвенный или угрожающій оттѣнокъ.

Хозяйка вдругъ взглянула на мужа.

— Что-же ты такъ поблѣднѣлъ, — сказала она, — что-же ты такъ осовѣлъ. Что съ тобою?

— Что со мной, — повторилъ онъ, — нашла о чемъ спрашивать!.. Развѣ ты не понимаешь, что самъ баринъ продалъ имѣніе, что нѣмцы отнимутъ у насъ лужайку.

— Чего имъ отнимать, — отвѣтила хозяйка неувѣреннымъ голосомъ. Вѣдь ты же будешь платить имъ аренду точно такъ-же, какъ помѣщику.

— Ты болтаешь что на языкъ попадетъ, потому что не знаешь, что нѣмцы зубы скалятъ на пастбище. Ого! они держатъ много скота... Впрочемъ, — прибавилъ онъ задумчиво, — отнимутъ лужайку, что бы мнѣ докучить и меня съ земли согнать.

— Еще неизвѣстно, кто кого выгодитъ, — отвѣтила сердито Сливакова.

— Не я ихъ, — прошепталъ мужъ.

Баба подбоченилась и, постепенно возвышая голосъ, заговорила:

— Посмотрите-ка, какой онь мужикъ!... Только взглянулъ на швабское отродье и тотчасъ душа въ пятки ушла. Отнять у тебя лужайку, ну, такъ что-же? Нашъ скоть будетъ приносить имъ убытокъ, пока они ее опять не продадутъ.

— Такъ они у меня скоть выстрѣляютъ.

— Выстрѣляютъ?... крикнула хозяйка. А судъ, а тюрьма?... Барамъ не дозволено обижать мужицкаго скота, а швабамъ будетъ дозволено?...

— Если не выстрѣляютъ, такъ арестуютъ нашъ скоть и стреляютъ больше, чѣмъ онь съѣлъ. Нѣмецъ себѣ па умѣ, небось. Онь надзоромъ и тяжбами съ тебя десеть шкуръ сдереть.

Хозяйка умолкла на минуту.

— Ну,—сказала она, подумавъ немного,—такъ мы будемъ покунать кормъ.

— У кого? Вѣдь хозяева ужъ теперь не продаютъ, а нѣмецъ какъ сядетъ на барское мѣсто, такъ и травинки не выпуститъ.

На печи горшокъ закипѣлъ, но Сликакова не обратила на это вниманья, такой гнѣвъ и горе охватили ее. Она подбѣжала къ мужу съ сжатыми кулаками, крича:

— Что ты болтаешь, Юзефъ, стой!... Такъ плохо и такъ нехорошо, слѣдовательно какже будетъ?... Какой ты мужикъ и хозишь, что вмѣсто того, чтобы самому что-нибудь выдумать, у меня бабы храбрость отнимаешь?... Не стыдно-ли тебѣ дѣтей, не стыдно-ли тебѣ Магды, что ты сидишь па лавкѣ и глазами ворочаешь, какъ покойникъ, вмѣсто того, чтобы совѣтовать?... Что-жъ ты думаешь, что я для твоихъ нѣмцевъ дамъ дѣткамъ съ голоду издохнуть, или коровъ сбуду? А можетъ быть, ты думаешь, что дамъ землю продать?...

— Не дождетесь!... крикнула она, поднимая руки. Не дождетесь ты и эти швабы!... Хоть-бы я трупомъ пала, хоть-бы меня ужъ въ могилу скоронили, такъ я еще изъ подъ земли выконаюсь и не дамъ дѣтей обидѣть... Нѣтъ! Что ты тутъ сидишь, что глядишь на меня, какъ баранъ?... прибавила она съ пылающимъ лицомъ. Завтракѣй и ступай къ барину. Спроси. вправду-ли баринъ продасть меньше. Если не продасть, такъ и

клонись ему въ ноги и валяйся, проси его, хнычь до тѣхъ поръ, пока онъ не уступитъ тебѣ этого клочка лужайки, хоть-бы за двѣ тысячи гульденовъ.

— А если продалъ?

— Если продалъ?—воскликнула она. Если продалъ, то... накажи его, Господи... пусть всѣ несчастья на него обрушатся...

— Но все-таки лужайки не будетъ.

— Глупый!... отрѣзала она, отворачиваясь къ печи. Жили мы до сихъ поръ съ дѣтьми и со скарбомъ милостью Божіей—не барской, такъ и будемъ жить.

Мужикъ поднялся съ лавки.

— Ну, когда такъ,—сказалъ онъ, одумавшись,—давай завтракъ... Ну, а чего-же ты плачешь?... прибавилъ онъ.

Слимакова дѣйствительно послѣ энергическихъ порывовъ заливалась слезами.

— Какже мнѣ не плакать,—рыдала она,—когда меня Господь Богъ милосердный наказалъ такимъ рохлей-мужемъ, который и самъ посовѣтовать не сумѣетъ и еще у меня, бѣдняги, бодрость всякую отнимаетъ...

— Глупая,—отвѣтила онъ, насупившись. Я пойду сейчасъ къ помѣщику и куплю лужайку, хоть бы мнѣ пришлось дать двѣ тысячи гульденовъ. Такое ужъ у меня самолюбіе!

— А если помѣщикъ ужъ продалъ имѣнье? спросила жена.

— Ну, и пускай. Жили мы до сихъ поръ милостью Божіей—не барской, такъ и теперь не пропадемъ.

— А откуда ты корму возьмешь для скота?

— Мой тутъ умъ и моя голова. Ты за горшками смотри, а въ мои дѣла не вмѣшивайся, потому ты баба.

— Выкурить тебя отсюда пѣмцы, вмѣстѣ съ твоимъ умомъ.

Мужикъ ударилъ кулакомъ по столу такъ, что въ избѣ даже пыль поднялась.

— Болѣзнь выкурять, не меня!—крикнулъ онъ. Я не двинусь отсюда, хоть-бы мнѣ пришлось труномъ пасть, еслибы меня на мелкіе кусочки разрубили... Давай завтракъ. Я такъ взбѣсился на этихъ собачьихъ дѣтей, что еще тебя турну, какъ мнѣ не угодишь.

А ты, Гендрекъ, смахай къ Овчару и тотчасъ возвращайся, потому что какъ я сняму ремень.

Въ ту-же самую пору, въ барскомъ домѣ черезъ отверстія и щели въ залу заглянуло солнце. На изцарапанный каблуками полъ и на противоположную обнамъ стѣну упали полосы бѣлаго свѣта, ярко отразились въ зеркалахъ, въ золоченыхъ карнизахъ, лоснящейся мебели, и разсѣялись по всей громадной комнатѣ. При блескѣ ихъ пламя свѣчъ и лампъ стало желтымъ и мутнымъ. Лица дамъ поблѣднѣли, подѣ глазами выступили синіе круги, съ растрепанныхъ волосъ осыпалась пудра, на смятыхъ платьяхъ показались дырья и отрепья. Изъ-за выкованныхъ изъ золота поясовъ магнатовъ выглянула фольга, богатый бархатъ превратился въ потертый манчестеръ, бобровыя шубы въ заячьи шкурки, серебряныя латы, въ посеребренную жестъ. У музыкантовъ опустились руки, у танцоровъ одеревенѣли ноги. Остыло упоенье, сонъ затуманилъ глаза, губы дышали лихорадочно. Посрединѣ залы уже крутились только три пары, потомъ двѣ, потомъ ни одной. Вдоль стѣны не хватало стульевъ для хмурыхъ мужчинъ; дамы вѣбрами закрывали усталыя лица и зѣвующіе рты.

Наконецъ музыка умолкла, а такъ какъ никто не разговаривалъ, то въ залѣ воцарилось замогильное молчанье. Свѣчи гасли, нѣкоторые лампы сильно коптели.

— Можетъ быть, господа, вы перейдете чай пить?.. проговорилъ хозяинъ охрипшимъ голосомъ.

— Спать... спать,—шептали вездѣ.

— Комнаты для дамъ и для кавалеровъ готовы,—прибавилъ хозяинъ, стараясь быть привѣтливымъ, не смотря на одолевашій его сонъ и насморкъ.

Послѣ этихъ словъ съ дивановъ и кресель поднялись сначала старшія, потомъ молодыя дамы и съ протяжнымъ шелестомъ начали выходить изъ залы, закутываясь въ атласныя накидки и отворачивая лица отъ оконъ. Черезъ минуту опустѣло въ залѣ, а въ дальнѣйшихъ комнатахъ начался шумъ, потомъ на дворѣ слышались мужскіе голоса, а на верху топотъ многочисленныхъ ногъ, а потомъ—все утихло. Музыканты уже вышли изъ алькова и послѣ нихъ остались только нѣсколько юпитровъ и старшій

жидь-контрбасъ, который спалъ, обнявъ руками туловище своего инструмента.

Въ залу, побрякивая подковами, вошелъ помѣщикъ. Онъ оглядѣлъ стѣны мутнымъ взглядомъ и сказала, зѣвая:

— Погаси огни, Матей.... открой окна... Ааа... ты не видалъ, гдѣ барыня?..

— Барыня въ своей комнатѣ,—отвѣтили стоящій на порогѣ лакей.

Помѣщикъ обернулся и вышелъ. Онъ прошелъ сѣни, прошелъ столовую, наконецъ очутился у дверей, находящихся въ концѣ корридора, и спросилъ:

— Можно-ли?..

— Пожалуйста,—отвѣчала женскій голосъ изъ комнаты.

Помѣщикъ вошелъ. На креслѣ обитомъ оранжевымъ атласомъ, сидѣла его жена въ костюмѣ цыганки. Она оперлась руками на ручки кресла, откинула назадъ голову, украшенную золотой діадемой, и, казалось, засыпала.

Помѣщикъ упалъ на другое кресло и сказалъ:

— Ну, удался вечеръ... Ааа!..

— Очень хорошо,—отвѣтила барыня, закрывая ротъ ручкой.

— Гости должны быть довольны.

— Я такъ думаю.

Баринъ вздремнулъ съ минуту и снова проговорилъ:

— Знаешь, я продалъ имѣнье.

— Кому?—спросила барыня.

— Гиригольдъ. Онъ далъ по двѣ тысячи двѣсти пятидесяти рублей за тридцать десятинъ. Ааа!..

— Слава Богу, что мы, наконецъ, выйдемъ отсюда,—отвѣтила барыня. Что, уже всѣ разошлись?

— Ужъ вѣрно спать. Ааа!.. ну, поцѣлуй меня на добрую ночь.

— Мнѣ идти къ тебѣ? Ты меня поцѣлуй. Я такъ устала...

— Но поцѣлуй меня за то, что я такъ хорошо продалъ имѣнье.

Ааа...

— Ну, такъ приди сюда.

— Да мнѣ такъ не хочется... Ааа...

— Гиригольдъ?.. Гиригольдъ?.. шептала барыня. Ахъ, ужъ

знаю! Это какой-то знакомый папы... первая мазурка была восхитительна...

Помѣщикъ храпѣлъ.

VII.

Черезъ педѣлю послѣ костюмированнаго бала, помѣщикъ съ женой на всегда покинули деревню, переѣхавъ въ Варшаву. Мѣсто ихъ занялъ уполномоченный Гиршгольда, пѣгенькій жидокъ, который поселился въ маленькой комнаткѣ во флигелѣ, желѣзнымъ засовомъ запиралъ двери на ночь и засыпалъ съ двумя револьверами подъ подушкой и по цѣлымъ днямъ просматривалъ или писалъ какіе-то счета.

Изъ барской усадьбы часть мебели вывезли за господами, остальную велѣлъ продать Гиршгольдъ. Одинъ изъ окрестныхъ дворянъ купилъ мебель изъ залы, другой изъ столовой, третій изъ спальни. Библіотеку раскупили жидки па фунты, священникъ запасся американскими органами, садовые диваны и кресла перешли во владѣнье Гриба, а Ожеховскому досталась за три рубля большая гравюра Леди съ лебедемъ, на которую покупщикъ молился со всей своей семьей. Поны выѣхали до самой губерніи, чтобы тамъ украсить зданье окружного суда, штофные же обои со стѣнъ купили портные и нашили изъ нихъ корсажи для крестьянскихъ дѣвушекъ.

Когда черезъ двѣ недѣли по выѣздѣ господъ, Сликакъ заглянулъ въ усадьбу, онъ струсилъ при видѣ опустошенья. Въ окнахъ не было стеколъ, на дверяхъ, пастежъ открытыхъ, не было ни одной задвижки, стѣны оборваны, полы вырваны. Зала походила на навозную кучу, въ баршинномъ будуарѣ напн Юзелова, арендаторша, поставила нѣсколько курятниковъ, а въ канцеляріи барина жило два жидка и лежали громадныя кучи пилъ, топоръ и лопать. Прислуга хуторочная, которая по уговору могла прожить тутъ до Иванова дня, шлалась изъ угла въ уголь, бездѣльная. Кучеръ цуговыхъ лошадей пилъ на убой, влючница лежала больна лихорадкой, а одинъ изъ кучеровъ для четверока,

а также и буфетный казачекъ сидѣли въ волостной арестантской, обвиненные въ кражѣ задвижекъ и печныхъ заслонокъ.

— Кара Божья, — шепнулъ мужикъ и его охватилъ страхъ при мысли о невѣдомой силѣ, которая въ одно мгновенье разорила усадьбу, стоящую тутъ съ незапамятныхъ временъ. Ему казалось, что надъ деревней и долиной, гдѣ онъ родился и воспитался и гдѣ на вѣки упокоились его простые отцы, что надъ этимъ тихимъ угольемъ свѣта, свѣшивается какая-то невидимая туча, изъ которой сверкнула первая молнія и превратила въ щепы жилище помещиковъ.

Нѣсколько дней спустя окрестность закишила новыми людьми. Это были пильщики и плотники, по большей части нѣмцы, вызванные на какую-то спѣшную работу. Они шли и ѣхали дорогой мимо хаты Сликама толпами, иногда выстроившись, какъ войско. Они расположились въ усадьбѣ, выгнали прислугу изъ ея угловъ, вывели остальной скотъ изъ хлѣвовъ и переполнили всѣ зданія. По ночамъ они разводили большіе костры на дворахъ, а по утрамъ цѣлой оравой маршировали въ лѣсъ.

Сначала работа ихъ была незамѣтна. Вскорѣ, однако-же, тотъ, у кого былъ хорошій слухъ и кто стоялъ на холмѣ, могъ слышать, долетающій со стороны лѣса шорохъ. Этотъ шорохъ изо дня въ день раздѣлялся на отдѣльные отголоски, точно кто пальцами барабанилъ по столу, такъ что подъ конецъ уже совсѣмъ ясно слышался стукъ многихъ топоровъ и трескъ валящихся деревьевъ. Лѣсъ какъ-бы понижался, на волнистомъ контурѣ его появлялись каждый разъ новые зубы, изъ глазъ человѣческихъ исчезали верхушки и въ темнозеленой стѣнѣ начали просвѣчивать какъ-бы щели, потомъ какъ-бы окна, а наконецъ — выломы, въ которые заглянуло небо, удивленное, что въ первый разъ съ сотворенія міра оно глядитъ на долину съ этой стороны.

Палъ лѣсъ. Осталось только небо и земля, а въ ней нѣсколько кустиковъ можжевельника, нѣсколько орѣшниковъ, нѣсколько молодыхъ сосенокъ, безчисленные ряды иней и цѣлыя груды лежащихъ деревьевъ, съ которыхъ поспѣшно обрубали вѣтви. Никого изъ листовнаго населенія не пощадила хищный топоръ.

Никого даже и дуба, съ столѣтней коры котораго соскребали

огненные ленты молний. Засмотрѣвшись на небо, побѣдитель бурь почти не замѣтилъ копошащихся у его подножья червей, а удары топоровъ тревожили его такъ-же мало, какъ постукиванья дятеловъ. Онъ палъ вдругъ, убѣдившись въ послѣднюю минуту, что мѣръ обрушился и—что жить въ такомъ шаткомъ мѣрѣ?

Былъ другой дубъ, на огромной вѣтви котораго когда-то повѣсилъ несчастный Симонъ Голубъ. Съ той поры люди обходили его со страхомъ, потому то, увидѣвъ толпу пильщиковъ съ топорами, онъ зашепестилъ: «убѣгайте отсюда поскорѣе, потому что имя мое означаетъ смерть. Одинъ только человекъ коснулся рукой моихъ вѣтвей и умеръ». Когда же пильщики вмѣсто того, чтобы выслушать его дружескія увѣщанья, стали рубить его и все глубже запускать ему въ тѣло острое желѣзо, онъ впалъ въ страшный гнѣвъ, зарычавъ: «разможжу васъ!» и—повалился на землю.

Сосна, въ душлѣ которой скрывалась пара векшъ, видя всеобщее уничтоженіе, утѣшалась надеждой, что она избѣжитъ злой судьбы, ради своихъ жилищъ: «состраданье ихъ тронетъ, потому что въ чемъ же провинились передъ ними бѣдные маленькія векши?» шептала она и пала, размноживъ собственной тяжестью испуганныхъ звѣрьковъ.

Такъ погибали могучія деревья одно за другимъ, надъ ихъ могилой плакалъ ночной туманъ и жалобно попискивали птички, выгнанныя изъ родимыхъ гнѣздъ.

Старше лѣса и крѣпче дубовъ были громадные каменья, густо разсыпанные въ этой окрестности, по полямъ. Мужики не трогали ихъ вонервыхъ потому что ни одного нельзя было сдвинуть съ мѣста, и вовторыхъ потому что они не были имъ ни на что пригодны. Впрочемъ, между людьми было въ ходу преданье, что въ первые дни творенья взбунтовавшіеся дьяволы бросали этими каменьями въ ангеловъ и что сдвигать ихъ не стоитъ, потому что на цѣлую окрестность обрушилось бы несчастье. И такъ, каждый лежалъ на своемъ мѣстѣ, окруженный кустиками травки и обросшій мхомъ. Самое большее, что пастухъ, почующій въ полѣ, разводилъ подъ нимъ костеръ, усталый потопыщикъ ложился на него отдыхать въ полдень, или же хитрый

на деньги человекъ искалъ подъ нимъ спрятанныхъ сокровищъ. Худшаго съ ними никогда не случалось.

Однако же, теперь и для каменьевъ пробилъ послѣдній часъ. Одновременно съ вырубкой лѣса какія-то люди стали подсаживаться къ сѣдымъ каменьямъ. Въ деревнѣ сначала думали, что нѣмцы ищутъ кладовъ, но Иендрекъ тотчасъ подсмотрѣлъ, что они пробуравливаютъ дыру.

— Ну, не дураки-ли эти швабы, что они такъ вертятъ каменья, — говорила, однажды, моя посуда, Сликакова старой Собѣской. — Чортъ знаетъ, на что имъ это?..

— Э... видите, кума, я знаю, на что они это дѣлаютъ, — отвѣтила баба, закрывая красные глаза.

— На что-жь бы? Развѣ по своей глупости,

— Нѣтъ!.. — говорила Собѣская — Они, видите, вертятъ, потому что слышали, что въ такомъ кампѣ сидятъ лягушки...

— Ну, и что жъ изъ этого? спросила Сликакова.

— Ну, такъ они, видите, хотятъ посмотрѣть, правда ли это.

— Ну, а изъ этого имъ что?

— А чортъ ихъ знаетъ, — отвѣчала Собѣская такимъ убѣдительнымъ тономъ, что Сликакова должна была признать вопросъ исчерпаннымъ,

Между тѣмъ нѣмцы не искали лягушекъ въ каменьяхъ, но вкладывали заряды въ пробуравленные дыры, присыпали ихъ пескомъ, и стали разрывать камни. Цѣлый день продолжалась пальба, гулъ, который разносился по самымъ отдаленнымъ угламъ долины, провозглашая всѣмъ и каждому отдѣльно, что даже скала не устоитъ противъ нѣмца.

— Кремень народъ эти швабы! пробормоталъ Сликакъ, присмотрѣвшись къ разможеженнымъ великанамъ.

И онъ вспомнилъ о колонистахъ, которые приобрѣли помѣщичьи земли и хотѣли купить его землю.

— Что-то ихъ не видно, — прибавилъ онъ, можетъ, они вовсе не придутъ?..

Однако, колонисты пришли.

Однажды это было въ началѣ апрѣля, Сликакъ, по обыкновенію, вышелъ до восхода солнца изъ хаты прочесть молитву и

взглянуть, какова будетъ погода. Востокъ уже сіялъ, звѣзды поблѣднѣли, только зорька блистала на небѣ, подобно драгоцѣнному камню, а на землѣ ее привѣтствовали щебетаньемъ, проснувшіяся птички.

Мужикъ устремилъ глаза на туманъ, убѣзавшій поля и лужайку, подобно снѣгу, и шепталъ: «когда встанутъ утреннія зори».

Вдругъ онъ услышалъ грохотъ со стороны верхнихъ полей. Это былъ скрипъ медленно катящихся телѣгъ и громкій говоръ людей.

Заинтересованный и встревоженный онъ вбѣжалъ на пригорокъ съ сосной и увидѣлъ необычайное шествіе. Это былъ очень длинный рядъ телѣгъ, покрытыхъ холстомъ, изъ-за котораго тамъ и сямъ выглядывали человѣческія головы, домашняя утварь или земледѣльческія орудія. У телѣгъ шли или сидѣли на козлахъ, свѣсивъ ноги, люди въ длинныхъ малиновыхъ шинеляхъ и въ фуражкахъ. Къ нѣкоторымъ телѣгамъ были привязаны коровы, въ болѣе длинныхъ промежуткахъ между телѣгами толпились свиньи. На самомъ же концѣ вереницы, тащилась телѣжка чуть побольше дѣтской, въ которой лежалъ мужчина, свѣсивъ ноги на землю, съ одной стороны дышла ее везла собака, съ другой—женщина.

— Швабы идутъ,—промелькнуло у мужика въ головѣ, но онъ оттолкнулъ первую мысль.

— Можетъ быть, это цыгане? думалъ онъ. Нѣтъ, цыгане одѣваются въ красное, а эти въ малиновое и желтое. А можетъ быть, это пильщики?.. Пильщики не тащили бы за собой скота, впрочемъ, зачѣмъ бы они сюда шли, когда ужъ лѣса нѣтъ...

Такъ бился мужикъ съ мыслями или скорѣе удиралъ отъ одной, что—идутъ колонисты, которые купили помѣщичьи земли.

— Они или же не они,—нашептывалъ онъ, заглядѣвшись на проѣзжую дорогу.

Между тѣмъ нѣмцы съѣхали внизъ и съ минуту ихъ не было видно. Мужикъ протеръ глаза. Можетъ, они расплылись въ дневномъ собѣтѣ, а можетъ, ихъ земля поглотила? Какое тамъ!.. Вѣтеръ подулъ съ той стороны и снова принесъ медленный грохотъ колесъ, скрипъ дышеля, гулъ человѣческихъ голосовъ. Снова изъ за горы выглянули лошадинныя гривы, малиновыя фуражки возницъ, сѣрые

павъсы телѣгъ и головы нѣмокъ въ пестрыхъ платкахъ, завязанныхъ подъ подбородокъ. Земля шагъ за шагомъ уступаетъ подъ копытами ихъ исхудалыхъ лошадей. Ужъ они вѣхали на послѣднюю вершину, облитые золотыми потоками солнца, крикливые, сіяющіе, привѣтствуемые пѣсней жаворонковъ, которыхъ они осенью будутъ ловить и ѣсть.

Далеко за ними, куда даже не достигали громадныя тѣни ихъ телѣгъ, а за туманомъ мелькалъ чернѣй лѣсъ, слышался голосъ церковнаго колокола. Сзываетъ ли онъ, по обыкновенію, людей на молитву, или же возвѣщаетъ имъ нашествіе чужеземцевъ?..

Слимакъ оглядѣлся. Въ хатахъ по другую сторону долины двери были заперты; на дворахъ пикто не двигался и, вѣроятно, пикто бы не выбѣжалъ за ворота, если бы даже крикнуть: смотрите, хозяева, сколько нѣмцевъ валить сюда!.. Деревня еще спала.

Теперь вереница телѣгъ, наполненныхъ говорливыми людьми, стала проѣзжать мимо избы Слимака. Усталыя лошади шли медленно, погопяемыя частыми ударами, коровы еле тащили ноги, свиньи визжа спотыкались. Только люди были довольны, смѣялись, перекрикивались и руками или бичами указывали на долину. Наконецъ они съѣхали внизъ, проѣхали мостъ и повернули на лѣво въ открытое поле.

Минуты черезъ двѣ-три послѣ нихъ показалась телѣга, которую тащили собака и женщина, и остановилась у воротъ Слимаковой избы. Тутъ большая собака упала на землю, тяжело дыша, мужчина съ трудомъ поднялся въ телѣгѣ и усѣлся, а женщина сняла шлею съ шеи и, обтирая вспотѣвшей лобъ, глядѣла на хату Слимакова.

Мужика задѣло заживо состраданье. Онъ сошелъ съ пригорка и подошелъ къ пріѣзжимъ.

— Откуда вы и кто вы такіе?—спросилъ онъ.

— Мы колонисты, но изъ за Вислы,—отвѣчала женщина. Наши купили тутъ землю, ну, мы и идемъ за ними.

— А вы земли не купили?

Женщина пожалала плечами.

— Такъ это у васъ такой обычай, что бабы мужиковъ везуть?—распрашивалъ Слимакъ.

— Что-жъ дѣлать, когда лошади у насъ нѣтъ, а на ногахъ отецъ бы не дошелъ.

— Это вашъ отецъ?

Пріѣзжая кивнула головой.

— И такой большой?

— Да.

Мужикъ задумался.

— Такъ онъ, какъ нищій, ѣздитъ за міромъ?—спросилъ онъ опять.

— О нѣтъ!...—отвѣтила она съ энергіей. Отецъ учитъ дѣтей, а я, когда у меня есть время шью, а какъ мнѣ шить нечего, занимаюсь на полевыхъ работы.

Слимакъ глядѣлъ на нее удивленный, наконецъ сказалъ:

— Вы, должно быть, не нѣмцы, когда такъ бойко по нашему говорите.

— Мы изъ нѣмцевъ,—отвѣтила женщина.

— Мы нѣмцы,—въ первый разъ отълинулся человекъ изъ телѣги.

Во время этого разговора вышла изъ хаты и подошла къ воротамъ Слимакова съ Іендрекомъ.

— Крѣпшій собака!—воскликнула Іендрекъ.

— Присмотрись-ка,—сказалъ ему Слимакъ,—какъ эта дама всю дорогу везетъ больного отца въ телѣжкѣ. А ты бы, щенокъ, это сдѣлалъ?

— Чего мнѣ такъ дѣлать? Развѣ у васъ, тятенька, лошадей нѣтъ!...—отвѣчалъ паренекъ.

— И у насъ была лошадь, но теперь нѣтъ,—пробормоталъ проѣзжіи изъ телѣги.

Это былъ человекъ сухощавый, блѣдный съ рыжими волосами и такой же бородой.

— Вамъ не мѣшало бы отдохнуть и съѣсть чегонибудь по-слѣ такой дороги? обратился Слимакъ къ пріѣзжей.

— Я не хочу ѣсть,—отвѣтила женщина,—но отецъ, можетъ быть, напился бы молока.

— Сбѣгай за молокомъ, Іендрекъ,—сказалъ Слимакъ.

— Не обижайтесь,—проговорила Сликакова,—по у васъ нѣтъ, должно быть, своей родины, когда вы приходите сюда къ намъ.

— Наша родина тутъ,—отвѣтила прїѣзжая. Я же вѣдь родилась тутъ за Вислой.

Человѣкъ, сидящій въ телѣгѣ, уныло махнулъ рукой и заговорилъ прерывающимся голосомъ:

— У насъ, нѣмцевъ, есть своя страна даже больше вашей, но тамъ скверно. Людей много, земли мало, заработокъ найти трудно. А еще мы должны платить большія подати, а еще въ войскѣ тяжелая служба, а еще различными штрафами преслѣдуютъ человѣка...

Онъ закашлялся, немного отдохнулъ и продолжалъ:

— Каждый хочетъ, чтобы ему было хорошо на свѣтѣ и еще хочетъ жить, какъ ему вздумается, а не такъ какъ, ему велятъ другіе... Въ нашей странѣ плохо, ну, такъ мы приходимъ сюда...

Иендрекъ принесъ молоко и отдалъ его прїѣзжей, которая напоила отца.

— Боже васъ вознагради!—вздыхнулъ больной, тутъ есть добрые люди...

— Только бы вы намъ не надѣлали какого зла,—вполголоса проговорила Сликакова.

— Что мы можемъ вамъ сдѣлать,—спросилъ больной. Землю мы вамъ отнимемъ, что-ли? Скоту вредъ какой принесемъ? или же станемъ красть, или грабить?... Наши люди спокойные, никому поперегъ дороги не станутъ, только бы имъ никто не мѣшалъ...

— Все же вы купили нашу деревню,—вступился Сликакъ.

— А зачѣмъ вамъ баринъ продалъ?—сказалъ больной. Если бы на этихъ земляхъ вмѣсто одного барина, который ничего не дѣлалъ, только деньги тратилъ, сидѣло мужиковъ человѣкъ тридцать, наши сюда бы не пришли. Или—почему же сами не купили деревни всеѣмъ міромъ? Ваши деньги такія же, какъ и наши, ваши права такія же, какъ и наши. Но хоть вы давнымъ давно сидите на мѣстѣ, вы не позаботились купить этихъ земель, такъ что пришлось изъ за Вислы колонистовъ приводить какъ только наши купили, это начинаетъ вамъ глаза колоть. Баринъ вамъ глазъ не колоть.

Задыхаясь, опустил онъ голову на грудь и присмотрѣлся къ своимъ исхудалымъ рукамъ. Черезъ минуту онъ снова началъ:

— Впрочемъ, кому же колонисты перепродаютъ свои колоніи? Крестьянамъ. За Вислой все послѣ насъ скупили крестьяне и вездѣ покупаютъ крестьяне...

— Все же одинъ изъ вашихъ хочеть у меня землю обманомъ купить, — проговорилъ Сликакъ.

— Но... но!... вставила Сликамова.

— Кто онъ такой? — спросилъ больной.

— Развѣ я знаю, кто онъ какой? — отвѣтилъ Сликакъ. У меня ушъ были тутъ два раза-какой то старикъ и какой-то бородачъ, а они зубы скалятъ вотъ на эту гору. Говорятъ, что на ней вѣтраную мельницу построятъ.

— Это Гамеръ, — вполголоса проговорила пріѣзжая, глядя на отца.

— А, Гамеръ, — повторилъ больной. — Онъ и намъ хлопотъ надѣлалъ, — прибавилъ онъ вслухъ. — Наши хотѣли идти за Бугъ, гдѣ земля покупается по тридцати рублей за десятину, а онъ тащилъ ихъ сюда, потому что у васъ желѣзные дороги строятъ. Ну, и купили наши тутъ землю по семидесяти рублей за десятину, ну, и влѣзли въ долги у жида и неизвѣстно, что еще изъ этого выйдетъ.

Въ это время пріѣзжая ѣла ржаной хлѣбъ и кормила имъ собаку, поглядывая на другую сторону лукайки, гдѣ среди пригорка расположился таборъ колонистовъ.

— Поѣдемъ, отецъ, — сказала она.

— Ѣдемъ, — повторилъ больной. — А что вамъ слѣдуетъ за молово? — спросилъ онъ Сликама.

Мужикъ пожалъ плечами.

— Если-бы мы стали брать деньги за такія вещи, то мы бы насъ не приглашали.

— Ну, вознагради васъ Боже за то, что вы такъ милостивы къ намъ, — проговорилъ больной.

— Счастливаго пути! — отвѣтили оба Сликамовы.

Больной снова улегся въ телѣгѣ, побрякивая, пріѣзжая заложила себѣ шлею на правое плечо черезъ грудь и подъ лѣвую

руку, большая собака поднялась съ земли и встряхнулась въ знаѣ того, что она готова пуститься въ дорогу.

— Боже, вознагради! здорово оставаться!.. сказалъ больной.

— Поѣзжайте съ Богомъ!

Телѣга медленно покатила къ табору.

— Странный народъ эти нѣмцы,—сказалъ Сликакъ женѣ.— Онъ такой умный, а ѣздитъ въ телѣжкѣ, какъ нищій.

— Да и она,—отвѣтила Сликакова,—слыханное-ли дѣло, чтобы такую дорогу тащить старика, какъ лошадь...

— Люди недурные.

— Все недурные и неглупые.

Послѣ такого обмѣна мыслей супруги вернулись въ хату. Разговоръ съ больнымъ успокоилъ ихъ. Нѣмцы не казались имъ уже такими страшными, какъ прежде.

Послѣ завтрака Овчаръ пошелъ на гору вспахивать землю подъ картофель, а Сликакъ выскользнулъ за нимъ.

— Вѣдь ты же хотѣлъ плетень ставить!—кричала вслѣдъ за мужемъ хозяйка.

— Не убѣжить!—отвѣтилъ мужикъ и быстро захлопнулъ за собой двери, потому что боялся, чтобы баба не вернула его.

Онъ пробѣжалъ по двору, скорчившись, желая показаться поменьше въ глазахъ женщины и ползкомъ вскарабкался на пригорокъ, гдѣ потѣлъ надъ плугомъ хромой Матекъ.

— А что швабы?—спросилъ онъ работника.

Сликакъ усѣлся сбоку горы, такъ, чтобы его не было видно со двора и осторожно закурилъ трубочку.

— Съли-бы вы тутъ,—указалъ Матекъ бичемъ на возвышенное мѣсто,—такъ и на мою долю пришлось-бы чуточку дыма.

— Что тебѣ въ дымъ,—отвѣтилъ хозяинъ, отплеываясь.— Какъ кончу, дамъ тебѣ трубку и ты побалуешься ей, а по крайнѣй мѣрѣ, бабѣ не будетъ глаза колоть, что я на виду торчу.

Матекъ пошелъ по пашнѣ, причмокивая лошадамямъ, а Сликакъ сидѣлъ сбоку и глядѣлъ. Сидѣлъ, оперся локтями на колѣняхъ, подперъ голову руками, такъ что шапка даже сдвинулась ему на затылокъ, покуривалъ трубочку по маленьку... шхъ-шхъ и про-должалъ смотрѣть.

Въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ него, за рѣкой, на пригоркѣ нѣмцы располагались лагеремъ. Слимакъ продолжалъ покуривать трубочку и поглядывалъ и объяснялъ себѣ въ головѣ каждое содраганье въ этой толпѣ.

Уже нѣмцы выстроили въ четырехъугольникъ телѣги, покрытыя полотномъ, составивъ изъ нихъ, какъ-бы заборъ, внутри котораго стоятъ лошади и скотъ, а извнѣ копошатся люди. Одинъ вынимаетъ переносныя ясли на четырехъ ножкахъ и ставитъ ихъ передъ коровами, другой всыпаетъ туда кормъ, третій идетъ за водой къ рѣкѣ съ ведрами. Женщины вытаскиваютъ изъ-подъ платковъ желѣзные котелки и мѣшечки съ овощами, а толпа дѣтей бѣжитъ къ яровымъ за топливомъ.

— Ну, и вдоволь-же у нихъ этихъ голышей! — проговорилъ Слимакъ. — У насъ во всей деревнѣ не набрать-бы столько ребятишекъ.

— Какъ вшей, — отвѣтилъ Матекъ.

Мужикъ все покуриваетъ трубку и удивляется. Колдовство это, что-ли?.. Вчера еще поле было пусто и тихо, а сегодня — чистая ярмарка. Люди надъ водою, люди въ яровыхъ, люди на грядкахъ. Рубятъ кусты, носятъ вязанки хвороста, разводятъ костры и поятъ скотъ. Уже одинъ нѣмецъ открылъ лавочку на телѣгѣ и видно торгуетъ, потому что облоло него вертится толпа женщинъ и протягиваетъ къ нему руки: одна за солью, другая за уксусомъ, третья за сахаромъ. Ужъ нѣсколько молодыхъ нѣмокъ сдѣлали изъ платковъ люльки на вилахъ и одной рукой мѣшчаютъ сущъ въ котлахъ, другой качаютъ люльки изъ платковъ. Ужъ нашелся и коноваль, который осматриваетъ ногу разбитой клячѣ и цирульникъ, который брѣшетъ на подножкѣ телѣги стараго шваба. Въ полѣ шумъ, бѣготня, работа, а на небѣ солнце поднимается все выше.

Слимакъ обратился къ Овчару.

— Замѣчаешь-ли ты, Матекъ, какъ они быстро работаютъ? Вѣдь отъ насъ изъ избы ближе къ лѣсу, чѣмъ оттуда, а отъ насъ тащишься за хворостомъ полдня. Эти-же парни минуты въ двѣ справились...

— Ого-го!...—отвѣтилъ Матеевъ, чувствуя, что это намекъ на его нерадивость.

— Или присмотрись,—говорилъ Сливакъ,—какъ они всѣ дѣлаютъ сообща? Вѣдь и наши, случается, выйдутъ сходомъ; но каждый возится со своимъ дѣломъ и чаще всего отдыхаетъ, или еще другимъ мѣшаетъ. Эти же собачьи дѣти, какъ-то такъ изловчатся, точно одинъ погоняетъ другого. Не разлѣниться, хоть бы тебѣ хотѣлось на землю повалиться, потому что одинъ тебѣ тычетъ работу въ руки, а ужъ другой ее ждетъ и тебя пилить, чтобы ты кончалъ. Только присмотрись къ нимъ самъ и скажи.

Онъ отдалъ догорающую трубку Овчару и вернулся въ избу, задумавшись.

— Ловкій народъ эти швабы,—ворчалъ онъ,—и продувной...

Соколиный взглядъ его въ полчаса открылъ двѣ тайны современнаго труда: поспѣшность и организацію.

Въ полдень къ Сливаковымъ пришли два колониста изъ табора, прося продать имъ масла, картофеля и сѣна. Масло и картофель имъ дали безъ торгу, но въ сѣнѣ Сливакъ отказалъ.

— Дайте хоть возъ соломы,—просилъ одинъ съ сильно чужеземнымъ акцентомъ.

— Нѣтъ, и соломы, не дамъ, потому что у меня нѣтъ,—отвѣтилъ Сливакъ.

Колонистъ со злости швырнулъ шапку на землю.

— А подлець этотъ Гамеръ,—кричалъ онъ,—что онъ намъ горя надѣлалъ!... говорилъ, подлець, что мы найдемъ тутъ въ усадьбѣ квартиры и кормъ и все, а мы ничего не пашли... Въ барскомъ домѣ корму нѣтъ, а въ постройкахъ сидятъ жида дѣлосистребители и толкуютъ: мы отсюда не двинимся!...

Въ ту самую минуту, какъ колонисты съ мѣшками картофеля уходили со двора, провожаемые всей семьей мужика, на проѣздѣй дорогѣ показалась бричка, а въ ней двое давно знакомыхъ Сливаку пѣмцевъ: старый и бородачъ. Это были Гамеры. Колонисты, швырнувъ мѣшки, съ громкимъ крикомъ остановили бричку.

О чемъ разговаривали? мужикъ не понималъ. Онъ только видѣлъ, что колонисты злы, что они указываютъ руками то на хату

Слимаковъ, то на помѣщичьи постройки. Однажды даже обратились къ нему, говоря по польски:

— Даже и вы, глупый, поймете, что человекъ и кое какъ выспится, а скотинка не выдержитъ въ полѣ въ зимнія ночи!.. Съ такимъ порядкомъ и года не пройдетъ, какъ все чертямъ пойдетъ...

Потомъ опять кричали по нѣмцки, то одинъ, то другой по очереди, точно они сохраняли даже въ порывахъ гнѣва систематичность и порядокъ.

За то оба Гамера были вполне спокойны. Они терпѣливо и внимательно выслушивали ругательства колонистовъ, только иногда вставляя какое нибудь словечко въ отвѣтъ. Когда же колонисты устали кричать, младшій Гамеръ возвысилъ голосъ. Его короткая рѣчь, очевидно, успокоила разсерженныхъ, потому что, пожавъ руку отцу и сыну, они взвалили на плечи свой картофель и съ разъяснившимися лицами пошли по направленью къ лагерю.

— Какъ выживаете, хозяинъ!—крикнулъ Слимаку старшій Гамеръ изъ брички. Что же сторгуемъ относительно земли-то? — Нѣтъ.

— Зачѣмъ вы пристааете къ нему, батюшка,—прервалъ нетерпѣливо младшій Гамеръ. Опъ самъ придетъ къ намъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Слимакъ, прибавляя вполголоса:—вотъ прицѣпились бо мнѣ, пси такіе!...

Бричка покатила дальше. Мужикъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, подумалъ, наконецъ сказалъ женѣ:

— Народецъ же эти швабы!.. Гамеры выглядят барами, а тѣ, которые у насъ взяли картофель мужиками; однако же, другъ другу рубу подають за панибратски. У насъ люди какъ поссоряться, то ужъ другъ друга не выслушаютъ; эти же парни хоть и поссорятся, то все же одинъ другого пойметъ и все успокоится...

— Что ты старина постоянно расхваливаешь швабовъ, — прервала его Слимакова, — а о томъ не думаешь, что они хотять у тебя землю отнять? Нобойси Бога, Юзекъ...

— Что они мнѣ сдѣлають! Болтовней они ничего не выиграють, потому что я всегда отвѣчу имъ, что я знаю. А вѣдь разбойничать же они не стануть.

— Кто ихъ знаетъ,—отвѣтила женщина. Это вѣрно, что ихъ цѣлая толпа, а ты одинъ.

— Воля Божья! — вздохнулъ мужикъ. Разуму-то у нихъ, я вижу, побольше, чѣмъ у меня, но тамъ, гдѣ дѣло дойдетъ до возможности—тамъ имъ со мной не сладить, ой нѣтъ!...

— Присмотрись-ка,—прибавилъ онъ черезъ минуту,—какая буча дятеловъ садится на одно дерево и все его клювами долбить и что-жъ изъ этого?... Дятель въ концѣ концовъ отлетитъ, а дерево остается деревомъ. Тоже и съ мужикомъ. Сидитъ на немъ баринъ и клювомъ долбитъ, сидитъ волость и долбитъ, сидитъ жидъ и долбитъ, сядетъ пѣмецъ и будетъ долбить, но все-таки же не сладить.

Подвечеръ къ Сливаковымъ прибѣжала старая Собѣская.

— Дайте наперстокъ водки,—крикнула она жалобно,— а потому что у меня просто душа въ пятки ушла... на порогъ, а съ новостью...

Ей налили наперстокъ, который и великанъ не постыдился бы носить на пальцѣ, и баба, выпивъ его, начала:

— Такъ вотъ у насъ въ деревнѣ судный день, Исусе!.. Видите-ли: старый Грибъ постоянно разсуждалъ съ Ожеховскимъ, что колонисты сюда не придутъ, а за то имъ, т. е. Грибу и Ожеховскому, значить, удастся купить четыре или пять десятинъ, значить, изъ помѣщичьихъ земель... Потому они, замѣйте себѣ, хотятъ жепить Яську Гриба на Павлинкѣ Ожеховчанкѣ и ужь поселить ихъ на землю по помѣщичьему. Потому Павлинка училась у помѣщицы вышиванью и вязанью узелками, а онъ, Ясекъ, былъ при канцелярїи и теперь каждый праздникъ разгуливаетъ въ сюртугѣ... Дайте еще наперстокъ горѣлки, потому что у меня червякъ такъ гложетъ путро, что я и говорить не могу.

Она осушила второй наперстокъ и продолжала:

— Между тѣмъ, говорю я вамъ, колонисты уже отдали жиду половину денегъ за землю, ну, и поселились тутъ. Какъ это увидѣлъ мой Грибъ, такъ и началъ себя дергать за космы и прибѣжалъ къ Иозелю и сталъ его уговаривать: Ты паршивецъ,—говорить,—что Господа Христа распялъ, еще и меня надулъ?.. Ты Каиафа, ты Иуда! Это ты толковалъ, что пѣмцы не заплатятъ во

время и потеряют задатки, а я землю куплю?.. А посмотри-ка ты, обрѣзанецъ (и онъ потащилъ его къ окну), что пѣмцы дѣлой шайбой съѣхались... Иозель на то: «Еще не знаемъ, долго-ли они усидятъ, потому что они ссорятся съ Гамеромъ и навѣрно его оставятъ». А тутъ, какъ разъ, Ожеховскій даетъ знать, что оба Гамеры пріѣхали, и что уже пѣмцы примирились между собою. Грибъ, говорю вамъ, такъ взбѣлся, что у него губы посинѣли и онъ только и дѣло, что кулаками билъ и кричалъ: выкурю я этихъ крысъ отсюда!.. пріѣхали на телѣгахъ, а будутъ улетывать пѣшкомъ!.. Такъ-то Иозель потащилъ его за рукавъ, вывелъ въ коморку вмѣстѣ съ Ожеховскимъ и они что-то толковали потихоньку.

— Глушій онъ,—отвѣтилъ Сликакъ.—Если во время не подумали о покупкѣ, такъ ужъ теперь не сладить съ пѣмцами. Это народъ расчетливый.

Ошеломленная водкой, баба зашаталась на лавкѣ.

— Не сладить съ ними?..—говорила она. — Налейте еще наперстокъ... Если онъ не сладить, то сладить Иозель, а не Иозель, такъ его зять... налейте наперстокъ... пойдетъ у насъ способъ и на шваба. Что я знаю, то знаю... Налейте... потому мнѣ тошно... Много видѣла я въ корчмѣ... Если-бы этотъ мучитель христіанъ не жилъ въ нашей деревнѣ, то вы-бы хозяева всѣ знали кое-что объ этомъ...

Черезъ минуту она забормотала что-то несвязно, зашентала, наконецъ—свалилась съ лавки на полъ и уснула какъ младенецъ.

— Что она болтаетъ?—спросила мужа Сликакова.

— Знамо дѣло, пьяная,—отвѣтилъ мужикъ. Прислуживаетъ жиду, такъ и думаетъ что онъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ.

Какъ наступила ночь, Сликакъ опять вышелъ на пригорокъ взглянуть на лагерь пѣмцевъ. Люди уже скрились въ полотняныя палатки, а скотъ въ четырехъ-угольныхъ телѣгахъ и только табунъ лошадей пасся на лужайкѣ, недалеко отъ яровыхъ. Но временамъ пламя загоралось сильнѣе на угасающихъ кострахъ, по временамъ ржала лошадь или слышался крикъ усталого часового.

Сликакъ вернулся въ избу. Онъ бросился на постель, но не могъ заснуть. Темнота лишила его бодрости, поэтому онъ тре-

можно думалъ: сможетъ-ли онъ одинъ, живя въ безлюдномъ мѣстѣ, устоять противъ столькихъ нѣмцевъ?

— Они могутъ напасть на меня... сжечь!..—думалъ онъ, вращаясь съ боку на бокъ,

Вдругъ въ полночь онъ услышалъ изъ далека гулъ выстрѣла. Онъ вскочилъ. Выстрѣлили во второй разъ. Мужикъ выбѣжалъ на дворъ и встрѣтилъ тамъ, ровно испуганнаго, Овчара. За водой слышались крики, проекаясь и лошадиный топотъ.

Мало-по-малу шумъ смолкъ, но въ таборѣ не спали до восхода солнца. На другой-же день Сликакъ узналъ отъ колонистовъ, что какіе-то люди подбирались къ ихъ стаду. Мужикъ удивился.

— О такихъ фокусахъ,—сказалъ онъ,—у насъ еще и помину не было.

— Потому что ваши лошади заперты,—отвѣтилъ одинъ изъ колонистовъ.—Впрочемъ, воры рассчитывали на то, что мы устали отъ дороги и заспимъ. Но мы не заспимъ!—прибавилъ онъ, смѣясь.

Вѣсть о нападеніи на таборъ колонистовъ облетѣла окрестность, обогащенная въ каждой деревнѣ новыми прибавленіями. Говорили, что образовалась шайка конокрадовъ, которые вывозятъ украденныхъ лошадей въ самую Пруссію, что нѣмцы всю ночь боролись съ ними и даже убили двоихъ. Эти слухи черезъ нѣсколько дней дошли до слуха урядника, который запрягъ въ телегу толстую лошадку, взялъ изъ кладовой боченокъ, у жени нѣсколько мѣшечковъ и поѣхалъ на слѣдствіе.

Нѣмцы угостили его въ таборѣ превосходной можжевеловой настойкой и ветчиной, а Фридерикъ Гамеръ объяснилъ, что къ ихъ лошадямъ, насколько онъ подмѣчаетъ, подбирались двое людей, нѣкогда дворовыхъ, въ настоящее время не имѣющихъ работы: Куба Сукенникъ, бывший кучеръ и Яцекъ Рогачъ, буфетный казачекъ.

— Они уже сидѣли подъ арестомъ,—проговорилъ урядникъ,—за кражу задвижекъ и печныхъ заслонокъ. Но они выпущены, потому что доказательствъ не было.

— А кто тутъ у васъ, господа, стрѣлялъ въ нихъ,—прибавилъ онъ черезъ минуту.—И есть-ли у васъ позволеніе держать оружіе? Гамеръ, видя, что вопросъ становится щекотливымъ, вывелъ

урядника за таборъ и далъ ему желаемыя объясненія, которыя его настолько удовлетворили, что онъ тотчасъ уѣхалъ. Онъ посоветовалъ также присматривать за лошадямъ и повторилъ, чтобы колонисты не держали оружія безъ разрѣшенія.

— А домъ вы скоро постройте, панъ? — спросилъ урядникъ, уѣзжая.

— Черезъ мѣсяцъ уже долженъ быть отстроенъ нашъ хуторъ, — отвѣтилъ Гамеръ.

— Очень хорошо!.. очень хорошо!.. мы его всприснемъ.

Отъ колонистовъ урядникъ отправился въ усадьбу, гдѣ пфегенкій уполномоченный Гиршгольда, такъ обрадовался при видѣ его, что поставилъ бутылку крымскаго вина. Однако-же, по вопросамъ, касающимся бражи, онъ не могъ дать никакихъ объясненій.

— Я, панъ, — говорилъ жидовъ, — какъ услыхалъ, что стрѣляютъ, тотчасъ схватилъ въ одну руку одинъ револьверъ, въ другую второй и всю ночь ужъ не смыкалъ глазъ, только боялся, что и на меня нападутъ.

— А у васъ есть позволеніе держать револьверы?

— Какже не быть? Есть...

— Два?

— Второй испорченъ и кожу съ нимъ только для вида.

— А работниковъ у васъ сколько теперь?

— Такихъ, которые только около лѣса возятся?.. Иногда бываетъ человекъ сто, а обыкновенно восемьдесятъ. Какъ случится.

— Паспорты въ порядкѣ?

Уполномоченный тотчасъ отвѣтилъ относительно вопроса о паспортахъ, потомъ урядникъ простился съ нимъ. Усаживаясь въ телѣжку, онъ сказалъ:

— Присматривайте-же хорошенько, потому что если въ деревнѣ разъ завелось воровство, такъ ужъ никому не спустятъ.

— А если что-нибудь случится, то увѣдомьте меня прежде всего, — прибавилъ онъ.

Послѣднія его слова такъ испугали уполномоченнаго, что съ той поры онъ бралъ къ себѣ во флигель на ночь двухъ жидовъ, которые до тѣхъ поръ спали въ усадьбѣ.

Изъ усадьбы урядникъ повернулъ лошадку къ хатѣ Слимака.

Хозяйка въ эту самую минуту насыпала крупу въ горшокъ, когда въ избу вошелъ толстый полицейскій.

— Благословенъ, — проговорилъ онъ. — Что у васъ тутъ слышно?

— Ничего особеннаго, во вѣки вѣковъ, — отвѣтила Слимакова.

Урядникъ осмотрѣлся въ избѣ.

— Вашъ хозяинъ дома? — спросилъ онъ.

— Куда ему дѣваться? Сбѣгай за отцомъ, Гендрекъ.

— Хорошая крупа. Это вы сами дѣлаете?

— Знамо дѣло.

— Насыпьте-ка мнѣ съ гарнецъ въ мѣшокъ, такъ я вамъ отдамъ, какъ буду тутъ въ другой разъ.

— А мѣшечекъ у васъ есть, панъ начальникъ?

— Есть въ бричкѣ. Можетъ быть, вы мнѣ и одну курочку продадите?

— Можно.

— Ну, такъ выберите, только молодку и положите въ телѣгу, подъ козла.

Вошелъ Слимакъ, а баба занялась выполнениемъ порученій.

— Не слышали-ли, хозяинъ, кто у нѣмцевъ хотѣлъ лошадей красть? — спросилъ урядникъ.

— Развѣ я знаю, — отвѣтилъ Слимакъ, пожимая плечами. — Я слышалъ, что они раза два выстрѣлили ночью, а на слѣдующій день толковали, что къ ихъ лошадимъ кто-то подбирался. Но кто такое, этого я не знаю.

— Въ деревнѣ толкуютъ, что Куба Сукенникъ и Ядекъ Рогачъ.

— Этого не знаю. Слышалъ, что они ищутъ работы, но найти не могутъ благодаря тому, что уже сидѣли за воровство.

— Нѣтъ-ли у васъ водки? Пыль такъ горло деретъ!..

Слимакъ подаль водку и хлѣбъ съ сыромъ. Урядникъ выпилъ, отдохнулъ съ минуту, наконецъ собрался ѣхать.

— Вы тутъ за деревней, — сказалъ онъ, на прощаньи, — должны быть осторожны, потому что или васъ обокрадутъ, или васъ самихъ заподозрятъ въ воровствѣ.

— Благодаря Бога, — отвѣчалъ Слимакъ, — насъ до сихъ поръ никто не обокралъ и мы никого и вѣрно такъ и будетъ до конца.

Теперь урядникъ поѣхалъ къ Юзелю. Шивкаръ принялъ его

очень восторженно, велѣлъ отвести лошадь въ конюшню, а гости пригласилъ въ самую лучшую комнату, хвастаясь тѣмъ, что у него всё свидѣтельства въ порядкѣ.

— Но надѣиси надъ воротами нѣтъ, которую слѣдовало-бы имѣть? замѣтилъ гость.

— Сейчасъ будетъ, какъ только г-нъ урядникъ прикажетъ!— отвѣтилъ шинкарь, стараясь изъясненіями вѣжливости замаскировать внутреннюю тревогу.

За бутылкой портера урядникъ коснулся вопроса о нападеніи на таборъ.

— Какое тамъ нападеніе! отвѣтилъ насмѣшливымъ тономъ Іозель. Нѣмцы выстрѣлили для того, чтобы на всѣхъ страхъ нагнать, и люди сейчасъ и толкуютъ, что на нихъ напала шайка. Однако-же, у насъ ничего подобнаго не случилось никогда.

Урядникъ отеръ платкомъ усы и румяное лице и сказалъ:

— Шайка не шайка, а все-же Куба Сукенникъ и Яцекъ Рогачъ подбирались къ лошадямъ.

Іозель скорчилъ гримасу и зажмурилъ глаза.

— Какъ они могли подбираться, — отвѣтилъ онъ, — когда они эту ночь почевали у меня.

— Почевали у васъ? спросилъ урядникъ.

— У меня, — отвѣтилъ Іозель небрежно. А Ожеховскій и Грибъ видѣли ихъ, что они уже съ вечера были пьяны, какъ скоты... Что имъ дѣлать — прибавилъ онъ, подумавъ съ минуту, — какъ не пить? когда у мужика пѣтъ постоянной работы, то онъ всегда пропьетъ къ ночи то, что онъ заработалъ въ день.

— Но они могли выскользнуть отъ васъ ночью, — замѣтилъ урядникъ.

— Можетъ, и выскользнули. Хотя у меня конюшня заперта, а ключъ у слуги.

Разговоръ перешелъ на другія темы. Урядникъ съ часъ посидѣлъ у Іозеля, а когда лошадь у него отдохнула, велѣлъ запрягать. Уже сидя въ бричкѣ, онъ сказалъ шинкарю:

— А ты Іозель присматривай за Сукенникомъ и Рогачемъ...

— Что я ихъ отецъ что-ли, или они у меня живутъ? спросилъ жидъ.

— Не то что служить, но они могут васъ самихъ обокрасть, это такіе мужики.

— Я буду присматривать за ними.

Урядникъ, оставивъ мѣшечки и боченокъ, такъ чтобы они ему не мѣшали, возвращался домой. По дорогѣ онъ вздремнулъ, а въ этомъ полуснѣ у него постоянно мелькали передъ глазами фигуры Кубы Суевенника, Яцека Рогача и Юзеля шипкаря. То онъ видѣлъ Суевенника съ мѣдными задвижками въ рукахъ, то опять-таки Рогача съ желѣзными печными заслонками, то ихъ обоихъ, окруженныхъ стадомъ лошадей и всегда, гдѣ-то вблизи ихъ, или бархатную ермолку, или кротко улыбающееся лице Юзеля. Иногда на минуту и какъ бы изъ за тучи ему видѣлось молодецкое лице Яськи Гриба, или-же сѣдые волосы его отца. Тогда урядникъ вдругъ просыпался и оглядывался испуганно. Но кромѣ его лошадки, бѣлой курицы подъ возлами и придорожныхъ деревьевъ тутъ не было ничего.

— Тьфу!—плюнулъ онъ, пригрезилось-же...

Существованія въ крестьянской средѣ сомнѣнія относительно прочнаго поселенія нѣмцевъ на помѣщичьихъ земляхъ исчезали съ каждымъ днемъ. Разсчитывали, что они во время не уплатятъ взноса Гиршгольду, однако-же, они уплатили. Говорили, что они ссорятся съ Гамерами, а они помирились. Предполагали, что они испугаются воровъ, которые подбирались къ ихъ лошадямъ, а нѣмцы вмѣсто того, чтобы испугаться, сами перепугали воровъ.

— Но они все-же неувѣренны въ себѣ, потому что какъ-то не видать, чтобы они строились. Даже земель имъ не отмѣряли.

Такое соображеніе высказалъ въ корчмѣ Ожеховской однажды вечеромъ и запилъ его громаднымъ стаканомъ пива. Но онъ еще не отеръ рта, когда, что-то захлопотало передъ домомъ и они увидѣли въ краковской бричкѣ землемѣра. Не было сомнѣнія въ томъ, что это былъ онъ, потому что онъ везъ съ собою полную бричку палокъ и цѣпей. Узналъ его Грибъ, съ которымъ ему часто приходилось вести дѣла, наконецъ его узнали всѣ хозяева, по густымъ усамъ и по красному, какъ барбарисъ, носу.

Когда огорченный Грибъ проводилъ до дому Ожеховскаго, тотъ сказалъ ему въ утѣшеніе.

— Знаете, кумь, а можетъ, онъ, землемѣръ-то, пріѣхалъ не къ намъ, а только зашелъ по дорогѣ переночевать.

— Даль-бы Богъ,—отвѣтилъ Грибъ,—потому что мнѣ-бы ужь хотѣлось, чтобы наши дѣти поженились и чтобы у меня этотъ комсатый песь Ясекъ остепенился.

— Ну, такъ купимъ имъ землю гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ,—вставилъ Ожеховскій.

— Ни за что. Какъ только этотъ разбойникъ у меня съ глазъ долой исчезнетъ, такъ землю продастъ и потомъ гдѣ нибудь пропадетъ.

— Моя Павлинка за нимъ усмотритъ.

Грибъ печально задумался.

— Вы толкуете, кумь—говорилъ онъ—потому что не знаете, какой это песь. И я, и вы, и Павлинка, будемъ втроемъ за нимъ присматривать и еще не усмотримъ. Вѣдь этотъ оборотень и одной ночи дома не переночуетъ, а случается и такъ, что его по цѣлымъ недѣлямъ не видно!...

Хозяева простились и каждый улегся на отдыхъ съ крохотной надеждой въ сердцѣ, что землемѣръ въ деревнѣ только проездомъ. Однако, слѣдующій день убѣдилъ ихъ въ ихъ ошибкѣ. Чуть свѣтъ всталъ землемѣръ, захватилъ изъ корчмы вязанку палокъ, жестяную трубку съ планомъ, бутылку крѣпчайшей горѣлки въ плетенкѣ и отправился на помѣщичьи поля.

Нѣсколько дней видѣли его, какъ онъ расхаживалъ тамъ взадъ и впередъ въ обществѣ цѣлой толпы нѣмцевъ. Одни передъ нимъ и за нимъ посили тычинки, другіе растягивали цѣпь, третьи изъ его палокъ дѣлали ему столикъ, четвертые только заглядывали ему черезъ плечо. Онъ командовалъ людьми на право и на лѣво, записывалъ въ книжкѣ, рисовалъ на доскѣ, а когда припекло солнце, распускалъ надъ головой зонтикъ, или переходя на новое мѣсто, вышивалъ ужасающіе глотки изъ плетеной бутылки.

Мужики издалека присматривались къ этимъ маневрамъ, молча. На четвертый день Висневскій проговорилъ:

— Песь его возьми! Если бы я столько водки выпилъ, то мѣрилъ бы еще лучше самого землемѣра.

А Вейтасюкъ на это:

— За то, онъ и землемѣръ, что у него такая крѣпкая голова.

И Сликакъ видѣлъ землемѣра, а потомъ видѣлъ, какъ по отъѣздѣ его, нѣмцы, снявъ платки съ нѣсколькихъ телѣгъ, запрягли въ нихъ лошадей и разѣхались на три стороны свѣта.

— Можетъ, выѣзжаютъ? подумаль онъ.

Но они выѣхали всего часа на два, по прошествіи которыхъ медленно вернулись тяжело нагруженныя телѣги и пачали сваливать свой грузъ. Однѣ въ одну груду балки, другой въ другую доски, третій въ третью камни. И такъ они въ два дня свозили лѣсъ, камень, кирпичи и известь, складывая ихъ гудами на пригоркѣ недалеко отъ табора въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ худобушки Сликака.

Въ тоже время трое Гамеровъ обходили пригорокъ, колыями отгородивъ около него квадратную площадь десятины въ двѣ.

Послѣ этихъ приготовленій однажды въ таборѣ началось движеніе. Со стороны лѣса притащилось нѣсколько десятковъ плотниковъ въ малиновыхъ курткахъ и штанахъ съ пилами, буровами и топорами. Одновременно навстрѣчу имъ вышли изъ табора нѣсколько десятковъ колонистовъ съ лопатами и кадочками, и въ нѣкоторомъ разстояніи за ними тащилась тѣсная толпа женщинъ, дѣтей и остальныхъ колонистовъ мужчинъ, всѣ въ праздничныхъ одеждахъ. Три эти партіи собрались у пригорка, гдѣ стояла телѣга съ бочкой пива и другая телѣга съ ветчиной и печеньемъ.

Старикъ Гамеръ былъ въ плисовой полипялой курткѣ, сынъ его Фрицъ въ черномъ сюртукѣ, а второй Вильгельмъ въ пушцовомъ жилетѣ съ черными цвѣточками. Всѣ были очень заняты. Отецъ встрѣчалъ гостей, перебѣгая отъ плотниковъ къ каменщикамъ, а отъ каменщиковъ къ женщинамъ; Фрицъ собиралъ въ одну кучу грубыя деревянныя колья, Вильгельмъ же откупоривалъ бочку съ пивомъ.

Въ поселкѣ Сликака эти приготовленія замѣтилъ Овчаръ и тотчасъ извѣстилъ объ этомъ въ хатѣ. И такъ на пригорокъ выбѣжала вся семья, Сликакъ съ женою, Магда со Стаскомъ и Іендрекъ впереди. Они встали въ сторонкѣ, по другую сторону рѣки, съ любопытствомъ посматривая, что изъ этого будетъ?

— Знамо дѣло, что домъ строятъ,—проговорилъ Сликакъ,—потому что на что-же бы сбѣжалось столько ремесленниковъ.

Въ ту-же самую минуту старикъ Гамеръ, окончивъ привѣтствовать гостей, взялъ въ руку колышекъ и съ помощью деревяннаго молота вбилъ его въ землю.

— Нох!... ура!... крикнули плотники и каменщики.

Гамеръ поклонился, взялъ въ руку другой колышекъ и понесъ его прямо по направленію къ сѣверу.

За нимъ послѣдовалъ Фрицъ съ молотомъ, а за Фрицемъ толпа старшихъ колонистовъ, женщинъ и дѣтей, которыхъ вель тотъ бакалавръ, котораго дочка везла въ телѣгѣ съ помощью собаки.

Вдругъ бакалавръ поднялъ шапку вверхъ, мужчины обнажили головы и толпа идущихъ затянула торжественный гимнъ:

Неприступная твердыня нашъ Богъ,
Наше оружье и сила,
Онь помощь несетъ своимъ слугамъ
Когда бѣдствіе насъ постигаетъ.
Старый врагъ міра
Ищетъ кривыхъ путей,
Онь силы и злобы рать
Ведетъ въ бой противъ насъ.
На землѣ кто ему равень?

При первомъ звукѣ пѣсни Сликакъ снялъ шапку, Сликакова перекрестилась, а покорный Овчаръ преклонилъ колѣни въ сторонкѣ. Стасекъ, дрожащій отъ восхищенія, широко открылъ глаза и ротъ, а Иендрекъ сбѣжалъ съ горы, перешелъ въ бродъ рѣку и смѣлой походкой побѣжалъ въ таборъ.

Пройдя шага два на сѣверъ, старикъ Гамеръ вбилъ въ землю второй колъ и повернулъ на западъ. За нимъ въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ прежде, двигалась толпа, продолжая пѣть:

Мы грѣха не сможемъ преодолѣть,
Когда зло надо побороть;
Но ва насъ борется храбрый вождь,
Котораго Богъ ниспослалъ съ неба,
Кто онъ?—ты спрашиваешь,
Его зовутъ Инусомъ Христомъ,
Господомъ Богомъ Саваофомъ.

Онъ разгромить мечъ злого врага,
Другого нѣтъ Бога.

Недоумѣвающие мужики прислушивались къ этой мелодіи, незнакомой имъ и такой торжественной. Послѣ тоскливыхъ и грустныхъ напѣвовъ въ ихъ церкви, она казалась имъ нѣсбыю какой-то торжествующей силы. Они не думали, чтобы на тѣхъ нивахъ, гдѣ до сихъ поръ раздавался великій стонъ:

«Предъ очи твои Господи, вины наши мы повергаемъ...»

Толпа чужихъ пришельцевъ могла воскликнуть возвышеннымъ голосомъ:

«Но борется за насъ храбрый вождь,
Которого Богъ ниспослалъ съ неба»...

Глубокую задумчивость Сликама вдругъ прервалъ крикъ Стаська.

— Поютъ матушка!.. поютъ!.. говорилъ охрипшимъ голосомъ мальчуганъ, трясаясь и плача. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ, губы у него посинѣли и онъ упалъ на землю.

Испуганные родители подняли его и осторожно понесли его въ избу, вспрыскивая водой и успокаивая увѣщаньями. Они знали, что ребенокъ необычайно впечатлителенъ къ музыкѣ, что въ церкви онъ плачетъ и смѣется во время каждой процессіи. Но въ такомъ состояннѣ не видали его никогда.

Только дома, когда пѣнье подъ таборомъ прекратилось, Стаськъ успокоился и заснулъ.

Иендрекъ, перебираясь черезъ рѣку, искупался въ водѣ до пояса, промочилъ шапку и рукава отъ рубахи, завязъ въ прибрежномъ пескѣ, но хотя ему было холодно и мокро, онъ не обращалъ на это вниманья, занятый новымъ зрѣлищемъ.

— Зачѣмъ они такъ ходятъ кругомъ пригорка и распѣваютъ? думалъ онъ. Вѣрно хотятъ отогнать нечистую силу, чтобы она имъ въ зубы не лѣзла. А такъ какъ они обыкновенные швабы, то у нихъ нѣтъ ни зелья, ни священнаго мѣла, поэтому они на углахъ полей вбиваютъ дубовыя колья. Ну, знамо дѣло, дубовый колъ лучше на чорта, чѣмъ мѣлъ, какъ ни говори...

— А можетъ, они такъ заколдуютъ мѣсто, — прибавилъ онъ черезъ минуту, что у нихъ домъ самъ въ ночь вырастетъ?.. Тотчасъ же

однако, онъ откинулъ эту мысль какъ пелѣвость. Вѣдь ему уже было пятнадцать лѣтъ и онъ зналъ, что дома нельзя вызвать пѣсней, а что его надо построить.

Его поразила также нѣкоторая разница въ поведеніи нѣмцевъ. Пѣло и ходило вдоль по полю, спотыкаясь на неровной почвѣ нѣсколько стариковъ, женщинъ и дѣтей. Молодые же плотники и каменьщики стояли двумя толпами на пригоркѣ, громко смѣясь, подталкивая другъ друга и покуривая трубки. Разъ даже по ихъ винѣ остановилась процессія. Вильгельмъ Гамеръ, хозяйничающій у бочки пива, поднялъ вверхъ стаканъ, молодые воскликнули: *ho! hugh!* Старый Гамеръ даже оглянулся, а болѣзненный бакалавръ погрозилъ имъ рукою.

Мало по малу процессія, приблизилась къ Іендреку на столько, что онъ уже различалъ пискливые голоса дѣтей, скрипящіе голоса старухъ и гнусливый басъ Гамера. И вотъ на этомъ нестройномъ фонѣ онъ подмѣтилъ одинъ прелестный женскій голосъ, чистый, звучный и несказанно трогательный. Сердце въ немъ дрогнуло. Въ его воображеніи звуки приняли форму образовъ и ему казалось, что надъ кустомъ молодой травы и изсохшихъ куколей, онъ видитъ одно прекрасное дерево—плакучую вербу.

Онъ оглянулся пристальнѣе въ толпу и узналъ, что это постъ хочъ бакалавра, которую онъ увидѣлъ въ первый разъ, когда она везла отца въ телѣгѣ. Тогда большая собака заняла его болѣе чѣмъ она. Однако, сегодня голосъ ея такъ овладѣлъ душой мальчика, что онъ мало по малу забывалъ обо всемъ. Исчезли у него изъ глазъ поля, нѣмцы, груды балоковъ и каменьевъ, остался только этотъ голосъ, наполняющій все пространство. Что то дрожало у него въ груди, ему хотѣлось также запѣть и онъ началъ виолголоса. Эта мелодія лучше всего согласовалась съ пѣсней нѣмцевъ.

Какъ долго это продолжалось, онъ не помнилъ. Изъ мечтательнаго настроенія его пробудили новыя восклицанья толпы, собравшейся у телѣги съ бочкой, гдѣ Вильгельмъ Гамеръ уже раздавалъ гостямъ стаканы пива. Іендрекъ увидѣлъ въ толпѣ бронзовое платье дочери бакалавра и машинально побѣжалъ ближе.

Тутъ его сразу отрезвили. Какой-то молодой нѣмецъ примѣтилъ его и показалъ другимъ, другой сорвалъ ему съ головы шапку, третій толкнулъ его въ средину толпы и черезъ минуту съ громкимъ смѣхомъ его перебрасывали съ рукъ на руки. Мальчишекъ, промокшій, завязшій въ песокъ, босой, въ дерюжной рубашкѣ, выглядѣлъ какъ страшилище. Сначала онъ потерялъ сознание и вертѣлся среди нѣмцевъ, какъ грязный мячикъ. Вдругъ онъ встрѣтилъ сѣрые глаза дочери бакалавра и—въ немъ проснулась дикая энергiя. Онъ пнулъ босой ногой одного плотника, дернулъ за куртку каменьщика, какъ молодой бычекъ ударилъ головой въ брюхо стараго Гамера и когда около него образовалось чуточку свободного мѣста, всталъ съ сжатыми кулаками, высматривая, куда бы кинуться, чтобы проложить себѣ дорогу.

Поднялся крикъ. Одни громко смѣялись надъ мальчуганомъ, пошивая пиво, но тѣ, которыхъ онъ толкнулъ, хотѣли его избить. Къ счастью старый Гамеръ, всморѣвшись пристальнѣе, спросилъ:

— Ну, что ты тутъ выкидываешь, малышъ?

— Чего-же надо мной издѣваются?...—отвѣтилъ Гендрекъ, который уже готовился заплакать.

Нѣмцы что-то забормотали, но Гамеръ взялъ мальчика за руку и отвелъ въ сторону. Тутъ его замѣтилъ бакалавръ и во-склибнулъ:

— Такъ ты изъ той хаты, которая за водой?

— Извѣстное дѣло.

— Что-жь ты тутъ дѣлаешь?

— Я прибѣжалъ поглядѣть на вашу молебень, а эти собаки давай меня тормозить... Вдругъ онъ умолъ и покраснѣлъ, увидя устремленные на себя сѣрые глаза дочери бакалавра. Она держала въ рукѣ начатый стаканъ пива и подойдя, подала его мальчику.

— Ты промокъ,—сказала она,—напейся.

— Не хочу!...—отвѣтилъ Гендрекъ и опять сконфузился. Ему казалось, что такой красивой барышнѣ нельзя отвѣчать рѣзкимъ тономъ.

— Гдѣ-же ты это такъ промокъ?—спросила она его съ любопытствомъ.

— Въ рѣкѣ—отвѣтилъ онъ тихо. Я летѣлъ къ вамъ черезъ воду.

— Ну, такъ напейся же, настаивала она, подавая ему стаканъ пива.

— Тогда я опьянѣю...—отвѣтилъ мальчуганъ. Наконецъ вышелъ, взглянулъ въ ея смуглое лицо и опять такъ покраснѣлъ, что у дѣвушки мелькнула на губахъ какая-то печальная улыбка.

— Въ эту минуту раздались звуки скрипки и вѣлопчели. Къ дочери бакалавра неуклюже подскочилъ Вильгельмъ Гамеръ и она пошла съ нимъ танцовать. Уходя, она еще разъ обинула Іендрека своими грустными глазами.

Съ мальчикомъ приключилось что-то странное. Страшный гнѣвъ и сожалѣніе сжали ему горло и ударили въ голову. Онъ хотѣлъ броситься на Вильгельма Гамера и разорвать на немъ его цвѣтистый жилетъ, то опять ему казалось, что онъ расплатится во все горло. Вдругъ онъ отвернулся, чтобы уйти.

— Идешь? спросилъ его бакалавръ.

— Да.

— Поклонись отъ меня отцу.

— А отъ меня припомни, что я къ Иванову дню отберу лужайку,—вставилъ старый Гамеръ.

— Развѣ это вапа лужайка? отвѣтилъ Іендрекъ. Вѣдь тятенька же взяли ее у помѣщика въ аренду...

— Ого, помѣщикъ!... Засмѣялся Гамеръ, мы тутъ теперь помѣщички, а лужайка моя.

Іендрекъ отошелъ. Подходя къ дорогѣ, онъ увидѣлъ мужика, который, спрятавшись за кустъ, присматривался къ пиршеству вѣмцевъ. Это былъ Грибъ.

— Благословенъ!—сказалъ Іендрекъ.

— А кто у тебя благословенъ?—спрашивалъ старикъ гнѣвнымъ голосомъ. Должно быть, что не Богъ, а дьяволъ, когда братаетесь съ вѣмцами...

— Кто съ ними братается? отвѣтилъ удивленный Іендрекъ.

У старика сверкали глаза и подергивалась сухая кожа на лицѣ.

— Вы не братаетесь? говорилъ онъ, потрясая кулакомъ. Развѣ я не видѣлъ тебя, какъ ты летѣлъ къ нимъ, какъ пещь черезъ

воду чтобы тебѣ дали стаканъ пива? А развѣ я не видѣлъ, какъ твой отецъ и мать молились на горѣ за одно съ швабами? Дьяволу молились!... Ужь васъ Богъ наказалъ, потому что съ Стаськомъ что-то приключилось. Но, подожди! Этимъ не кончится... Отступники! псы невѣрные!..

Онъ отвернулся и пошелъ въ деревню, проклиная семью Слимаковъ.

Иендрекъ пошелъ домой, удивленный и печальный. Въ хатѣ онъ засталъ больного Стаська и страхъ зацемилъ его сердце. Онъ тотчасъ-же рассказалъ отцу о встрѣчѣ съ Грибомъ.

— Одурѣлъ онъ на старости лѣтъ, — отвѣтилъ Слимакъ. — Что-жь это человѣку стоять въ шапкѣ, какъ скотинѣ, когда молятся, хоть и швабы?

— Все-же со Стаськомъ что-то приключилось отъ ихъ молебна, — вставилъ Иендрекъ.

Слимакъ приунылъ.

— Что было приключаться, — отвѣтилъ онъ черезъ минуту. — Стасекъ ужъ такой оборотень, что какъ только баба въ полѣ запоетъ, такъ его сейчасъ трясеть.

На этомъ онъ кончилъ. Иендрекъ повертѣлся въ хатѣ, но такъ какъ ему было въ ней тѣсно, то онъ выскользнулъ въ лѣсъ. Онъ ходилъ тамъ одинъ безъ цѣли и пути. Иногда онъ взбирался на пригорки, откуда были видны нѣмцы, какъ они цѣлой толпой закладывали фундаменты, то онъ опять пропадалъ въ ущельяхъ или пробирался сквозь терновники.

Но гдѣ-бы онъ ни былъ, всюду за нимъ слѣдила тѣнь дочери бакалавра, ея смуглое лицо, сѣрые глаза и граціозныя движенья. Минутами до него долетало, какъ-бы изъ какой-то глубины, ея могучее и трогательное пѣніе, или старый, хриплый голосъ Гриба, извергающаго проклятья.

— Можетъ, она меня околдовала? — шепталъ онъ, встревоженный и — снова думалъ о ней.

VIII.

Никогда еще Слимакъ не чувствовалъ себя такъ довольнымъ, какъ въ эту весну. И отдохнулъ онъ за всѣ времена и деньги ему стекались въ сундукъ и насмотрѣлся онъ на новыя вещи.

Прежде день тянулся для него тяжело. Только-что утомленный работой мужикъ бросился на постель и засыпалъ грѣшко, какъ камень, а баба уже срываетъ съ него одѣяло и кричитъ:

— Вставай, Юзекъ, потому что уже день...

Какой тамъ день?.. думалъ онъ, удивленный, — вѣдь я только что улегся. Не смотря на это, онъ собиралъ свои кости, изъ которыхъ каждая отдѣльно цѣплялась за постель, ни за что на свѣтѣ не желая вставать, протиралъ глаза, зѣвалъ, такъ что у него затылокъ трещалъ и нехотя поднимался.

Ему было такъ тяжело, что иногда онъ съ удовольствіемъ мечталъ о вѣчномъ снѣ въ могилѣ. А тутъ жена постоянно пилитъ: «вставай-же!.. умойся-же!.. приодѣнься-же!.. потому что ты опоздаешь и тебя выключатъ изъ числа тѣхъ, которые получаютъ заработную плату...»

И такъ онъ принаряжался, выводилъ изъ конюшни лошадей, таеихъ-же усталыхъ, какъ онъ, и тащился на работу въ усадьбу или въ мѣстечко, откуда онъ развозилъ жидовъ по свѣту. Его не разъ такъ утомляло это, что вставъ на порогъ избы, онъ шепталъ: а я таки останусь дома!.. Но онъ боялся жены, наконецъ, ему было жаль и заработка, безъ котораго онъ не связалъ-бы концовъ съ концами въ хозяйствѣ.

Теперь дѣло другое, теперь Слимакъ выснается сколько хочеть. Иногда жена, по привычкѣ, дернетъ его за ногу, говоря: «вставай, Юзекъ!» — но тогда мужикъ, открывъ одинъ глазъ, чтобы сонъ не отлетѣлъ отъ него, бормочеть: оставь меня въ покоѣ!.. и продолжаетъ спать, чуть-ли не до седьмого часа, когда въ деревнѣ, гдѣ церковь, благовѣстятъ къ ранней обѣднѣ.

Дѣйствительно ему не для чего было вставать. Весеннія работы въ полѣ были уже давно окончены Матеркомъ, жидки изъ мѣстечка разсыпались вдоль строящейся дороги, а въ усадьбу также никто не звалъ Слимача, потому что усадьбы — не было.

Иногда мужикъ дня по два не дотрогивался ни до какой работы. Онъ покуривалъ трубочку, слоился между постройками, или оглядывалъ густо всходящія сосѣвы. Любимымъ развлеченьемъ его было, однако-же, войти на пригорокъ подъ сосной и поглядѣть на выростающія изъ земли, какъ грибы, пѣмецкія колоніи.

Къ концу мая Гамеръ уже совсѣмъ обстроился, а трое другихъ сосѣдей Слимака: Геде, Тресковъ и Тифке окончили свои поселки. Приятно было смотрѣть на ихъ хозяйство. Каждый поселокъ стоялъ посрединѣ полей и всѣ были похожи другъ на друга, какъ капли воды. У дороги—двухъ десятинный садъ, обнесенный деревянной четырехъ угольной изгородью: у одной изгороди домъ, состоящій изъ четырехъ большихъ комнатъ, крытый гонтомъ, а за домомъ громадный дворъ, вокругъ обнесенный постройками.

Каждая изъ этихъ построекъ была несравненно шире, длиннѣе и выше крестьянскихъ, выглядѣла чисто и гладко, но въ тоже время чопорно и сурово, потому что въ то время какъ на крестьянскихъ хатахъ или сараяхъ крыши склоняются на четыре стороны, у нѣмцевъ крыши спадали только на передъ и на задъ дома.

За то виднѣлись большія шестистекольные окна и двери, сдѣланныя по столярному. Иендрекъ же, который каждый день забѣгалъ къ нѣмцамъ, рассказывалъ еще, что въ комнатахъ есть полъ, что въ домѣ отдѣльная кухня и въ ней печь съ желѣзными листами.

Къ такимъ-то хозяйскимъ порядкамъ присматривался Сликакъ изъ-подъ своей сосны, мечтая, что и онъ когда-нибудь отстроится такъ, только крыши поставитъ другія. И пока онъ такъ мечталъ, по временамъ — что-то вдругъ заставляло его встать на ноги. Онъ хотѣлъ куда-то идти и приняться за какую-нибудь работу, потому что ему было скучно и стыдно, что онъ бездѣльничаетъ; то опять таки его охватывала тревога, точно кто-нибудь стучался ему въ грудь и спрашивалъ: «а что будетъ дальше?..»

Тогда его начинала томить тоска по усадьбѣ и по тѣмъ полямъ, по которымъ онъ недавно ходилъ съ плугомъ, гдѣ теперь выросли колоніи. То его опять охватывалъ необычайный страхъ, что

онъ не справится, когда за него примутся нѣмцы, которые лѣсъ вырубилъ, каменья растрескали, ба! выгнали самого помѣщика...

Однако-же тотчасъ мужикъ подбиралъ разбредшіяся мысли и успокаивался. Вѣдь онъ не глядитъ на нѣмцевъ и живетъ съ ними по сосѣдству, ужь скоро два мѣсяца и ничего дурного отъ нихъ не испыталъ. Они заняты своими постройками, присматриваютъ за скотомъ, чтобы съ нимъ не приключилась бѣда и даже дѣти ихъ не шалить, только учатся всѣ въ домѣ Галера, гдѣ поселился болѣзненный бакалавръ.

— Это народъ порядочный, — говоритъ про себя Слимакъ, — и съ ними даже лучше чѣмъ было при помѣщикѣ.

Лучше, потому что со дня пріѣзда они много покунаютъ у Слимаковъ и хорошо платятъ.

Однако до сихъ поръ онъ продалъ имъ пару телятъ, тринадцать поросятъ, одиннадцать гусей и шестнадцать четвертей ржи, не считая дичи, масла и картофеля. Даже связка заплеснѣвшихся грибовъ и та имъ пригодилась и за нее заплатили.

Еще не прошло и мѣсяца, а Слимакъ нажилъ отъ нихъ сто рублей безъ всякаго труда, а за эти деньги пришлось-бы намучиться у помѣщика цѣлый годъ.

Правда, жена не разъ говорила ему.

— Что ты себѣ воображаешь, Юзекъ, что они всегда будутъ покупать у тебя? Вѣдь у нихъ также есть хозяйство даже лучше твоего. Тебѣ будетъ отъ нихъ радость развѣ только до зимы, потому что потомъ они не купятъ у насъ и лоскуточка для обвязки пальца.

— Увидимъ, что будетъ, — отвѣтилъ мужикъ.

Въ душѣ-же онъ размышлялъ о томъ, что хоть-бы нѣмцы не купили, такъ онъ еще не мало заработаетъ отъ тѣхъ, которые строятъ дорогу только-бы они подѣхали сюда. Онъ даже дѣлалъ закупки. Онъ купилъ пару свиней у Гроховскаго, нѣсколько гусей у Вичневскаго, а когда нѣмцы стали уже меньше спрашивать о мясѣ, онъ велѣлъ женѣ его копить и солить.

— Небось, — говорилъ онъ, желѣзнодорожники раскупятъ все. Вѣдь ты помнишь, что намъ толковали тѣ инженеры.

Раза два во время своихъ торговыхъ разъѣздовъ, отъ встрѣ-

чалъ Иозеля, который всегда смотрѣлъ на него, насмѣшливо улыбаясь.

— Золь на меня, косматый песъ! думалъ Слимакъ. Бойтся, что я у него отобью заработокъ.

Разъ шинкарь привязался къ нему.

— Слимакъ,—сказалъ онъ,—обдѣляйте со мной дѣльце.

— Какое,

— Выстройте на своей землѣ избу для моего шурина.

— А что онъ будетъ дѣлать?

— Онъ будетъ торговать съ желѣзнодорожниками. Иначе вы увидите, что нѣмцы заберутъ у насъ все изъ-подъ носа.

Слимакъ подумалъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не хочу жиды на своей землѣ. Вы уже многихъ сожрали, пейсаки, изъ тѣхъ, кто васъ пустилъ въ жильцы.

— Вы не хотите жить съ жидомъ,—сердито отвѣтилъ Иозель,—но съ нѣмцами умѣете даже молиться. Мы увидимъ, какая вамъ будетъ изъ этого прибыль.

— Чуетъ онъ тутъ, парень, большіе заработки!—сказалъ про себя Слимакъ, глядя на жиды, который поблѣднѣлъ отъ злости.

И онъ помаленьку продолжалъ дѣлать закупки. Разъ онъ купилъ четверикъ проса, другой разъ осьмину ячменныхъ крупъ, потомъ кружокъ сала.

Слоняясь такъ по окрестности, потому что въ его деревнѣ хозяева не хотѣли ему ничего продавать, онъ узналъ, что цѣны на все необычайно поднялись. А когда онъ спрашивалъ мужиковъ и хозяекъ, отчего они такъ дорожатся? они отвѣчали:

— Зачѣмъ намъ продавать вамъ дешево, когда намъ сегодня—завтра заплатятъ лучше.

— Кто-жь вамъ заплатитъ?

— А хсть-бы тѣ нѣмцы, которые поселились въ вашей деревнѣ.

— Такъ они и у васъ покупаютъ?—спросилъ заинтересованный Слимакъ.

— Ужъ съ которыхъ поръ... Какъ только найдется что-нибудь лишнее на продажу, тотчасъ заѣдетъ нѣмецъ, еще прежде

жида и платить безъ торгу. А что для нихъ муки мелется на мельницѣ!.. Столько, какъ-бы на войну шло.

— Га! подумаль Слимакъ, — скупають по деревнямъ, потому что рать еще въ полѣ, а у нихъ народу много.

Торговныя операціи Слимака и его якшанье съ нѣмцами сильно не нравились мужикамъ изъ его деревни. Даже у церкви въ воскресенье не очень многіе изъ нихъ отвѣчали ему «во вѣки вѣковъ». Когда-же Слимакъ проходилъ мимо какой-нибудь кучки, то они громко разсуждали между собой объ отступникахъ святой католической вѣры, которые могутъ навлечь на людей гнѣвъ Божій.

Даже Собѣсская заходила въ ихъ хату все рѣже и украдкой, а разъ, выпивъ водки, сказала:

— Вѣдь у насъ толкують, что вы совсѣмъ выкрестились въ шваба... правда, — прибавила она черезъ минуту, — что Богъ милосердый вездѣ одинъ, но все-же швабъ — это вещь паскудная...

Чтобы положить конецъ сплетнямъ, по совѣту жены, Слимакъ далъ въ одно воскресенье викарію денегъ, чтобы тотъ отслужилъ обѣдню и въ тотъ-же день былъ на исповѣди съ женою и Иендрекомъ. Однако-же, это ему ничуть не помогло. Грибъ у церкви, а Йозель вечеромъ въ корчмѣ тотчасъ объяснили хозяевамъ, что Слимакъ не молился-бы такъ горячо, если-бы на немъ не тяготѣли грѣхи.

— Должно быть, онъ порядкомъ сплутоваль, если они даже оба съ бабой на исповѣдь пошли!.. говорили мужики, попивая пиво.

Въ концѣ мая Овчаръ донесъ Слимаку, что вотъ уже нѣсколько дней, какъ нѣмцы до восхода солнца посылають куда-то подводы. Подводы развѣжаютъ гдѣ-то цѣлый день, а возвращаются поздно вечеромъ. Затѣмъ Овчаръ опять подсмотрѣлъ, что Вильгельмъ Гамеръ вывозитъ изъ дома мѣшки муки, крупъ и туши солонины. Потомъ онъ ѣдетъ съ этимъ товаромъ куда-то, какъ-бы въ деревню, гдѣ церковь, но затѣмъ сворачиваетъ въ лѣсъ и за нимъ пельзя услѣдить.

Эти извѣстія надѣляли то, что Слимакъ опять сталъ раньше вставать и съ пригорка слѣдить за окрестностью. Онъ убѣдился, что дѣйствительно изъ каждаго нѣмецкаго поселка чуть свѣтъ вывѣжаютъ подводы, но куда? этого не могъ и онъ высмотрѣть.

За то глядя однажды чуточку вправо отъ церкви, онъ увидѣлъ на сѣверозападной сторонѣ горизонта, далеко за полями какую-то желтую точку. Эта точка къ вечеру увеличилась, на слѣдующій день казалась полосой, постепенно росла, и наконецъ стала, какъ-бы желтымъ поясомъ, приближающимся къ Вилкѣ. Въ то-же время, онъ разузналъ отъ Гендрева, что возвращающіяся съ работъ телѣги вѣмцевъ перепачканы пескомъ и глиной.

— А ты не спрашивалъ, куда они ѣздить?—спросилъ Сликакъ.

— Спрашивалъ, но меня тотчасъ прогналъ Фрицъ Гамеръ, тотъ, что съ бородой,—отвѣтилъ мальчикъ.

У Сликака внезапно промелькнула мысль.

— Эге!—воскликнулъ онъ,—знаю я теперь, гдѣ они бываютъ. Вѣрно ужъ дорога строится, тутъ и сомнѣваться нечего.

— Странно, что къ намъ еще ни одинъ желѣзнодорожникъ не заглядывалъ за покупками,—вставила Сликакова.

— Потому что они еще далеко. Но я самъ къ нимъ поѣду,—отвѣтилъ Сликакъ.

— Мошенники-же эти швабы!—прибавилъ онъ, подумавъ съ минутку,—какъ они хранятъ тайну, чтобы кто другой не нашлся...

— А поѣзжай-же скорѣе въ ту сторону! воскликнула женщина. Вѣдь теперь для насъ должны начаться лучшіе заработки...

Мужикъ обѣщалъ, что поѣдетъ завтра утромъ. Но такъ, какъ онъ немного проспалъ, немного замѣшкался, а потомъ рѣшилъ, что уже поздно ѣхать, то жена едва выгнала его на слѣдующій день изъ дома.

По дорогѣ мужикъ зашелъ въ ту деревню, гдѣ была церковь, гдѣ уже всѣ говорили, что въ небольшой мили отсюда, съ прошлой недѣли выкапываютъ рвы и дѣлаютъ насыпи подъ желѣзную дорогу. Было даже нѣсколько рабочихъ, которые хотѣли наняться на ручную работу, но приняли только одного, а и тотъ вернулся черезъ три дня, надорвавшись отъ работы.

— Это собачья работа, не человѣческая,—заявили Сликаку въ деревнѣ. Хотя тому, у кого есть лошади, стоитъ туда поехать, потому что подводы зарабатываютъ по четыре рубля въ день.

Четыре рубля?... подумалъ Слимакъ, сильно дергая лошадей. Этого еще не бывало въ помѣщичьи времена.

Съ часъ онъ ѣхалъ проселочными дорогами, прежде чѣмъ наконецъ доѣхалъ до работъ. Издалека уже онъ видѣлъ громадныя, подобныя холмамъ кучи глины, на которыхъ копошились чело-вѣкъ сто нездѣшнихъ рабочихъ. Это были мужики рослые, боро-датые, въ цвѣтныхъ рубахахъ, удивительно сильные. Одни ко-нали глину, а другіе отвозили ее въ сторону въ широкихъ тач-кахъ, которыя бы не всякая лошадь сдвинула.

Слимакъ покачалъ головой.

— Ого! — пробормоталъ онъ, — этого навѣрное здѣшній не стащить.

И онъ съ недоумѣніемъ оглядывалъ горы и пропасти, выры-тныя въ такой короткій срокъ человѣческими руками.

Подѣхавъ ближе, онъ спросилъ одного изъ рабочихъ, отво-зящихъ тачки, по тотъ ему ничего не отвѣтилъ, занятый своей тяжелой работой. Къ счастью, его замѣтили двое такихъ, которые ничего не дѣлали, а между ними жидокъ въ короткомъ сюртукѣ.

— Чего тебѣ надо, хозяинъ? спросилъ онъ Слимака.

— Я пріѣхалъ справиться, — отвѣчалъ смущенный мужикъ, вертя шапку въ рукѣ, — я пріѣхалъ справиться не нужно-ли го-сподамъ крупъ или сала?..

— Мой милый, — отвѣтилъ жидокъ, — у насъ есть тутъ свои по-ставщики. Въ славномъ положеніи мы бы очутились, если бы вамъ пришлось покупать у мужиковъ всякую четверть каши!..

Должно быть это важнее господа!.. подумалъ пристыженный Слимакъ. Не хотѣть покупать у мужиковъ, вѣрно все покупаютъ у помѣщиковъ...

Жидокъ уже уходилъ. Вдругъ Слимакъ, елапяся ему въ землю, спросилъ опять:

— Прошу опять вашей милости, можетъ, я съ подводой зара-ботаю что-нибудь у васъ, господа?..

Жидку поправилось это изъявленіе покорности.

— Поѣзжай, любезный, — сказалъ онъ, — въ ту сторону, гдѣ во-зять несокъ и щепень, тамъ, можетъ быть, тебя возьмутъ.

Мужикъ поклонился еще ниже, усѣлся на телѣгу и, объѣхавъ

ключежь дороги черезъ ущелья, добрался до другой стороны полотна, гдѣ насыпали громадный песчаный валъ. Тутъ онъ увидѣлъ нѣсколько десятковъ подводъ, а между ними и телѣги нѣмецкихъ колонистовъ.

Замѣтили и они его, потому что подлѣ него тотчасъ очутился Фрицъ Гамеръ. Онъ выглядѣлъ, какъ бы надсмотрщикомъ.

— Откуда ты тутъ взялся? спросилъ онъ сердито.

— И мнѣ хотѣлось наняться на работу.

Нѣмецъ нахмурилъ брови.

— Ты ничего не заработаешь тутъ, — сказалъ онъ. Видя же, что Слимакъ оглядывается и ждетъ, онъ пошелъ къ писарю и съ минутою потолковалъ съ нимъ

Тутъ писарь подбѣжалъ къ мужику, крича уже съ дороги:

— Не надо подводъ! не надо... И этихъ у насъ слишкомъ много... Тебѣ нечего тутъ ждать, потому что ты только другимъ дорогу загораживаешь. Сворачивай въ сторону.

Это приказанье, высказанное рѣзко возвышеннымъ голосомъ, смутило смирнаго мужика. Слимакъ такъ быстро свернулъ лошадей въ сторону, что чуть было не опрокинулъ телѣги и еще быстрое отбѣжалъ. Ему казалось, что онъ оскорбилъ какую-то верховную власть, которая вырубилла лѣсъ, выгнала помѣщика, напустила на деревню колонистовъ, а теперь даже выворачиваетъ наизнанку землю, выкапывая рвы тамъ, гдѣ были горы и, насыпая горы на плоскостяхъ.

Онъ бѣжалъ, часто подергивая лошадей, а въ головѣ его носились смутныя мысли, что его сейчасъ кто-то схватить за шиворотъ и засадить въ тюрьму, взвизгивая: «какже ты смѣлъ, хамъ, просить такой работы, за которую взялись нѣмцы?..»

Онъ съ часъ блуждалъ по лѣсамъ, пока, наконецъ, не выбрался въ открытое поле. Онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ желтые холмы вскопанной глины, взглянулъ впередъ и замѣтилъ деревню, гдѣ была церковь. Это его отрезвило.

— Однако-же изъ этой деревни мужики ходили на работы и ликто на нихъ не сердился? — подумалъ Слимакъ. Затѣмъ онъ припомнилъ, что при подвозкѣ песку и щебню были не только подводъ нѣмцевъ, но и мужицкія. Значить и мужикамъ позволено

зарабатывать при дорогѣ, не только швабамъ. А если позволено, то зачѣмъ онъ былъ выгнанъ, да еще и такъ быстро, что ему даже не дали оглянуться?

Зачѣмъ онъ припомнилъ Фрица Гамера, его нахмуренныя брови, его разговоръ съ писаремъ и поилъ, въ чемъ дѣло. Вотъ — его выгнали по просьбѣ колониста. Сначала онъ не хотѣлъ самъ себя вѣрить, но тотчасъ нашелъ новыя доказательства, подтверждающія его подозрѣнья. Зачѣмъ это колонисты украдкой выѣзжали изъ дому на работу? Очевидно, чтобы Слимакъ не подстерегъ ихъ. Или зачѣмъ Фрицъ Гамеръ выгналъ Йендрека, когда мальчикъ спрашивалъ парней, куда они ѣздить? Опять-таки зачѣмъ, чтобы Слимакъ не довѣдался о выгодной работѣ.

— О псы невѣрные! — пробормоталъ мужикъ и въ первый разъ почувствовалъ отвращеніе къ нѣмцамъ. Онъ не удивлялся тому, что они жадны на заработокъ, но его до глубины души возмущало, что они хотѣли скрыть такую очевидную вещь, какъ работы при желѣзной дорогѣ.

— ~~Хитрые~~ ~~Луды!~~ жидовъ превзошли!... говорилъ мужикъ, а сердце у него кипѣло гнѣвомъ.

Вернувшись домой, Слимакъ коротко рассказалъ женѣ, что работы еще не досталъ. Зачѣмъ онъ выбрался въ поселокъ Гамера.

Подходя къ повому хуторочку, онъ замѣтилъ въ огородѣ нѣсколькихъ нѣмцевъ, копавшихъ гряды, а у плетня нѣсколько мужчинъ. Тамъ былъ старый Гамеръ, какіе-то два колониста и жидокъ, уполномоченный Гиршгольда. По движеніямъ ихъ и разговаривавшимся лицамъ Слимакъ догадался, что они разсуждаютъ о чемъ-то очень горячо, а кто знаетъ, можетъ быть, и ссорятся.

Гамеръ также узналъ мужика, но, очевидно, избѣгалъ съ нимъ встрѣчи: потому что повернулся спиной къ дорогѣ и со своими товарищами пошелъ во дворъ, прямо къ анбару.

— Взгляните-ка, — проговорилъ Слимакъ, — какой продувной!.. Онъ знаетъ, зачѣмъ и сюда иду... ну, поймаю же я тебя и скажу тебѣ все въ глаза.

Однако съ каждымъ шагомъ впередъ въ немъ слабѣла его рѣшимость, а подъ конецъ совсѣмъ покинула его.

— Знамо дѣло, онъ баринъ,—думалъ мужикъ о Гамерѣ,—а я бѣднякъ. Если я ему скажу что, то онъ готовъ меня толкнуть и гдѣ же я тогда найду справедливость? Надо возвращаться домой!... прошепталъ онъ.

Но опять-таки сожалѣнье о потерянномъ заработкѣ не позволяло ему возвращаться ни съ чѣмъ. И такъ онъ колебался. Ступая шагъ впередъ, онъ опирался о плетень и какъ бы глядѣлъ, что пѣмки копаютъ въ огородѣ. Такимъ образомъ онъ медленно приблизился къ дому Гамера; но у него уже не хватило смѣлости войти во дворъ.

Въ жилищѣ колониста одно окно было открыто и раздавался шепотъ, подобный жужжанью пчелъ въ ульѣ. Мужикъ подошелъ ближе и увидѣлъ въ большой комнатѣ толпу дѣтей сидящихъ на лавкахъ. Одинъ изъ нихъ рассказывалъ что-то крикливымъ голосомъ, а другіе шептали. Посрединѣ комнаты прохаживался болѣзненный бакалавръ съ линейкой въ рукахъ, выговаривая отъ времени до времени:

— Тише!..

Бакалавръ случайно выглянулъ за окно и увидѣвъ мужика, сдѣлалъ ему какой-то знакъ. Черезъ минуту дѣти зашептали еще громче въ комнатѣ, а по срединѣ показалась дочка бакалавра съ книжкой, повторяя отъ времени до времени звучнымъ и мягкимъ голосомъ:

— Тише!..

— Вѣрно она говоритъ имъ: заткните плотку... подумалъ мужикъ.

Вдругъ онъ услышалъ за собой тяжелые шаги и кашель. Онъ обернулся, за нимъ стоялъ бакалавръ.

— Вы пришли посмотреть, какъ учатся наши дѣти спросилъ бакалавръ съ улыбкою.

— Какое тамъ,—отвѣтилъ мужикъ. Я припелъ сказать вашему Гамеру что онъ подлець, потому что онъ лишилъ меня заработка. Онъ только разсказалъ, какъ его сегодня прогнали отъ желѣзнодорожныхъ работъ по просьбѣ Фрица Гамера.

Бакалавръ качалъ головой.

— Они поступаютъ также и съ нашими,—отвѣтилъ онъ. Въ

эту самую минуту Тресковъ и Фабрицій ссорятся съ Гамеромъ за то, что онъ ихъ отстранилъ отъ поставки на желѣзную дорогу и что уполномоченный Гиршгольда душилъ ихъ изъ за денегъ за земли.

— Пусть ихъ себѣ ссорятся между собой и съ жидомъ, отвѣтилъ мужикъ. Но чѣмъ я то виновать, что они хотятъ меня стубить? Теперь, благодаря ихъ хитрости, человѣкъ ни гроша не заработаетъ. А что-жъ мнѣ съ голоду издыхать?.. И за что?..

— Правду сказать, вы у нихъ какъ бѣльмо на глазу, сказали бакалавръ, подумавъ съ минуту.

— Чтожъ я имъ дѣлаю?

— Ваши земли лежатъ въ срединѣ земель Гамера, а это ему портить хозяйство, — говорилъ бакалавръ. Но это еще ничего. Гамеръ думалъ, что вы ему продадите хоть эту гору съ сосной, гдѣ онъ хочетъ поставить вѣтряную мельницу для Вильгельма.

— На что имъ вѣтряная мельница, когда у нихъ столько земли?

— У нихъ бы было больше заработку. Если же Гамеръ не построитъ вѣтряной мельницы, то въ будущемъ году навѣрно ее построитъ Геде для своего племянника.

— Такъ зачѣмъ же Гамеръ не строитъ ее на своей землѣ?

— Потому что у нихъ однѣ низины. Это самая плодородная земля изъ всѣхъ колоній и они умно ее выбрали, говорилъ бакалавръ, но мельницы на ней не выстроишь...

— А что же имъ эта вѣтряная мельница такъ приспичила! — прервалъ сердито Сликакъ, ударяя кулакомъ по плетню.

— Это дѣло важное, отвѣтилъ тише бакалавръ. Если бы у Вильгельма была въ настоящее время вѣтряная мельница, то онъ чрезъ двѣ недѣли женился-бы на дочери мельника Кнапа изъ Воли и взялъ бы за ней двадцать тысячъ рублей... Двадцать тысячъ рублей!.. А какъ этихъ денегъ не будетъ, то Гамеры могутъ обанкротиться...

— Потому то, закончилъ бакалавръ, вы у нихъ торчите какъ кость въ горлѣ. Потому, что если бы вы продали вашу землю, они бы хорошо заплатили вамъ и сами бы вышли изъ затруднительнаго положенія.

— Не продамъ, — отвѣтилъ мужикъ. Не я ихъ уговаривалъ, что бы они лѣзли сюда и я не хочу гибнуть для ихъ блага. Стоитъ крестьянину разъ лишиться вотчины, такъ ужь ему и аминь...

— Быть бѣдѣ, сказалъ бакалавръ, разставивъ руки.

— Пускай и будетъ. Я для нихъ не погибну добровольно.

Послѣ этихъ словъ Слимакъ простился съ бакалавромъ и вернулся домой, даже не желая встрѣчаться съ Гамеромъ. Только теперь понялъ онъ, что между ними не можетъ быть соглашенія и что выиграетъ тотъ, кто выживетъ другого.

— Воля Божья, — проговорилъ мужикъ и всю дорогу шепталъ молитву. Смутное предчувствіе говорило ему, что для него начнутся тяжелыя времена.

Черезъ нѣсколько дней послѣ разговора съ бакалавромъ, Слимака на восходѣ солнца разбудилъ Овчаръ.

— Вставайте хозяинъ! — говорилъ работникъ, задыхался, вставайте и выходите, потому что около рѣки собралась кучка народа.

Слимакъ соскочилъ, приодѣлся и бѣгомъ побѣжалъ въ лѣсъ, откуда къ нему долетали каіе то голоса. Съ четверть часа пробирался онъ черезъ кусты, которыми обросли ущелья и горы прежде чѣмъ выбраться на равнину. Тутъ надъ Балкой онъ увидѣлъ кучку землеконовъ и рабочихъ съ тачками, возы колопистовъ и возы нѣсколькихъ деревенскихъ хозяевъ. Между ними былъ Висневскій.

Слимакъ подошелъ къ нему.

— Что тутъ дѣлается? спросилъ онъ.

— Плотину будутъ строить, а потомъ мостъ черезъ Балку — отвѣтилъ Висневскій.

— А что вы тутъ дѣлаете?

— Насъ нанялъ Фрицъ Гамеръ подвозить песокъ, такъ мы тутъ и находимся.

Теперь Слимакъ замѣтилъ въ толпѣ обоихъ Гамеровъ Фрица и старика и подошелъ къ нимъ.

— Хорошіе вы сосѣди, сказалъ онъ съ горечью. Въ деревню ходили за подводами, а меня никто не позвалъ на работу...

— Когда ты будешь жить въ деревнѣ, такъ и тебя позовемъ — отвѣтилъ Фрицъ, поворачиваясь къ нему спиной.

Вблизи между землекопами стоялъ какой то баринъ, выгляды-
вающій начальникомъ. Слимакъ подошелъ къ нему и, снявъ
шапку, заговорилъ:

— Справедливо ли это, ваше сіятельство, чтобы нѣмцы бога-
тѣли отъ желѣзной дороги, а я даже гроша не заработаю, хоть
сизу тутъ подъ бокомъ. Въ прошломъ году у насъ было въ избѣ
двое господъ, которые обѣщали, что я наживу большія деньги,
какъ начать дорогу строить. Ну, вы, господа, и строите дорогу, но
я даже лошадей не тронулъ изъ конюшни. Такой нѣмецъ, у кото-
раго 210 десятинъ земли, еще зарится на заработокъ. А я, хоть
у меня только десять десятинъ и я потерялъ работу, черезъ это
что у насъ усадьбы не стало, хожу какъ нищій и прошу. Однако
же и у меня жена и дѣти, работникъ, работница и нѣсколько
головъ скота. Значить мы всё должны пропасть, потому что нѣм-
цы на насъ взѣлись? Справедливо ли это, ваше сіятельство?

Такъ говорилъ однимъ взмахомъ Слимакъ, постоянно влкаясь
въ землю. Начальникъ сначала глядѣлъ на него съ удивленьемъ,
вскорѣ однако онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и обратился къ Фрицу
Гамеру съ вопросомъ:

— Отчего вы не взяли его работать?

Фрицъ выступилъ шага на два впередъ и, дерзко глядя на не-
знакомаго, отвѣтилъ:

— А вы, панъ, заплатите за меня штрафъ, если я въ какой
нибудь день не доставлю подводъ?.. Вы не отвѣчаете за подводы,
отвѣчаю только я. Ну, слѣдовательно я беру такихъ людей, кото-
рымъ довѣряю, что они не подведутъ меня.

Начальникъ отъ злости закусилъ губы, но промолчалъ. Че-
резъ минуту онъ сказалъ Слимаку:

— Въ этомъ случаѣ, я не могу помочь тебѣ, братецъ, за то
каждый разъ, какъ я приѣду въ вашу окрестность, ты будешь меня
отвозить. Ты заработаешь немного, но все же хоть чтонибудь.
Гдѣ ты живешь?..

Слимакъ указалъ ему на дымъ, клубящійся за лѣсовъ, говоря,
что тамъ его хата. Когда же баринъ отошелъ къ работникамъ,
ожидавшимъ его распоряженій, онъ обнялъ на прощанье его ноги.

Сообразивъ уже, что ему нечего ждать, мужикъ повернулъ домой. По дорогѣ къ нему привязался старшій Гамеръ.

— А что? говорилъ старикъ, какъ плохо, что вы мнѣ не продали земли! Я зналъ, что вамъ не выдержать съ нами. Теперь будетъ еще хуже, потому что Фрицъ разсердился на васъ.

— Богъ могущественнѣе Фрица, отвѣтилъ мужикъ.

— Надумайтесь, говорилъ Гамеръ. Я заплачу вамъ по семидесятияти рублей за десятину.

— И вдвое столько не возьму, сказалъ Слимакъ.

— Бѣда вамъ будетъ, потому что ужь тутъ ничего не заработаете. Вамъ надо сидѣть или при усадьбѣ, или имѣть много земли. За Бугомъ вы бы купили по крайней мѣрѣ двадцать десятинъ на то, что получите отъ меня.

— Я за Бугъ не пойду. Пусть идутъ другіе, когда тамъ такъ хорошо.

Они разошлись, оба сердитые. Когда Слимакъ уже у лѣсовъ обернулся, онъ увидѣлъ Гамера, какъ стоя на томъ же мѣстѣ съ руками въ карманахъ и трубкой въ зубахъ, онъ глядѣлъ угрюмо ему вслѣдъ. А когда Гамеръ, идя въ колонію, оглянулся назадъ, онъ увидѣлъ на пригоркѣ мужика съ скрещенными на груди руками, печально улыбающаго и качающаго головой.

Каждый изъ нихъ боялся другаго и думалъ: что то онъ замышляетъ и изъ за чего такъ взѣлся?

Желѣзнодорожная насыпь постоянно росла и медленно двигалась съ запада на востокъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ по ней ежедневно будутъ кататься сотни вагоновъ съ быстротой птичьяго полета, развозя людей и товары, обогащая богатыхъ, дѣлая сильныхъ еще сильнѣе, размножая слабыхъ, распространяя моды и размножая преступленія, что все вмѣстѣ называется цивилизаціей. Но Слимакъ не зналъ о цивилизаціи и, можетъ, поэтому одно изъ ея прекраснѣйшихъ произведеній казалось ему чѣмъ то зловѣщимъ.

Когда онъ взошелъ на свой пригорокъ присмотрѣться къ работамъ, видъ желѣзнодорожной насыпи каждый разъ будилъ въ немъ все болѣе унылыя мысли, то ему казалось, что песчаный валъ высунутый языкъ громаднаго гада, который сидитъ въ лѣсу

на западной границѣ горизонта и приползеть сюда пожирать его худобушку, то опять таки что насыпь—это граница, которая отдѣляетъ его деревню отъ остального міра. Работы начались уже въ пяти мѣстахъ, по обонмъ берегамъ рѣки насыпали въ одну линію холмики, имѣющіе форму могилъ. Слимакъ подмѣтилъ это сходство и ему грезилось, что оконченная насыпь является какъ бы громаднымъ пальцемъ, указывающимъ ему одну за другою четыре могилы.

Мало по малу однако промежутки между холмами пополнились; могилы исчезли и остался только одинъ длинный песчаный валъ, гнущійся прямо, какъ стрѣла. Въ каждую пору дня насыпь напоминала о своемъ присутствіи, въ полдень она сверкала ослѣпительнымъ блескомъ, ночью свѣтилась, какъ линія, начертанная фосфоромъ на стѣнѣ.

Овчаръ также присматривался къ дѣлу, которое и ему казалось бунтомъ противъ установленнаго порядка вещей во вселенной.

— Неслыханное дѣло,—говорилъ хромоу работникъ,—сыпать столько песку на поле и еще стѣснять воду. Бялка какъ разольется, такъ не умѣстится въ томъ отверстіи, которое для нея оставили.

Слимакъ только теперь замѣтилъ, что концы насыпи почти съ обѣихъ сторонъ касаются береговъ рѣки. Однако, какъ какъ берега укрѣплялись каменными подпорками, то онъ не видѣлъ въ этомъ ничего опаснаго по крайней мѣрѣ для себя.

— Да,—отвѣчалъ онъ Овчару. Съ той стороны вала вода можетъ разлиться на поля, но намъ ничего не сдѣлаетъ.

Тѣмъ не менѣе его заставило призадуматься, что Гамеры на своемъ берегу Бялки съ большой постепенностью строили въ низшихъ мѣстахъ насыпи, какъ бы боясь, что въ случаѣ разлива рѣки можетъ залить имъ поле.

— Хитрый народъ швабы!—думалъ мужикъ. Стоило бы и на нашемъ берегу сдѣлать тоже самое.

И такъ онъ задумывалъ, что какъ онъ уберетъ сѣно, то онъ тогда свое поле отдѣлитъ валомъ отъ нѣмецкой лужайки, а плетнемъ плетнемъ укрѣпнитъ подножья холмовъ, чтобы вода не подмыла

ихъ въ случаѣ разлива! Ему казалось даже, что уже теперь, когда у него столько свободнаго времени, можно бы приняться ставить плетни, но онъ сталъ откладывать со дня на день и окончилось, какъ обыкновенно, одними намѣреніями.

Онъ не могъ предвидѣть, какое страшное несчастье постигнетъ его за это.

Было начало іюля, когда послѣ сѣнокоса поспѣваетъ рожь, а люди готовятся на жнитво. Сликакъ собралъ сѣно и стащилъ его на дворъ, чтобы оно окончательно высохло, а нѣмцы заняли свою лужайку и тотчасъ отдѣлили ее плетнемъ изъ жердей отъ мужицкихъ земель. Лѣто того года отличалось большими жарами: пчелы роились, рожь желтѣла, воды Бялки были мельче обыкновеннаго, а на работахъ при желѣзнодорожной насыпи трое углекоповъ умерли отъ солнечнаго удара. Опытные хозяева опасались или долгихъ дождей для жнитва, или града каждый день, потому что въ нѣсколькихъ, болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ уже выпадалъ градъ.

Дѣйствительно настала буря.

Утро въ этотъ день было жаркое и душное; птицы лѣли мало, свиньи не хотѣли ѣсть и усталия прятались между зданіями, ища тѣни. Вѣтеръ поднимался и ослабѣвалъ; онъ былъ то сухой и жаркій, то опять холодный и сырой; часто измѣнялъ направление, стоня съ различныхъ сторонъ густыя облака, которыя въ высшихъ слояхъ, казалось, плыли къ западу, въ низшихъ къ сѣверу.

Часу въ десятомъ значительная часть неба на сѣверъ отъ желѣзнодорожной насыпи заволоклась тяжелыми тучами, которыя, быстро измѣняя цвѣтъ, изъ сѣрыхъ привяли желѣзный оттѣнокъ, а кое-гдѣ совершенно черный. Казалось, что вверху горитъ сажа, которая огромными клубами разлилась надъ землей и ищетъ мѣста, гдѣ бы унасть. Минутами масса тучъ разрывалась на отдѣльные клубы, а тогда изъ разщелинъ на омраченныя поля падалъ какой-то печальный осенній отблескъ. Минутами туча понижалась до земли, и тогда въ ней тонули верхушки деревьевъ отдаленнаго лѣса. Однако подъ нея подплывалъ теплый вѣтерокъ и съ такой силой взбрасывалъ ее вверхъ, что отъ убѣгающихъ

облаковъ обрывались отребья и, какъ разорванный лоскутъ, свѣшивались надъ полями.

Вдругъ за той деревней, гдѣ была церковь, показалось рыжее облако, быстро летя вдоль желѣзнодорожной насыпи. Западный вѣтеръ подулъ сильнѣе, въ то же время съ боку его ударилъ холодный вѣтеръ; съ насыпи, съ проѣзжихъ дорогъ и тропинокъ поднялись густые клубы пыли, а развалившіяся по небу тучи стали глухо ворчать.

При этомъ откликъ землекопы и рабочіе съ тачками, работающіе у желѣзнодорожной насыпи, бросили инструменты и, построившись въ двѣ большія толпы, направились — одни къ усадьбѣ, другіе къ стоящимъ на полѣ баракамъ. Занятые постройкой колонисты и мужики, высыпавъ песокъ изъ телѣгъ, бросились стрѣлой домой. Съ поля загнали скотъ, женщины изъ огородовъ запрятались подъ крышу; міръ опустѣлъ.

Раскатъ за раскатомъ возвѣщаль о новыхъ отрядахъ тучъ, которыя, толпясь уже на большей части неба, постепенно затемняли солнце.

Казалось, что въ присутствіи черныхъ клубовъ, вооруженныхъ молніями, земля скорчилась и слѣдитъ за бурей, какъ куропатка за кружившимся надъ полемъ ястребомъ. Кусты терновника и можжевельника тихо посвистывали, призывая къ осторожности; встревоженная пыль срывалась съ проѣзжей дороги и скрывалась между хлѣбами. Молодые колосья, щепча, прижались другъ къ другу.

Далекій дѣсь гремѣлъ.

Между тѣмъ, вверху изъ насыщенныхъ электричествомъ паровъ, выдѣлился какой-то темный зародышъ творческой силы, которая, оглядѣвъ землю, довѣрилъ своему могуществу, захотѣла подражать предвѣчному Отцу и создавать изъ крупныхъ тучъ, подобно ему, подвижныя и оживленныя формы.

Вотъ она уже вылѣпила островокъ; но прежде чѣмъ она успѣла пробормотать: хорошо!.. налетѣлъ вѣтеръ и развѣялъ островокъ. Вотъ она возводитъ громадную гору; но прежде чѣмъ она достигла вершины, опять прилетѣлъ вѣтеръ и сдулъ подножье. Теперь она ивышивается другимъ способомъ и въ одномъ

мѣстѣ старается создать льва, а въ другомъ птицу; но вотъ отъ птицы осталось только разорванное крыло, а левъ разстился въ безформенную массу.

Тогда видя, что горы и острова, возведенныя рукою Господа, длятся вѣки, а ея едва секунду, что выдѣшленные ею фигуры не имѣютъ ни души, ни смыслу, ни даже силы воспротивиться жалкимъ дуновеніямъ, что весь ея трудъ напрасенъ и вся ея власть только призракъ, тогда видя, что она уже ничего не создастъ, темная сила воспылала гнѣвомъ и ей захотѣлось уничтожить все, что существуетъ на землѣ.

Среди тучъ, кружащихся подобно стаѣ черныхъ воронъ, слышался зловѣщій шепотъ. Эта повелительница отдаетъ имъ приказанія: «Видите рѣку, въ которой отражается нашъ позоръ?.. Въ ту минуту что-то обрушилось съ неба на землю и въ рѣку ударила молнія. «Слышите-ли шумъ лѣса? Онъ и надъ нами издѣвается!.. Поднеба облетѣла молнія и второй ударъ ея былъ направленъ въ лѣсъ. Побейте эти поля градомъ!.. Смойте эти горы дождемъ!..» И послушные туманы бросаются на горы и на поля. Ха... хо!.. ха... хо!.. Упала на землю одна большая капля, за ней вторая... сотая... тысячная... ха... хо!.. ха... хо!.. Одно зернышко льду, второе... сотое... Это авангардъ. Вихри трубятъ тревогу, дождь барабанитъ, тучи, какъ собаки, спущенныя съ цѣпи, воютъ, толпятся и топчутъ другъ друга; одна капля погоняетъ другую, онѣ гонятся, обгоняются, наконецъ, сливаются въ ручьи, текущіе съ неба на землю. Солнце угасло, а градъ и дождь слились въ сплошную массу, цѣль и направленіе которой указываютъ мигающія молніи. Тутъ истребляй! тутъ побивай!..

Послѣ часоваго ливня свирѣвствующая буря отдохнула и тогда слышался шумъ Бялки, которая ужъ выступила изъ своего русла. Во всю ширь проѣзжихъ дорогъ текла грязная вода, ручьи струились по склонамъ холмовъ, луга были залиты, а по другую сторону насыпи образовалось озеро.

Черезъ минуту опять усилилась темнота; съ различныхъ точекъ горизонта блеснули молніи, усилился ливень, молнія ударила въ проѣзжую дорогу. Вѣтеръ толкалъ вкось пѣнистые по-

тебя дождя, вдыхалъ ихъ и разрывалъ; мѣръ утонулъ въ туманной пыли.

У Слимака во время всѣ собрались въ первой комнатѣ. Овчаръ зѣвалъ въ углу на скамейкѣ: рядомъ съ нимъ Магда нянчила окутанную въ армякъ сиротку, напѣвая ей тихимъ голосомъ: а, а, а! Хозяйка ходила изъ угла въ уголь, сердясь, что дождь залилъ огонь въ печи, а Слимакъ выглядывалъ изъ окна, думая, не уничтожить-ли ливень его урожая?.. Только Іендрекъ былъ веселъ: выбѣгалъ изъ дома, промочалъ на дождѣ до нитки, а потомъ, смѣясь, вбѣгалъ въ избу, уговаривая Магду и Стаську идти съ нимъ вмѣстѣ.

— Пойдемъ, Стасекъ!—говорилъ онъ, таща брата за рубу. Такой теплый дождь, что чудо!.. Только тебя обмоетъ и сейчасъ развеселишься...

— Оставь его,—проговорилъ отецъ,—онъ что-то скучный такой.

— И самъ по двору не бѣгай, потому что мнѣ всю избу зашьшь,—вставила мать.

Въ эту минуту ударила молнія.

— Слово стало тѣломъ,—шептала женщина.

Магда перекрестилась. Овчаръ протеръ глаза, но опять задремалъ, а Слимакъ пробормоталъ:

— Гдѣ-то близко...

Іендрекъ съ улыбкой прислушивался къ раскатамъ грома. Вдругъ онъ вскрикнулъ:

— Вотъ такъ раскаты!.. О, а теперь?.. Если бы изъ десяти ружей выпалили, то бы такъ не загудѣло. Тѣшитя Господь Иисусъ, небось...

— Тсъ, глухой,—разсердилась мать,—потому онъ еще въ тебя выстрѣлитъ.

— Пусть его стрѣляетъ,—отвѣтилъ удалой мальчуганъ. Какъ меня возьмутъ въ солдаты, такъ еще лучше будутъ стрѣлять и со мною ничего не сдѣлается...

И онъ опять выбѣжалъ изъ дома, чтобы тотчасъ вернуться валитымъ съ ногъ до головы.

— Этотъ негодяй Гендрекъ ничего не боится, — говорила обрадованная мать, поглядывая на мужа.

Слимакъ пожалъ плечами.

— Ну, не молодець-ли онъ?

Овчаръ дремалъ отъ времени до времени, машинально отмахиваясь отъ мухъ. А на улицѣ лиль потопъ, гремѣло непрерывно, молніи загорались на всѣхъ точкахъ неба.

Въ этой кучкѣ людей съ стальными нервами, гдѣ одинъ думалъ о своемъ урожаѣ, другой спалъ, а третій забавлялся ливнемъ, былъ однакоже такой, который всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ ужасъ бури. Это былъ Стасекъ, мужицкій сынъ, неизвѣстно почему нервный.

Онъ вмѣстѣ съ птицами предчувствовалъ приближающійся ливень и съ утра бродилъ по дому сонный и тревожный. Онъ, глядя на тучи, угадывалъ тамъ какія-то совѣщанія и догадывался о злыхъ умыслахъ. Онъ чувствовалъ боль травы, побиваемой дождемъ, и дрожалъ при мысли о томъ, какъ должно быть холодно землѣ, залитой водой? Воздухъ, насыщенный электричествомъ, колючъ ему все тѣло; молніи обжигали ему глаза и ему казалось, что каждый ударъ грома попадаетъ ему въ голову и въ сердце.

Стасекъ не боялся бури, онъ только страдалъ отъ нея, а страдая раздумывалъ: откуда она берется и зачѣмъ такія страшныя вещи на свѣтѣ?

Ему было очень плохо, иногда онъ закрывалъ глаза, чтобы не видѣть молній, но тогда ему казалось, что онъ видитъ молніи внутри себя и его охватывалъ страхъ. Иногда онъ затыкалъ уши, чтобы не слышать раскатовъ, но это было безцѣльное средство для непомѣрно чуткаго слуха. И такъ онъ ходилъ изъ избы въ альковъ, изъ алькова въ избу, какъ безумный; иногда онъ выглядывалъ изъ окна, или безъ причины отворялъ двери въ сѣни, или укладывался на лавку. Ему было плохо, вездѣ плохо, особенно тутъ, гдѣ даже никто не смотрѣлъ на него.

Онъ хотѣлъ поболтать съ Овчаромъ, но Овчаръ спалъ. Онъ привязался къ Магдѣ, но она была занята нянченьемъ сироты. Онъ взглянулъ на Гендрека, а тотъ тотчасъ хотѣлъ вытащить его на дождь. Больной и огорченный онъ притаился къ матери,

но мать, разсерженная, что дождь залилъ ей огонь, отстранила его, говоря сварливо:

— О, оставь меня въ покоѣ. Есть мнѣ время съ тобой забавляться, когда мнѣ весь обѣдъ испортило...

Онъ опять пошелъ въ альеовъ и улегся на сундуѣ, но жесткая доска тревожила его. И такъ онъ всталъ и оперся на колѣни отца.

— Тятя,—проговорилъ онъ тихо, указывая на ливень за окномъ,—съ чего онъ такъ злится.

— Кто его знаетъ?

— Что, буря отъ Господа Бога?

— Должно быть, что отъ Господа Бога.

Мальчикъ обнялъ его за ноги; ему стало немного легче и спокойнѣе: но въ эту минуту отецъ поправился на лавкѣ, слѣдовательно и онъ отстранилъ Стаська.

Оттолкнутый по очереди всѣми, онъ замѣтилъ подъ лавкой собаку, онъ залѣзъ туда и хоть собака промокла, положилъ на нее голову и обвилъ ее руками.

Къ несчастью это замѣтила мать.

— Ну, посмотрите,—воскликнула она,—что онъ сегодня выдвываетъ, этотъ мальчишка?.. А ну отойди отъ собаки, потому что въ тебя еще молнія ударить... Пошелъ въ сѣни, Бурѣ...

Собака, видя, что хозяйка ищетъ подѣна, поджала хвостъ и быстро ускользнула за двери, а Стасекъ въ многолюдной комнатѣ опять остался одинъ, совершенно одинъ съ своей тревогой. Поведеніе его наконецъ заставило призадуматься мать, которая, думая, что Стасекъ должно быть голоденъ, подала ему краюху хлѣба. Мальчикъ взялъ хлѣбъ въ руки, откусилъ кусочекъ, но вмѣсто того, чтобы ѣсть—расплакался.

— Господи, помилуй, Стасекъ, что съ тобой?—крикнула мать. Воишься ты, что-ли?...

— Нѣтъ.

— Такъ чего же ты такимъ рохлей?

— Потому что меня мутить,—прошепталъ онъ, указывая рукой на грудь.

Слимакъ, котораго также мучилъ страхъ за урожай, поглядилъ Стасьба и сказалъ:

— Ну, не тревожься, не тревожься... Хоть бы Господу Богу заблагодарасудилось истребить нашъ посѣвъ, то всетаки мы съ голуду не умремъ.

Обращаясь къ женѣ, онъ прибавилъ:

— Видишь, хоть онъ самый маленькій изъ насъ, онъ все-таки умнѣе всѣхъ, потому что онъ тревожится о хозяйствѣ.

Буря постепенно утихла; въ то же время вниманіе Слимака обратилъ необычайный шумъ въ сторонѣ рѣи. Мужикъ спялъ сапоги и поднялся со скамейки.

— Куда ты идешь?—спросила жена.

— Я взгляну на улицу,—отвѣтилъ онъ,—потому что тамъ случилась какая-то бѣда.

Онъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся запыхавшись.

— А что, какъ я угадаю,—крикнулъ онъ съ порога.

— Намъ выбило рожь?—крикнула жена.

— Съ рожью бѣды не случилось,—отвѣтилъ онъ,—но желѣзнодорожникамъ плотину прорвало...

— Исусе! Исусе!...

— Вода валитъ черезъ лужайку и доходить до нашего двора... А эти собаки, швабы, поставили на своемъ берегу плотину, такъ что намъ смыло плочекъ горы...

— Господи, помилуй!... и большой?..

— Не большой, но все же какъ бы съ двѣ ноги. И этого жалко.

— А въ конюшню не заглядывали?—спросилъ Овчаръ.

— Какъ же нѣтъ? Въ конюшнѣ вода, въ хлѣвѣ вода, навоонецъ и тутъ сѣни все полны водой. Дождь ужъ перестаетъ, а на западѣ чисто. Тотчасъ надо вылить, потому что скоть расхворается.

— А сѣно?

— Смогло, но дастъ Богъ высохнетъ.

— Магда, разведи огонь!..—крикнула хозяйка. Иендрекъ возьми ведро и лотокъ и выкачивай воду изъ сѣней, а вы бѣгите съ

Овчаромъ къ скотинкѣ. Найденышъ пусть осянется здѣсь на лавкѣ.

— Дай ключъ отъ амбара, — сказала Сливакъ, — я возьму лопату.

Когда солнце выглянуло изъ-за тучъ, уже домъ Сливака былъ въ движеніи. Въ печи трещало пламя, хозяйка съ Магдой и Іендрекомъ осушивали сѣни, хозяинъ съ рабочимъ выливалъ воду изъ конюшни.

Въ то же время по другую сторону рѣки собралась толпа нѣмцевъ. Они замѣтили на поверхности Вилки плывущіе обломки деревьевъ и порѣшили ихъ словить. Вооруженные длинными тычниками, они отвернули штаны выше коленъ и въ бродъ осторожно приближались къ главному теченію.

По мѣрѣ того какъ буря ослабѣвала, Стасекъ успокоивался. У него не дергало въ головѣ, не было колотья въ рукахъ, по кожѣ не пробѣгали мурашки. Еще ему казалось по временамъ, что гремитъ; онъ напрягалъ слухъ... нѣтъ, не раскаты. Это отецъ съ Овчаромъ, выливалъ воду изъ конюшни, стучать лопатами о порогъ.

А въ сѣняхъ бѣготня и шумъ; это Іендрекъ вмѣсто того, чтобы выкачивать воду, возится съ Магдой.

— Эй, Іендрекъ, остепенись! — кричитъ мать, — потому что какъ мнѣ попадется подъ руку что нибудь жесткое, такъ я тебѣ синяковъ пасажу...

Но Іендрекъ смѣется еще громче, да и въ голосѣ матери слышится, что она весела, хоть и сердится.

Стасекъ приподрается. Хоть бы взглянуть на дворъ?.. Но — ну, какъ онъ увидитъ надъ хатой такую страшную тучу, какъ передъ бурей... Или что тамъ!.. Онъ высунулъ голову за дверь, взглянулъ и, вмѣсто тучи, увидѣлъ небесную лазурь; разорванныя облака исчезаютъ куда-то на востокъ, за горы и за лѣса. Сидящій въ сараѣ пѣтухъ, захлопавъ крыльями, запѣлъ и, какъ бы въ отвѣтъ ему, изъ-за хаты показалось солнце. На устахъ, на ржи и на травѣ сверкнули капли воды, какъ бисерный туманъ; темную сѣнь прорѣзали золотыя полосы, въ черныхъ лужахъ отразилось ясное небо. Стаська охватила ребяческая радость. Онъ

выбѣжалъ на дворъ и сталъ бѣгать по самымъ большимъ лужамъ, радуясь, что у него изъ-подъ ногъ брызжутъ разные снопы свѣта. Потомъ, завидѣвъ обломовъ доски, онъ перебросилъ ее черезъ лужу и, вставъ на нее съ лучиной въ рукѣ, воображалъ себя, что онъ плыветъ.

— Приходи сюда, Гендрекъ!..—крикнулъ онъ брату.

— Оставайся тутъ, пока воды не выльешь, крикнула мать.

Между тѣмъ по другую сторону рѣки толпа нѣмцевъ ловила плывущія деревья. Когда имъ удалось словить самое крупное, то они, смѣясь, кричали: ура! А когда сразу подплыло нѣсколько обломковъ, ихъ охватилъ табой восторгъ, что они запѣли хоромъ: «Wacht am Rhein».

Стасекъ соскочилъ съ своей доски. Онъ, такой чуткій къ мелодіи, въ первый разъ въ жизни услышалъ хоръ, распѣваемый нѣсколькими десятками мужицкихъ голосовъ. Упоенному радостью и блескомъ солнца, ему казалось, что онъ грезитъ. Онъ забылъ, гдѣ онъ, забылъ, что онъ только слушалъ,—окаменѣвъ отъ восхищенья. Послѣ краткой паузы, прерванной плескомъ и смѣхомъ, нѣмцы начали опять ту же пѣсню.

Мальчикъ не слышалъ словъ, не понималъ мелодіи, только чувствовалъ могущество человѣческихъ голосовъ. Ему казалось, что изъ-за холма и изъ-за рѣки плывутъ какія-то волны, которыя его охватываютъ невидимыми объятіями и, какъ-бы лаская, силой влекутъ къ себѣ. Онъ хотѣлъ побѣжать домой и позвать Гендрека, но даже не могъ отвернуться; хотѣлъ остановиться, но что-то подталкивало его впередъ. Поэтому онъ пошелъ, какъ одурѣлый, медленно, быстрѣе, все быстрѣе, наконецъ побѣжалъ и—исчезъ за холмомъ. А голоса съ той стороны рѣки поютъ дальше.

Вдругъ пѣнье умолкло, а черезъ минуту раздались крики:

— Слушай!.. Слушай!..

Слимакъ и Овчаръ прервали работу въ конюшнѣ и съ лопатами въ рукахъ прислушивались къ пѣснѣ нѣмцевъ. Внезапный перерывъ и послѣдовавшіе за нимъ крики удивили ихъ обоихъ, но работника что-то задѣло за живое.

— Сбѣгайте-ка, хозяйцы,—сказалъ Матекъ, отложивъ лопату,—чего они орутъ?..

— И... правда имъ-то въ голову ударило,—отвѣтилъ Сливакъ.

— Слушай! кричали изъ-за рѣки.

— Все-же сбѣгайте,—настаивалъ работникъ,—потому что мнѣ съ моею ногой не поспѣть, тамъ что-то есть...

Слимакъ стрѣлой пустился по направленію къ рѣкѣ, а за нимъ, прихрамывая, тащился Овчаръ. Онъ только что входилъ на пригорокъ, когда Іендреевъ догналъ его, спрашивая:

— Что тамъ дѣлается?.. Гдѣ Стасея?..

До ушей Овчара долетѣли издалека какія-то слова. Онъ остановился и услышалъ громкій голосъ, кричащій за водою.

— Такой-то у васъ присмотръ... польскіе скоты!..

Вдругъ на склопѣ пригорка показался Слимакъ, держащій въ объятіяхъ Стасяка. Голова мальчика покоилась на плечѣ отца, правая рука висѣла безпомощно. Съ обоихъ стекала грязная вода. У Слимака посинѣли губы и глаза были широко открыты. Іендреевъ, скользя по грязному пригорку, загородилъ ему дорогу.

— Что съ Стасею, тятя?—спросилъ онъ, испуганный.

— Утонулъ... отвѣтилъ мужикъ.

Іендреевъ подскочилъ къ отцу съ сжатыми кулаками.

— Вы съума спятили!.. крикнулъ онъ.—Вѣдь онъ-же сидитъ у васъ на рукахъ...

И онъ дернулъ Стасяка за рубашку, голова ребенка свисла черезъ плечо отца.

— Ты видишь, что утонулъ... прошепталъ Слимакъ.

— Что вы толкуете,—кричалъ Іендреевъ,—вѣдь онъ только что былъ на дворѣ!..

Мужикъ ничего не отвѣтилъ. Онъ снова оперъ голову Стасяка на своемъ плечѣ и, спотыкаясь, шелъ въ хату. Передъ сѣнями стояла Слимакова. Одной рукой она оперлась на почовку, другой заслонила глаза и присматривалась къ идущимъ.

— Ну, а что-же тамъ надѣлали?—воскликнула она.—Это что-же? Съ Стасею опять что-то приключилось? Горе намъ съ этими швабами!.. Съ мальчикомъ опять что-то приключилось...

Она подошла къ мужу и, схвативъ Стасяка за голову, говорила дрожащимъ голосомъ:

— Ну, Стасекъ, только у меня бѣлковъ такъ не выворачивай... Ну, Стасекъ... очнись, разглядиись... тебя никто не тропеть... Магда, дай воды!..

— Съ него довольно воды, — пробормоталъ Слимакъ, — продолжая держать сына на рукахъ.

Баба отшатнулась.

— Что съ нимъ?.. спрашивала она съ возрастающимъ ужасомъ. — Отчего онъ весь такой мокрый?

— Я только что его изъ воды вытащилъ...

— Гдѣ изъ воды? — закричала женщина. — Изъ рѣки?

— Изъ того рва, который за горой, — отвѣтилъ мужикъ. — Воды тамъ по поясъ, но ему хватило...

— Онъ свалился туда!.. простонала мать, хватаясь за голову. — Ну, такъ что-же ты его держишь, старина... Если свалился, такъ выкачайте-же изъ него воду. Матекъ!.. бери его за ноги... переверните его... О, глуше мужики!.. Рохли!..

Но работникъ не двинулся. И такъ она сама схватила мальчика за ноги и вырвала его у отца. Стасекъ повисъ головой внизъ, тяжело ударилъ о полъ руками, а изъ носа у него потекло нѣсколько капель крови.

Теперь Овчаръ выдвигалъ у нея ребенка и, обнявъ за туловище, снесъ въ избу на лавку. За нимъ пошли всѣ, за исключеніемъ Магды, которая завертѣлась на дворѣ безсознательно и вдругъ побѣжала къ дорогѣ, крича:

— Спасите!.. Стаська спасите!.. Кто въ Бога вѣруетъ!..

Потомъ она опять повернула къ избѣ, но не вошла туда. Она упала на скамью передъ избой и, свернувшись такъ, что голова ея коснулась колѣнъ, залилась истерическими рыданіями, голоса:

— Спасите!.. кто въ Бога!..

Въ хатѣ Слимакъ вбѣжалъ въ кладовую, напаялилъ на себя армякъ и выбѣжалъ изъ дома. Ему хотѣлось бѣжать, неизвѣстно куда; потому онъ бѣгалъ по двору взадъ и впередъ, безтолково махая руками.

Какой-то внутренней голосъ зывалъ въ немъ: «Отецъ, отецъ!.. если-бы ты огородилъ гору плетнемъ, ребенокъ не утонулъ-бы».

А мужикъ отвѣчалъ: «не я виноватъ!.. это нѣмцы его околдовали пѣльемъ...»

На большой дорогѣ загрохотала телѣга. Она быстро остановилась у воротъ и поѣхала дальше. За хатой раздались тяжелые шаги и кашель; во дворъ вошелъ бакалавръ съ тростью въ рукѣ безъ шапки.

— Что съ мальчикомъ?.. крикнулъ онъ Слимаку.

Однако, не дождавшись отвѣта, онъ вошелъ въ избу.

— Что мальчикъ?.. спросилъ онъ на порогѣ.

Стасекъ лежалъ на лавкѣ; мать, усѣвшись рядомъ, оперла его голову на свои колѣни, шепча про себя:

— Извѣстно, по маленьку отходить, когда кровь течетъ... Онъ даже теплѣе...

— Что-же?—повторилъ бакалавръ, толкая Овчара.

— Развѣ жъ я знаю?—тихо сказала работниця.—Она говоритъ, что ему лучше, а мальчикъ, какъ не двигался, такъ и не двигается.

Бакалавръ швырнулъ трость въ уголъ и подошелъ къ лавкѣ

— Дай мнѣ гусиное перо...—сказалъ онъ Іендреку.

Остолбенѣвшій мальчикъ вмѣсто отвѣта пожалъ плечамъ.

— Ну, такъ дай тростинку или какую трубочку.

— Тутъ нѣтъ никакой трубочки,—проворчалъ Іендрекъ.

Бакалавръ осмотрѣлъ Стасека и велѣлъ матери уйти. Она послушно отошла на средину комнаты и, разинувъ ротъ, глядѣла, отъ времени до времени рыдая. Старикъ выдвинулъ скамейку, спялъ со Стасека промокшую рубаху, а затѣмъ силой вытаскивалъ его языкъ и привязалъ къ нижней челюсти.

— Исусе! что онъ выдѣлываетъ...—проворчала мать.

Слимакъ отъ времени до времени заглядывалъ со двора въ окошко; но тотчасъ отступалъ, не будучи въ состояніи смотрѣть на блѣдное тѣло сына.

Потомъ бакалавръ, уложивъ вдоль бедеръ руки Стаськи, подпалъ ихъ вверхъ, даже за голову, а потомъ опять приложилъ къ бедрамъ. Опять ихъ поднялъ, опять опустилъ и такъ поднималъ и опускалъ, чтобы этимъ движеніемъ вызвать въ ребенкѣ дыханье. Слимакъ присматривался изъ окна, остолбенѣвшій Іендрекъ

стоялъ у печки, мать рыдала. Наконецъ, не будучи въ состояннн овладѣть собою, баба сорвала платокъ и, вцѣпившись руками за волосы, стала биться о стѣну, голоса:

— А зачѣмъ же я тебя на этотъ свѣтъ породила. А на что же ты родился?.. Дитяtko, какъ золото, столько болѣзней выдержалъ и глядите ка... теперь утонулъ!.. Только что былъ въ этой избѣ... всѣ его видѣли и глядите-ка утонулъ!.. О, милосердный Боже, за что же ты меня такъ тяжело наказалъ?.. Чтобы ребенокъ, какъ щенокъ, погибъ въ глиняной ямѣ безъ спасенья... безъ всякаго спасенья.

Она, держась за стѣну, опустилась на колѣни и, стоя на бо-лѣняхъ, стонала раздирающимъ голосомъ.

Съ полчаса бакалавръ трудился надъ тѣмъ, чтобы привести Стаська въ чувство. Онъ двигалъ ему руки, мялъ грудь и слушалъ, не забьется ли сердце. Но мальчикъ не подалъ знака жизни. Тогда старый учитель, видя, что онъ ничего не подѣлаетъ, поверилъ трупъ ребенка какимъ-то платкомъ, перекрестился, прошепталъ молитву и вышелъ изъ хаты. За нимъ вышелъ молчаливый Овчаръ.

На дворѣ учителю загородилъ дорогу Сливакъ. Онъ выглядѣлъ, какъ пьяный:

— Зачѣмъ вы пришли сюда, бакалавръ?..—говорилъ мужикъ глухимъ голосомъ. — Развѣ вамъ еще мало несчастья?.. Вы уже убили мнѣ ребенка вашимъ пѣсьемъ и чего же вы хотите еще?.. Сгубить ли ему душу, пока она еще не отошла на тотъ свѣтъ, или насъ остальныхъ живущихъ проклясть, чтобы мы всѣ погибли.

— Что вы говорите, Сливакъ? — спросилъ бакалавръ, глядя на него съ ужасомъ.

Мужикъ сталъ крутить головой и раскидывать руками, точно у него духъ захватывало.

— Не сердитесь, сударь, — сказалъ онъ. — Вы добрый человекъ, я знаю... вознагради васъ Боже...

И вдругъ онъ поцѣловалъ руку у бакалавра.

— Но ужъ уходите отсюда... Онъ черезъ васъ, нѣмцы, погибъ... мой Стасекъ!..—выкрикнулъ мужикъ. — Разъ вы околдовали

его, такъ что онъ только лишился чувствъ, но теперь вы пустили въ ходъ такую силу, что онъ у меня утонулъ.

— Человѣкъ!—воскликнулъ бакалавръ,—что ты говоришь?.. Развѣ жь мы не христiane, какъ и ты? Развѣ мы не отверещивались отъ сатаны и дѣлъ его, какъ и вы?

Мужикъ глядѣлъ ему въ лице блуждающимъ взглядомъ.

— А изъ-за чего-же онъ утонулъ?..

— Могъ поскользнуться. Развѣ-жъ я знаю.

— Вода въ ямѣ такая мелкая, что онъ-бы изъ нея выско-чилъ... Его только обморочило ваше пѣніе... Уже его во второй разъ обморочило... неправда-ли, Овчарь!..

Овчарь качалъ головой.

— Можетъ, у мальчика бывали судороги?—спросилъ учитель.

— Никогда.

— И онъ никогда ничѣмъ не страдалъ?

— Никогда.

Овчаръ вертѣлъ головой.

— Онъ былъ съ зимы боленъ,—проговорилъ работникъ.

— А? спросилъ Слимакъ.

— Я правду говорю,—продолжалъ Овчаръ.—Съ зимы, когда онъ разъ такъ простудился, что съ недѣлю лежалъ, Стасекъ былъ боленъ. Пробѣжить, бывало, сто шаговъ, такъ устанеть и сей-часъ говорить: «Матекъ, меня душить!..» А какъ разъ въ ту весну, вбѣжалъ подъ гору, когда я тамъ пахалъ, то его даже за-обморочило. Я долженъ былъ на рѣку сходить за водой и приво-дить его въ чувство. Тогда также,—говорилъ Овчаръ, когда нѣмцы выбирали себѣ мѣсто для дома, Стаська заобморочило не ихъ пѣнье, а только то, что онъ быстро вбѣжалъ на гору и утомился.

— Ты ничего не говорилъ объ этомъ?—спросилъ Слимакъ.

— Говорилъ хозяйкѣ, но она тотчасъ на меня напала: «что ты знаешь?.. Всю жизнь ходилъ только за скотомъ, ты глушь, а говоришь, какъ фельдшеръ!»

— Ну, видите,—сказалъ бакалавръ.—Мальчикъ навѣрно стра-далъ болѣзнью сердца и это его бѣднягу сгубило. Куда-бы онъ ни упалъ въ воду или на землю, все-таки-бы умеръ, если-бы

сердце у него перестало биться... Не мы въ этомъ виноваты и не наши христіанскія молитвы.

Слимакъ слушалъ внимательно и постепенно, какъ бы возвращался къ сознанію.

— Можетъ быть, это и правда, бормоталъ онъ, что Стасекъ умеръ своей смертью?..

Онъ постучался въ окно и вызвалъ жену изъ избы. Черезъ минуту она явилась на порогъ.

— Чего?—сказала она, протирая глаза, запухшіе отъ слезъ.

— Что же ты мнѣ не говорила, что Стасекъ съ зимы хворалъ? не могъ бѣгать, а какъ уставалъ, то его дунило и обморочило.

— Извѣстно, хворалъ,—отвѣтила она,—но что-жъ бы ты ему помогъ?

— Не помогъ-бы, по все-же мальчика смерть ожидала.

Мать заплакала потихоньку.

— Извѣстно, не увернулся-бы отъ смерти,—проговорила она, рыдая,—такъ или сякъ. А сегодня и самъ, несчастный, въ эту бурю предчувствовалъ, потому ходилъ по избѣ, какъ не свой, и прижимался ко всѣмъ... О, если-бы мнѣ это въ голову пришло, не выпустила-бы я его изъ избы... Въ погребъ-бы его заперла... Пошла-бы за нимъ, куда-бы ни двинулся...

— И въ хатѣ-бы умеръ, если-бы для него такое время настало,—проговорилъ бакалавръ.

— Правда!—вздохнулъ Слимакъ,—какъ Богъ милосердный призоветъ кого къ себѣ, не удержать его ни отцу, ни матери...

Бакалавръ ушелъ, а печальные родители остались на дворѣ съ Овчаромъ, вздыхая и поплакивая. Въ сердцахъ ихъ уже зародилась покорность, потому они говорили между собою и съ рабобогиткомъ, какъ безъ воли Божьей даже и у такого ребенка волосъ съ головы не упадетъ.

— Даже со звѣремъ ничего не станется безъ воли Божьей,—говорилъ Слимакъ. Сколько разъ въ иного зайца стрѣляютъ изъ ружей, сколько собакъ на него выпускаютъ, а онъ уходитъ цѣлъ и невредимъ, когда Богу такъ угодно. Но пусть только пробьетъ его чась—онъ погибнетъ въ чистомъ полѣ. Любой пестъ его скапаетъ или пастухъ угодитъ камнемъ въ голову и прощай!

— Да вотъ хоть-бы и я,—проговорилъ Овчарь.—И телѣга съ дровами меня придавила и въ больницу меня отправили и работы найти не могъ, а все-таки живу, потому что мое время еще не настало. Когда же настанетъ, хоть-бы спрятался подъ большой алтарь—погибну.

— И не только ты,—прибавилъ Сликакъ,—самый знатный баринъ, богатѣйшій государь, хоть-бы даже заперся въ каменномъ съ желѣзными ставнями, не избѣжить смерти въ свое время. Такъ и со Стаськомъ...

— Мое ты дитяtkо!.. Мое утѣшенье!.. заплакала мать.

— Ну, утѣшенья тебѣ-бы отъ него не было,—сказалъ Сликакъ.—Вѣдь онъ даже за скотомъ ходить не могъ.

— О, нѣтъ!.. вставилъ Овчарь.

— Ни за плугомъ не ходилъ-бы.

— О, нѣтъ!..

— И мужика изъ него никогда-бы не вышло...

— Вѣстимо. Силы не было, ни здоровья.

— Онъ ужь былъ такой чудной ребенокъ,—говорилъ Сликакъ.—Хозяйство его вовсе не занимало, только что бродилъ по лѣсамъ или падъ водой глядѣлъ и размышлялъ...

— Или самъ съ собою разговаривалъ,—вставилъ Овчарь,—или же разсуждалъ съ травой и птицами. Я самъ не разъ слышалъ,—вдохнулъ онъ,—и говорилъ: ужь намъ тебя, бѣднягу, не выростить. Между барами, ты бы выросъ дивомъ великимъ, но между мужиками не жить тебѣ...

Такъ разсуждали мужики о непонятныхъ Божьихъ дѣлахъ. На заходѣ солнца хозяйка выпесла на крылечко крынку молока и хлѣбъ, по нѣто не ѣлъ. Первый Гендрекъ едва притронулся къ кушанью, расплакался и убѣжалъ въ горы, а Сликакъ не взглянулъ на кушанье. Даже Овчарь, не притронувшись ни къ чему, пошелъ въ конюшню, ворча:

— Боже мой, такой баринъ, такой помѣщикъ! У него было бы послѣ отца пять десятинъ земли и все-таки же онъ утонулъ. А я?

Вечеромъ Сликакъ перенесъ Стаська въ альковъ на постель. Мать положила ему на глаза два пятака, чтобы они закрылись и

затешила лампадочку передъ Богородицей. Сами родители съ Иендрекомъ и Магдой улеглись на полу въ избѣ, но заснуть не могли. Собака выла цѣлую ночь, у Магды была лихорадка, а Иендрекъ каждую минуту поднимался съ соломы и заглядывалъ въ альковъ, потому что ему казалось, что Стасекъ очнулся и пошевелился.

Но Стасекъ не шевелился.

Чуть свѣтъ принялся Слимакъ дѣлать гробъ. Онъ работалъ его цѣлый день: пилилъ доски, стругалъ, сколачивалъ и даже улыбнулся, что у него такъ бойко идетъ столярное ремесло. Но когда онъ припомнилъ, какой онъ столяръ, его охватила такая скорбь, что онъ швырнулъ работу и выбѣжалъ на проѣзжую дорогу, не зная, куда онъ бѣжить.

На третій день Овчаръ запретъ лошадей въ телѣгу и положилъ на нее гробикъ со Стаськомъ, медленно поѣхалъ къ деревнѣ, гдѣ была церковь. За телѣгой шли Слимаковы и Магда, а ближе всѣхъ Иендрекъ, который, придерживая гробъ, чтобы онъ не качался, прислушивался, не очнется ли любимый братъ и не откликнется ли? Раза два онъ даже постучался въ гробикъ. Но Стасекъ молчалъ. Молчалъ, когда они подъѣхали къ церкви, а священникъ покропилъ его святой водой. Молчалъ, когда его отвезли на кладбище и тамъ поставили гробъ на землѣ. Молчалъ, когда родной отецъ, помогая старому могильщику, копалъ ему могилу, а мать и Иендрекъ со стономъ прощались съ нимъ въ послѣдній разъ. Молчалъ и тогда, когда тяжелыя глыбы земли пачали валиться ему на гробъ... Даже Овчаръ залился слезами. Слимакъ только отвернулся и закрылъ лицо армякомъ, какъ римскій сенаторъ, не желая, чтобы другіе видѣли, что онъ плачетъ. И въ эту минуту въ сердцѣ его что-то шептало: «отецъ, отецъ! если бы ты гору огородилъ плетнемъ, не утонулъ бы ребенокъ». А Слимакъ въ душѣ отвѣчалъ: «не я виноватъ, долженъ былъ умереть, такъ и умеръ, когда такой часъ насталъ...»

IX.

Наступила осень. Въмѣсто свѣтлыхъ полей, видѣлись сыроватые пыльные пустыри, въ лѣсахъ покраснѣли кустарники, аисты съ амбаровъ отлетѣли прочь, на югъ. Въ лѣсу, если какой удѣлѣлъ, едва можно было увидѣть птицу, а въ полѣ человѣка; развѣ только тамъ и сямъ, на нѣмецкой сторонѣ нѣсколько бабъ въ малиновыхъ юбкахъ выкапывали остатки картофелю. Даже при желѣзной дорогѣ окончились большія работы. Насыпь была уже сдѣлана, землекопы и каменьщики разбрелись и, вмѣсто нихъ, являлись локомотивы, подвозящіе рельсы и балки. Сначала на западномъ краю насыпи видѣлся только черный дымъ, какъ изъ винокуреннаго завода; черезъ нѣсколько дней среди желтыхъ холмовъ выгнула труба, а пемпого спустя—труба, вставленная въ громадный котель. Котель одинъ безъ лошадей катился на колесахъ и еще тащилъ за собою нѣсколько десятковъ другихъ воезовъ, нагруженныхъ деревомъ, желѣзомъ и людьми. Гдѣ онъ останавливался, тамъ люди соскакивали на землю, клали на насыпь деревянные балки, прибывали къ дереву рельсы и котель опять ѣхалъ впередъ. Овчаръ ежедневно присматривался къ этимъ обычаямъ и сказалъ разъ Слимаку:

— Видите, какъ это ловко!.. пока съ горы, такъ пуцаютъ грузъ безъ лошадей. Потому и на что мучить такъ скотинку?

Но однажды котель съ вереницей воезовъ остановился противъ лѣса. Люди вынимали рельсы и балки, а онъ стоялъ, дымилъ и сапѣлъ. Простоялъ съ часъ и Овчаръ поглядѣлъ съ часъ, думая, какъ они теперь его сдвинутъ съ мѣста?

Вдругъ къ величайшему недоумѣнію работника, котель прозительно свистнулъ и двинулся назадъ съ возами безъ чьей бы то ни было помощи; только теперь Матекъ, какъ бы сквозь туманъ припомнилъ, что галиційскіе рабочіе когда-то рассказывали ему о той машинѣ, которая сама ходитъ. Даже провили его собственныя деньги, на которыя онъ долженъ былъ купить сапоги.

— Видно, правда, что оно само ходитъ, но за то и тащется

какъ старая Собѣсская, — утѣшался Овчарь. Въ душѣ же однако онъ чувствовалъ страхъ и думалъ, что такія заграличныя штуки, не пойдутъ на пользу окрестности.

И хотя онъ плохо разсуждалъ, онъ предсказывалъ мѣтко, потому что вмѣстѣ съ появленіемъ перваго локомотива въ окрестности проявилось неизвѣстное прежде воровство. Начиная съ горшковъ, сушавшихся на плетнѣ, до запасныхъ колесъ на дворѣ, домашней птицы въ сараяхъ и лошадей въ конюшняхъ, кто-то воровалъ все. У колониста Геде вытащили изъ кладовой тушу солонины; хозяина Мартинчака, когда онъ возвращался съ говѣнья, немного подвигивши, какіе-то злодѣи съ вымазанными сажей лицами, вышвырнули изъ телѣги и сами въ ней поѣхали, вѣрно въ адъ. Даже на бѣднаго портного Ююну Недопежа напали въ лѣсу мошенники и вырвали у него кровно заработанные три рубля.

Слимаку первый локомотивъ также не принесъ ничего хорошаго. Корму для скота трудно было закупить, за то о ржи у него никто не спрашивалъ, бочки двѣ масла плеснѣли у него къ погребѣ непроданныя, а птицу семья сама ѣла, потому что и на нее не находилось покупателя. Всю сельскую торговлю съ желѣзной дорогой и съ мѣстечкомъ захватили пѣмцы; никто уже не хотѣлъ глядѣть на мужицкое зерно и молочные продукты. Тогда Слимакъ сидѣлъ въ избѣ безъ работы (гдѣ же ему было работать, когда усадьбы не стало), сидѣлъ у печки и думалъ: всегда ли такъ трудно будетъ достать сѣна? или ужъ никогда ни одинъ торговецъ не зайдетъ къ нему за рожью, лицами и масломъ? или неужели никогда не кончится воровство? А между тѣмъ, пока онъ такъ разсудительно обдумалъ каждую вещь, пѣмцы со своими продуктами ѣздили по нѣсколько миль въ разныя стороны и все продавали. Вору въ свою очередь тоже крали, гдѣ кто не успѣвалъ досмотрѣть или гдѣ у строеній не было крѣпкихъ замковъ.

— Къ худу идетъ! — говорила Слимакова.

— И, и, и... какъ нибудь уладится, — отвѣчалъ мужицъ.

О бѣдномъ Стасикѣ по маленьку забывали. Повременамъ только мать клала къ обѣду одну лишнюю ложку и, замѣтивъ это, отирала глаза передникомъ; то опять Магда, зовя Гендрека, по торопливости называла его Стасикомъ; то опять таки Бурка иногда

обѣгалъ постройки, точно лица кого то, а не найдя припадалъ головой къ землѣ и лаялъ. Однако, это случалось все рѣже. Іендрекъ всего сильнѣе почувствовалъ смерть брата. На этомъ основаніи онъ даже не любилъ сидѣть въ избѣ, и когда не было работы слонялся по полямъ. Слоняясь, онъ иногда заходилъ въ колонію къ старому бакалавру, а тамъ изъ любопытства заглядывалъ въ книжку. Онъ зналъ уже половину буквъ, по этому бакалавръ безъ труда научилъ его остальнымъ; когда же онъ изучилъ всю азбуку, то дочь бакалавра ради развлечения учила его читать. И мальчуганъ бормоталъ, иногда умышленно ошибаясь, чтобы она его поправила, или же забывалъ буквы, чтобы она, нагнувшись надъ книжкой, коснулась его рукой. Когда однажды онъ принесъ въ избу азбуку и показалъ, что умѣетъ читать, обрадованная Слимакова послала дочери бакалавра двѣ курицы и три десятка яицъ. Слимакъ же, встрѣтивъ бакалавра, обѣщала дать ему пять рублей, когда Іендрекъ начнетъ молиться по книжкѣ и прибавитъ десять, если мальчуганъ научится писать. Благодаря этому, когда наступила осень, Іендрекъ бывалъ каждый день и два раза въ день въ колоніи и или учился, или хоть въ окна глядѣлъ на дочку бакалавра и прислушивался къ ея голосу, что немного сердило одного изъ рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и двоюродныхъ братьевъ Гамера. Въ спокойныя времена такая бѣготня Іендрека, можетъ быть, обратила бы вниманье Слимаковъ; теперь же они были заняты чѣмъ-то другимъ. Каждый день убѣждалъ ихъ, что у нихъ слишкомъ много коровъ... Они ничего не говорили другъ другу, но всѣ въ домѣ только и думали объ этомъ. Думала хозяйка, видя все менѣе молока въ шкафѣ, и Магда, которая, тревожимая зловѣщимъ предчувствіемъ, каждый день нянчилась съ коровами, и Овчаръ, потому что онъ даже у лошадей отнималъ по горсточкѣ сѣна, чтобы подбросить его скотинкѣ. Но вѣрно всего больше думалъ самъ Слимакъ, потому что онъ не разъ останавливался передъ хлѣвомъ и вдыхалъ.

Такъ зрѣла бѣда среди общей тишины, которую невольно прервалъ самъ Слимакъ. Однажды ночью онъ безъ всякой причины соскочилъ съ постели и усѣлся на лавкѣ.

— Что съ тобою, Юзекъ? спросила жена.

— Ой!.. мнѣ снилось, что намъ совсѣмъ корму не достало и у насъ весь скотъ издохъ...

— Во имя Отца и Сына... не въ злой часъ будь сказано.

— Знамо дѣло, ужъ на пять головъ намъ корму не хватитъ, это напрасно!—сказалъ мужикъ.—Я рассчитываю въ головѣ такъ и слякъ, но все понаирасну...

— Ну, такъ что-же ты сдѣлаешь?

— Развѣ-жь я знаю, несчастный.

— Можеть быть-бы...

— Развѣ-бы продать одну?..—заключилъ мужикъ.

Слово было вымолвлено. Для черезъ два Слимакъ, зайдя за водкой въ корчму, что-то намекнулъ Юзелю о коровѣ, а тотчасъ-же въ понедѣльникъ въ хату пришли два мясника изъ мѣстечка.

Слимакова вовсе не хотѣла говорить съ ними, а Магда зарыдала. Тогда на дворъ вышелъ Слимакъ.

— Ну, что-же, хозяинъ,—началъ одинъ изъ мясниковъ,—вы хотите продать корову?

— Развѣ-жь я знаю...

— Которую-же, покажите-ка.

Слимакъ молчалъ, такъ что Овчаръ долженъ былъ сказать:

— Ужъ если продать, такъ развѣ Лысую...

— Выводите-ка ее, настаивалъ мясникъ.

Матекъ пошелъ въ хлѣвъ и черезъ минуту вывелъ несчастную корову. Она была, казалось, удивлена, что ее вытащили на дворъ въ такую необычайную пору.

Мясники осмотрѣли Лысую и, поговоривъ между собою, спросили о цѣнѣ.

— Развѣ-жь я знаю?—отвѣтилъ Слимакъ.

— Что много говорить. Сами видите, какая это старая скотинка. Дамъ пятнадцать рублей.

Слимакъ снова умолялъ, такъ что Овчару опять пришлось его выручать въ торгѣ. Жиды кричали благимъ-матомъ, божились, дергали корову во всѣ стороны, и наконецъ, поссорившись между собою, дали восемнадцать рублей. Одинъ накинулъ скотникѣ веревку на рога, другой хватилъ ее палкой по лопаткѣ и въ путь...

Корова, почувявъ, видно, запахъ крови, не хотѣла двинуться

съ мѣста. Сначала она свернула къ хлѣву, но мясники оттащили ее въ проѣзжей дорогѣ; потомъ она замычала такъ жалобно, что Овчаръ поблѣднѣлъ, а подъ конецъ уперлась въ землю всѣми погами, глядя на Сликака вытаращенными глазами, въ которыхъ отражались горе и ужасъ.

Въ избѣ слышался плачь Магды; хозяйка не смѣла даже взглянуть на дворъ, а Сликаку, казалось, что покрытая пѣной и задыхающаяся скотинка шепчетъ ему:

— Хозяинъ, а взгляните-ка, что они со мной выдѣлываютъ, эти жида... Вѣдь они хотятъ увести меня отсюда и зарѣзать!... Шестъ годовъ я была у васъ, и, какъ вы хотѣли, работала вамъ по справедливости. Вступитесь за меня теперь въ такомъ горѣ!.. Хозяинъ... хозяинъ!..

Сликакъ молчалъ. Тогда коровушка, видя, что ее ничто не спасетъ, оглянулась въ послѣдній разъ на дворъ и—пошла за ворота.

Когда она была на проѣзжей дорогѣ, шлепая по грязи по направлению къ мѣстечку, за ней вытащился Сликакъ, онъ мялъ въ кулакѣ жидовскія деньги и думалъ:

— Развѣ-жъ я сталъ-бы тебя продавать, кормилица наша и благодѣтельница, если-бы не было несчастья для всѣхъ?.. Вѣдь не я виноватъ въ твоёмъ горѣ. Богъ милосердный разгнѣвался на насъ и по очереди посылаетъ на смерть...

По временамъ корова, какъ-бы педовѣряя, оглядывалась назадъ на домъ. Тогда Сликакъ опять шелъ за нею и колебался въ душѣ: не отдать-ли жидамъ деньги и не отобрать-ли скотинки? Опъ спасъ-бы ее, даже доплатилъ-бы, если-бы ему кто-нибудь въ эту минуту уступилъ корму на зиму.

На мосту мужикъ остановился и, опершись на перила, безмысленно глядѣлъ на воду. Вотъ попортилось что-то въ хозяйствѣ!.. Работы, вѣтъ, ржи никто не покупаетъ, лѣтомъ у него погибъ сынъ, осенью скотинка гибнетъ, а что зима принесетъ?

И опять у него промелькнуло въ головѣ:

— Еще теперь я-бы могъ ее, бѣдняжку, выкупить! подъ вечеръ будетъ слишкомъ поздно.

Вдругъ онъ услышалъ за собой голосъ стараго Гамера.

— Не къ намъ-ли идете, хозяинъ?

— Пошелъ-бы, отвѣтилъ Сликакъ,—если-бы вы мнѣ корму продали.

— И кормъ не поможетъ,—говорилъ старикъ съ трубкой въ зубахъ,—потому что мужику между колонистами не выжить. Но продайте свои земли—и вамъ, и мнѣ будетъ лучше отъ этого.

— Нѣтъ.

— По сту рублей дамъ за десятину!..

Сликакъ даже руки сложилъ отъ удивленья и, покачавъ головой, отвѣтилъ:

— Что васъ, папъ Гамеръ, околдовало, что-ли? Мнѣ горько, что я по вашей милости долженъ былъ продать скотинку, а вы еще хотите, чтобы я вамъ продалъ все, цѣлое имѣнье!.. Да я-бы мертвымъ палъ у порога, если-бы мнѣ пришлось выбираться изъ хаты, а ужъ когда-бы за ворота вышелъ, то вамъ-бы пришлось везти меня прямо на кладбище. Для васъ, нѣмцы, сдвинуться съ мѣста ничего, потому-что вы народъ бродячій, сегодня здѣсь, завтра тамъ. А мужикъ вѣдь осѣдлый, какъ тотъ камень придорожный. Я тутъ каждый уголъ паизустъ знаю, всюду-бы въ потъмахъ попалъ, каждую горсточку земли своей рукой перевернулъ, а вы мнѣ толкуете: продай и ступай въ свѣтъ! Куда-же я пойду, когда какъ мнѣ случится ѣхать, хоть-бы за церковь, то я чуть не слѣпну и безпокоюсь, потому что около меня все незнакомое. На лѣсъ ногляжу—иначе выглядить, чѣмъ дома, на вустъ погляжу—такихъ около насъ не видно; земля также другая, даже самое солнце иначе, чѣмъ у меня восходитъ и заходитъ. А что-жь-бы случилось съ женой, съ мальчуганомъ, если-бы мнѣ пришлось двинуться отсюда? А что-бы я сказалъ, если-бы мнѣ заградили дорогу родители и прадѣды, говоря: «Господи, Юзекъ, гдѣ-же мы станемъ искать тебя, когда намъ будетъ очень тяжело въ чистилищѣ, и достигнетъ-ли твоя молитва до нашихъ могилъ, когда ты выбираешься куда-то на край свѣта?!..» Что я имъ отвѣчу—или-же и Стасеву, который черезъ васъ тутъ голову сломилъ.

Гамеръ, слушая его, дрожалъ отъ гнѣва; чуть было не швырнулъ трубки на землю.

— Что ты мнѣ сказки рассказываешь! воскликнулъ онъ.— Развѣ мало вашихъ продали хозяйства и переселились на Волынь, гдѣ они теперь барами? Отецъ къ нему придетъ послѣ смерти!.. Слыханное-ли это дѣло?.. Ты смотри, какъ-бы самому не погибнуть черезъ свое упрямство и меня не сгубить. Черезъ тебя у меня сынъ балуется, денегъ нѣтъ на уплату, сосѣди меня мучать... Что ты думаешь, что въ твоей глухой горѣ сокровища зарыты? Я хочу купить землю, потому-что тутъ лучшее мѣсто для вѣтряной мельницы. Плачу сто рублей—небывалую цѣну, а онъ мнѣ толкуетъ, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не уживется... Verfluchter...

— Сердитесь-ли вы или нѣтъ, а я земли не продамъ.

— Продашь ты ее,—отвѣтилъ Гамеръ, грозя кулакомъ,—но ужь я не куплю! Году между нами не высидишь...

И, отвернувшись, онъ пошелъ домой.

— А мальчишка твой пусть у меня не таскается въ колонію,—прибавилъ онъ, останавливаясь.— Не для васъ привезъ я сюда бакалавра...

— Экая важность! ну, и не станеть ходить, когда вамъ для него жалко воздуха въ избѣ,—проворчалъ Сликакъ.

— Да жалко для него воздуха,—раздражался Гамеръ.—Отецъ глупый, пусть-же и сынъ будетъ глупымъ.

Они разошлись. Мужикъ былъ уже такъ золъ, что даже не жалѣлъ своей коровы.

— Пускай ей тамъ горло перерѣжутъ, когда такъ,—говорилъ онъ себѣ. Но сообразивъ, что скотинка ни въ чемъ неповинна въ его ссорѣ съ Гамеромъ, вздохнулъ.

Въ домѣ онъ услышалъ причитанья. Это Магда плачетъ, что хозяйка отказываетъ ей отъ мѣста. Сликакъ усѣлся на лавкѣ, а между тѣмъ жена говорила дѣвушкамъ:

— Кушанья на тебя у насъ-бы хватило, это правда, но откуда я возьму тебѣ денегъ на жалованье и на подарокъ къ Рождеству? Только сама сообрази. Ты ростешь большая, послѣ новаго года тебѣ слѣдовало-бы получать больше жалованья, а у насъ ты его не получишь, даже никакого не получишь. Впрочемъ, ужь и работы нѣтъ для тебя, какъ мы корову продали... Ступай-же завтра

или послѣ-завтра къ дядѣ,—продолжала хозяйка,—скажи ему, какая у насъ бѣда, что ничего не продается, что нѣтъ заработка, что мы должны были скоть отдать мясникамъ. Скажи ему это и поклонись ему въ ноги, чтобы онъ нашелъ тебѣ мѣсто лучше. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. А какъ намъ милосердный Богъ поможетъ, тогда вернешься...

— Ого! прошептала Овчаръ, слушающій въ углу избы. — Не вернуться, когда человѣкъ разъ отойдетъ.

А потомъ прибавилъ:

— Вскорѣ видно кончится у васъ и мое царствованье. За коровой Магда, за Магдой я.

— И—и... ты, Матекъ, можешь сидѣть,—прервала его хозяйка.—При лошадахъ всегда долженъ быть кто-нибудь; а хоть-бы мы тебѣ одинъ годъ жалованья и не отдали, получишь въ слѣдующемъ. Съ Магдой-же дѣло другое. Она молода, ея жизнь впереди, слѣдовательно зачѣмъ ей сохнуть въ чужой бѣдѣ.

— Извѣстное дѣло, правда,—подтвердилъ Овчаръ, раздумавъ немного. Вы даже добрые люди, что въ такомъ огорченнн прежде всего подумали о томъ, чтобы не портить судьбы дѣвушкѣ.

Слимакъ молчалъ, удивляясь уму жепы, которая сообразила, что Магдѣ ужъ печего у нихъ дѣлать. Въ то же время охватилъ его страхъ при мысли о томъ, что такъ быстро распадается ихъ хозяйство. Цѣлые годы работалъ онъ на третью корову, а теперь одного дня было достаточно, чтобы выгнать изъ дому и корову, и служанку.

— Или возьмусь за столярное ремесло, или у батюшки спрошу: что дѣлать? или ужъ не знаю... но что-бы со мной священникъ сталъ говорить! Хоть бы я даже закупилъ святой молебенъ ради добраго совѣта, то священникъ молебенъ отслужить, а совѣта не дастъ. Откуда ему его взять? Можетъ быть, въ концѣ это само прекратится. Вѣрно само прекратится. Господь Богъ милосердный, какъ отецъ: когда примется бить, бьетъ, хоть бы просилъ и кричалъ, пока рука не устанетъ. А потомъ опять человѣку испрошетъ милость; только бы терпѣливо свое оттерпѣть.

Такъ разсуждалъ Слимакъ и закурилъ трубку. Жаль ему было Магды, еще больше жаль коровы, онъ припоминалъ лужайку и

Стаська, боялся нѣмцевъ, но, что-жь ему было дѣлать? Развѣ только ждать съ терпѣнiемъ, пока само не уладится.

И такъ онъ ждалъ.

Въ началѣ поября Магды уже не было у Слимакова и она пошла къ дядѣ, а отъ дяди на новую должность. Даже мѣсто послѣ пелъ въ избѣ застыло и только хозяйка по временамъ спрашивала себя самую: правда-ли это, что въ этой избѣ былъ какой-то Стасекъ, что у этой печи вертѣлась какая-то Магда, что въ хлѣвѣ стояла третья корова?..

Между тѣмъ въ окрестности размножались кражи, а Слимакъ каждый день помышлялъ о томъ, чтобы въ мѣстечкѣ купить скобки и задвижки для построекъ, то опять таки о томъ, чтобы выстругать шесты и запирать ими на ночь всѣ двери.

— Обкрадываютъ другихъ, такъ и меня могутъ обокрасть, — думалъ онъ и иногда протягивалъ руку къ топору, желая по крайней мѣрѣ выстругать засовъ. Но тотчасъ оказывалось, что или топоръ лежитъ слишкомъ далеко, или у него слишкомъ коротка рука.

Въ другой разъ, наслушавшись о воровствѣ, онъ бралъ армякъ и отворялъ сундукъ съ деньгами, чтобы купить скобки. Но какая-же польза изъ того? При мысли о томъ, что ему придется истратить нѣсколько рублей въ эти тяжелыя времена, у него сердце замирало. И онъ быстро пряталъ деньги на дно и снималъ армякъ, чтобы не соблазниться.

— Надо ждать, — говорилъ онъ, — до весны. Это время, можетъ быть, Богъ милостивъ охранитъ насъ отъ потери; а наконецъ — усмотрятъ Овчаръ и Бурка. Го! го! они чутки...

Какъ бы въ подтвержденiе этого мнѣнiя, Бурка вылъ и лаялъ по цѣлымъ ночамъ, а Овчаръ соскакивалъ раза два въ ночь и, цапая армякъ на плечи, прохаживался по двору.

Въ одну очень темную ночь, когда съ неба падалъ дождь и снѣгъ, а на землѣ было грязи выше ступни, Бурка вдругъ пустился по направленiю къ ущелью и сталъ яростно лаять. Овчаръ выскочилъ изъ конюшни и, замѣтивъ по остервенѣнiю собаки, что кто-то есть за амбаромъ, разбудилъ Слимака. Они оба вооружились шестомъ и топоромъ и, спотыкаясь въ грязи, по-

шли за собакой, которая нѣсколько разъ провизжала, точно ее кто-то толкнулъ.

— Воры тутъ,—прошепталъ Матекъ. Въ то же время послышались шаги, точно двое людей несли тяжесть.

— На бери!.. на бери!..—уговаривали они Буреу, который, чуя за собой своихъ хозяевъ, напиралъ все сильнѣе.

— Приняться намъ за нихъ,—спросилъ Матекъ Слимака,—или оставить въ покоѣ?

— Коли я не знаю, сколько ихъ,—отвѣтилъ Слимакъ.

Въ эту минуту отъ поселка Гамера замелькалъ свѣтъ, а на проѣзжей дорогѣ послышался топотъ лошадей и крики.

— Лови! держи!..

— Слушай!..—крикнулъ Овчаръ, а Слимакъ, выдвинувшись за амбаръ, прокричалъ:

— Это вы! кто вы такіе?..

Тутъ въ нѣсколькихъ шагахъ передъ нимъ на землю упало что-то тяжелое, а въ темнотѣ отвѣтили:

— Подожди, швабскій сторожъ! узнаешь, кто это такіе...

— А ну его!—крикнулъ Слимакъ.

— Бей его!—подхватилъ Овчаръ.

И они ощупью зашагали къ лѣсу. Но воры стрѣлой убѣжали въ ущелья, проклиная Слимака.

Тотчасъ прискакали нѣмцы на лошадяхъ, а Гендрекъ выбѣжалъ на дворъ съ лучиной. Всѣ сошлись за амбаромъ и при красномъ отблескѣ лучины нашли въ грязи уже заколотую свинью.

— О, наша свинья!—воскликнулъ Фрицъ Гамеръ.

— Украли у васъ?—спросилъ Слимакъ.

— Убили и украли, хотя въ избѣ огонь горѣлъ.

— Смѣллыя бестии!—проворчалъ Овчаръ.

— Мы думали,—проговорилъ съ лошади работникъ Гамеровъ,—что это вы крадете. И онъ засмѣялся.

— Хорошо вы благодарите насъ за помощь! Чтобы васъ...—пробормоталъ Слимакъ.

— Пойдемъ за ними,—говорилъ взбѣшенный Фрицъ,—можетъ, и поймемъ котораго изъ нихъ.

— Ну, такъ ступайте-же,—отвѣтилъ сердито Слимакъ.—Вишь

какіе!.. Въ избѣ толкуютъ, что мы крадемъ, а тутъ просятъ, чтобы за нихъ шею подставлять.

— Я пойду съ ними, тятенька, просился Гендрекъ.

— Возвращайся домой и тащи Бурку за шиворотъ, — брякнулъ отецъ. — Мы такую свинью имъ спасли, что намъ воры за то угрожаютъ, а они говорятъ, что мы крали!..

Фрицъ Гамеръ успокоивалъ ихъ и даже виругалъ неловкаго работника, но мужики вернулись домой. Правда, вмѣсто ихъ прибѣжало нѣсколько мужчинъ изъ колоніи, но Гамеръ уже потерялъ охоту къ облавѣ.

Нѣмцы забрали свинью и въ темнотѣ по грязи вернулись въ свой хуторъ.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ урядникъ, выслушалъ колонистовъ, выспросилъ Сликама, навѣстилъ Юзеля, обыскалъ лѣсъ во всѣхъ направленіяхъ, воспотѣлъ, выпачкался въ грязи, но никого не нашель. Однако, изъ этихъ поисковъ онъ сдѣлалъ очень справедливый выводъ, что воры давно убѣжали.

И такъ приказавъ Сликамовой положить въ телѣгу горшокъ масла и желтую курицу съ черными пятнышками, онъ вернулся домой.

Кражи на нѣкоторое время прекратились; однако же, Сликама, помня угрозы, постоянно раздумывалъ о томъ, что нужно запастись скобками для избы и амбара и засовами для конюшни и хлѣва. Сообразивъ же все, какъ слѣдуетъ, въ своей головѣ, онъ ждалъ, пока ему придетъ охота истратить деньги на желѣзо и выстругать шести. Оба дѣла онъ откладывалъ со дня на день, помня поговорку: «что скоро, то не споро», и ожидая или еще лучшаго плана обезпеченья, или болѣе постоянной погоды.

— Скобки купить надо, — говорилъ онъ, — по на что мнѣ сапоги портить по такой грязи?

Между тѣмъ зима установилась. На пригоркахъ выросъ снѣжный тулупъ толщиной въ локоть, Бялку прикрылъ ледъ, твердый, какъ камень, проѣзжія дороги выгладились и вѣтви деревьевъ Господь Богъ пріодѣлъ въ снѣжныя рубашечки, а Сликама продолжалъ размышлять о засовахъ и скобкахъ. Онъ курилъ трубку, такъ что въ избѣ было дымно, закидывалъ погу на ногу, или,

сидя у стола, подпираля голову то правой, то лѣвой рукой и размышляля, все размышляля. И именно, когда онъ былъ уже во второй половинѣ своихъ размышлений, однажды вечеромъ въ избѣ вбѣжалъ Гендрекъ, очень взволнованный. Мать, возившаяся у печки, не обратила вниманія на мальчика; но отецъ, хоть въ избѣ было не особенно свѣтло, замѣтилъ, что у Гендрека разорванъ армякъ, растрепанъ хохоль и синяки подъ глазами.

Слимакъ какъ бы невзначай осмотрѣлъ съ той и другой стороны запыхавшагося Гендрека, обдумалъ то, о чемъ думалъ, вытряхнулъ трубку, отплюнулся и сказалъ:

— Кажется мнѣ, парень, что тебѣ кто-то въ морду далъ?.. и навѣрно раза три..

— Я ему лучше далъ,—отвѣтилъ насупившійся Гендрекъ.

Мать въ эту минуту была въ сѣняхъ, такъ что она не слышала этого разговора. Отецъ-же не слѣдилъ съ распросами, потому что въ эту самую минуту прочищаль засорившійся чубукъ прутомъ. Только продувъ его, онъ продолжалъ допросъ:

— А кто-жь тебя такъ угостилъ?

— Извѣстно, этотъ песь Германъ,—пробормоталъ Гендрекъ, передернувъ лопатками, точно его что-то кусало.

— Этотъ отъ Гамера?—спрашивалъ отецъ.

— Конечно, онъ.

— А что-же ты дѣлалъ у Гамера, когда тебѣ запрещено туда ходить...

— Только что заглядывалъ въ окно къ бакалаврамъ,—отвѣтилъ сильно покраснѣвшій мальчикъ и тотчасъ прибавилъ:

— А этотъ, нѣмецкое отродье, вылетѣлъ изъ кухни и ореть: «Что ты тутъ подсматриваешь, воръ». «Что я у тебя украмъ?»—говорю я.—«Еще ничего,—говорить онъ,—но навѣрняка украдешь». И сейчасъ-же кричитъ: «Убирайся отсюда, потому что я тебѣ дамъ въ зубы!» А я говорю: «Попробуй!» А онъ: «Ужъ попробоваль». А я: «Можетъ, еще разъ попробуешь?» А онъ: «Вотъ тебѣ еще разъ»...

— Разохотился швабы! — проворчалъ Слимакъ. — А ты ему ничего?

— Что мнѣ съ нимъ было дѣлать?—окрысился Гендрекъ.—Я

схватилъ полѣно и легонько сбѣздилъ его по шеѣ... Можетъ, два, ну, хоть-бы и три раза. А этотъ подлець тотчасъ на землю бряпнулся и краску пустилъ. Хотѣлъ я ему еще подбавить за хитрость, но изъ избы выбѣжали тѣ. Даже у Фрица было ружье въ рукѣ, такъ что я удралъ.

— И не догнали тебя?

— Ого! гдѣ меня догнать, когда я мчался, какъ заяцъ.

— Горе мнѣ съ этимъ парнемъ,—проговорила мать, выслушавъ рассказъ.—Еще его пѣмцы когда-нибудь укукошатъ.

— Что ему сдѣлается. Онъ быстрѣе ихъ бѣгаетъ и всегда отъ нихъ увернется.

Онъ набилъ трубку и опять сталъ размышлять о ворахъ, скобкахъ и засовахъ. Но на другой день въ самый полдень, въ избѣ Слимака подошли Фрицъ Гамеръ, его братъ Вильгельмъ и работникъ Германъ, съ головой такъ обвязанной тряпками, что у него едва одинъ глазъ былъ видѣнъ. Они встали втроемъ на дорогѣ, а Фрицъ крикнулъ Овчару:

— Эй тамъ!.. Скажи хозяину, чтобы онъ къ намъ вышелъ.

Слимакъ услышалъ крикъ и выбѣжалъ за ворота, поспѣшно застегивая на ходу поясъ отъ рубахи.

— Чего надо?—спросилъ онъ.

— Мы идемъ жаловаться въ судъ на этого разбойника,—кричалъ разсерженный Фрицъ.—О! взгляни, какъ онъ изувѣчилъ Германа... А тутъ у меня фельдшерское свидѣтельство о томъ, что раны опасны,—говорилъ онъ, показывая мужику бумагу.—Насидится онъ въ тюрьмѣ, этотъ вашъ Йендрекъ...

— Ему захотѣлось подлипать къ дочкѣ бакалавра!.. Будетъ подлипать за рѣшеткой!.. лепеталъ несвязно Германъ, потому что ротъ у него былъ два раза завязанъ.

Слимакъ нѣсколько встревожился.

— Стидились-бы вы, сказали онъ,—изъ-за такой глупости въ судъ ходить. Вѣдь и Германъ-же далъ мальчику два раза въ морду, а мы въ судъ не идемъ.

— Ага! дакъ, такъ точно... лепеталъ Германъ.

— А гдѣ у него знаки?.. гдѣ кровь?.. гдѣ свидѣтельство фельдшера?..

— Нечего сказать, хороши вы!—говорилъ Слимакъ.—Когда мы вамъ свинью спасли, то даже ни одинъ не сказалъ уряднику, что это мы. А когда мальчишка изъ шалости хватилъ Германа палкой, такъ вы ужъ въ судъ бѣжите...

— Вѣрно, у васъ свинья значить столько-же, сколько и человекъ,—отвѣтилъ Фрицъ.—Но у насъ не позволено человека изувѣчить... Какъ посидитъ въ тюрьмѣ, отучится разбойничать хамское отродье...

И они пошли втроемъ въ волость.

Послѣ этого случая Слимакъ забылъ о ворахъ, скобкахъ и засовахъ, но началъ размышлять о томъ, что судъ сдѣлаетъ съ Иендреконъ? Онъ часто также призывалъ на совѣщанье Овчара.

— Знаешь-ли ты, Матекъ,—говорилъ онъ,—я такъ рассчитываю, что какъ въ судѣ поставятъ такого маленькаго Иендрека при такомъ громадномъ Германѣ, то, можетъ, мальчугъ ничего не будетъ?

— Все-же,—продолжалъ Слимакъ,—любопытно, какое наказание ему можетъ выйти за побой?

— Извѣстное дѣло, головы ему не снимутъ,—отвѣтилъ Овчаръ,—и даже ничего особеннаго съ нимъ не сдѣлаютъ. Я помню, что когда Тимонъ Кравчикъ до крови избилъ Вуйтика, то Тимоша на двѣ недѣли посадили подъ арестъ. А когда Потопкая, та жена Андрея, изувѣчила горникомъ Маколонгвианку, то ей приказали штрафъ заплатить.

Слимакъ задумался и сказалъ черезъ минуту:

— Такъ, правда. Вѣдь и у насъ люди дрались, а ни одинъ въ тюрьму не попалъ. Я только боюсь, что пѣмецъ, можетъ, считаться дороже мужика.

— Чего ему быть дороже, такому цехристу?

— Но все же... припомни-ка, какъ съ ними самъ урядникъ обходится. Даже съ Грибомъ онъ не станетъ такъ разсуждать, какъ съ Гамеромъ.

— Это правда. Но и урядникъ, осмотрѣвшись, скажетъ вамъ съ глазу на глазъ, что пѣмецъ—это паршивецъ.

— У пѣмцевъ свой царь,—проговорилъ Слимакъ.

— Но ихъ царь въ сравненіи съ нашимъ лице подчиненное.

Я вѣдь знаю, потому что я сидѣлъ въ больницѣ съ однимъ солдатомъ, онъ всегда толковалъ: «куда ему!»...

Последнее это замѣчаніе нѣсколько успокоило Сливака. Тѣмъ не менѣе, однако, онъ постоянно думалъ о наказаньи, которому можетъ подвергнуться Іендрекъ, а въ ближайшее воскресенье вмѣстѣ съ женою и сыномъ пошелъ въ церковь, чтобы спросить вмѣстѣ у людей, лучше знакомыхъ съ судебными порядками. Въ домѣ остался одинъ Овчаръ, забавляясь съ найденнымъ и присматривая за горшками въ печи. Было уже за полдень, когда на дворѣ началъ необычайно злиться Бурка. Собака лаяла, точно кто ее дразнилъ. Овчаръ выглянулъ изъ окна и у избѣ увидѣлъ чужого человѣка въ городскомъ платьѣ. На немъ былъ длинный сѣрый кафтанъ и рыжій башлыкъ на головѣ, вслѣдствіе чего лица его было почти не видно. Рабочій вышелъ за ворота.

— А чего вамъ?

— Смилуйтесь, хозяинъ,—отвѣтилъ чужой,—и помогите намъ бѣдѣ. Тутъ недалеко, за вашей избой, сани у насъ попортились и я даже не могу ихъ починить, потому что у меня сегодня ночью топоръ украли изъ плетеной корзины.

Овчаръ присматривался къ нему съ недоумѣніемъ.

— Издалека вы, что-ли?—спросилъ онъ.

— Шесть миль отсюда. Мы ѣдемъ съ женою къ роднымъ еще на четыре мили. Хорошей водки вамъ дамъ и колбасы, какъ меня выручите.

При упоминаніи о водкѣ, подозрѣнія Матека немного ослабли. Онъ еще покачалъ головой, раза два вытянулся, по подвѣсивъ конецъ, желая выручить ближняго, оставилъ найденныша въ избѣ и съ топоромъ пошелъ за путникомъ.

Дѣйствительно, недалеко отъ избѣ стояли сани, запряженныя въ одну лошадь въ дышлѣ, а въ саняхъ корчилась баба, еще лучше закутанная, чѣмъ ея мужъ. Увидѣвъ Овчара, баба начала благословлять его плаксивымъ голосомъ, путникъ-же поступилъ еще почтениѣе, потому что сразу вышелъ за здоровье Матека изъ большой фляжки.

Работникъ, отговорившись изъ приличія, потянулъ изъ фляжки, такъ, что на глазахъ у него выступили слезы, и принялся за по-

чинку санокъ. За ними было немного работы, можетъ, на полчаса, несмотря на это благодарность путниковъ по отношенію къ работнику была безгранична. Баба дала Овчару кусокъ колбасы и четыре кренделя, а ея мужъ такъ разчувствовался, что воскликнулъ:

— Однако, я проѣхалъ путину, но нигдѣ не встрѣчалъ такого честнаго парня, какъ ты, братецъ. За то—я оставлю тебѣ память. Нѣтъ-ли у тебя, братецъ, бутылки?

— Въ избѣ, можетъ, и найдется,—отвѣтилъ Матекъ неувереннымъ отъ радости голосомъ, чувствуя, что ему оставляютъ.

Путникъ столкнулъ бабу съ сидѣнья и вытащилъ черную бутылку изъ толстаго стекла.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ работнику.—Ты мнѣ дамъ за хлопоты нѣсколько гвоздей на случай, если-бы сани еще разъ испортились, а я за твою помощь, дамъ тебѣ такой настойки, что куда твоя водка!.. потому въ ней и водка есть, и лекарство.

Они шли бойко къ избѣ, а пріѣзжій говорилъ:

— Заболитъ у тебя голова, заболитъ брюхо хлебни рюмочку этой настойки. Не можешь спать, или у тебя огорченье какое, или лихорадка начнетъ тебя трясти, а ты хлебнешь моей настойки и болѣзнь выйдетъ изъ тебя, какъ паръ.

— Смотри, почитай-же эту настойку,—говорилъ пріѣзжій,—и не всякому давай ее, потому что это настойка особаго рода. Еще мой покойный дѣдъ научился дѣлать ее у монаховъ въ Радечницѣ. Даже отъ дурнаго глазу она почти такъ-же помогаетъ, какъ святая вода.

Накопецъ они дошли до избы. Матекъ вошелъ туда за гвоздями и бутылкой, а пріѣзжій остался на дворѣ, небрежно разглядывая постройки и отмахиваясь отъ Вурки, который бѣшено лапалъ на него. Въ другое время эта злоба собаки могла-бы заставить Овчара призадуматься, но теперь трудно было подозрѣвать гостя, который, за небольшой трудъ, далъ ему водки, колбасы и еще общалъ волшебнаго напитка. Работникъ вынесъ тогда изъ избы пузатую бутылку и, улыбаясь, подаль ее пріѣзжему. Тотъ же налилъ ему полторы сороковки настойки, напоминая,

чтобы онъ не угощаль ея кого попало, и самъ пользовался только въ важныхъ случаяхъ.

Наконецъ они простились. Пріѣзжіи побѣжалъ къ санямъ, а Овчаръ заткнулъ свою бутылку тряпочкой и спряталъ въ конюшнѣ подъ яслими. Ему очень хотѣлось попробовать хоть бы капельку такого чудотворнаго пашитка, но онъ овладѣлъ собою, подумавъ:

— Вѣдь болѣзни не разъ приключится съ человѣкомъ? Лучше отложить на такой часъ.

Въ этомъ случаѣ Матекъ выказалъ необычайную душевную силу, потому что къ несчастью Слимаковы засидѣлись въ церкви и бѣднягъ было не съ кѣмъ даже словечкомъ перекинуться. Онъ отобѣдалъ, просидѣвъ за обѣдомъ долѣе обыкновеннаго, ублаживалъ найденыша и рассказывалъ ей то о больницѣ, гдѣ ему вправили сломанную ногу, то о проѣзжихъ, которые такъ щедро угостили его. Но несмотря на всякую осторожность, ему постоянно приходила въ голову спрятанная подъ яслими настойка мапаховъ изъ Радечницы. Куда бы онъ ни взглянулъ, онъ вездѣ видѣлъ ее. Пузатая бутылка выглядывала изъ за горшкови на печи, зеленѣла на стѣнѣ, блестяла подъ скамейкой, чуть не стучала въ окно, а бѣдный Матекъ только замуривалъ глаза и думалъ:

— Брось! пригодится она для болѣе тяжелыхъ временъ.

Незадолго до захода солнца Овчаръ услышалъ на дорогѣ веселое пѣнье. Онъ выбѣжалъ за ворота и увидѣлъ семью Слимаковыхъ, возвращающуюся изъ церкви. Они были на самой горѣ и, казалось, что темные силуэты ихъ сходятъ на снѣгъ съ краснаго неба. Гендрекъ съ закинутой вверхъ головой и заложеными за спину руками, шагаль по лѣвой сторонѣ дороги, хозяйка въ малиновой душегрѣйкѣ, разстегнутой такъ, что виднѣлись рубашка и грудь, шла по правой сторонѣ дороги, а хозяйинъ въ шапкѣ на бекрень, подобравъ рукою армякъ, какъ бы для танца, перебѣгалъ справа на лѣво и слѣва на право, распѣвая:

«За амбаронъ, за амбаромъ,
Ты оставь меня въ покоѣ,—
Закричу,—тогда держись,
Крикъ услышитъ даже бабши!»

«Закричишь, не закричишь-ли,—
Заупрямлюсь, такъ не сладись»...

Работнику даже стало приятно отъ ихъ веселости и онъ смѣялся, не тому, что они черезъчуръ подвыпили, по—что имъ было такъ хорошо на свѣтѣ.

— Знаешь, Матекъ!.. крикнулъ Слимакъ, издалека замѣтивъ стоящаго у воротъ,—знаешь, Матекъ, швабы съ нами ничего не подѣлаютъ!..

Онъ добѣжалъ бѣгомъ и тяжело оперся на шею Овчару.

— Знаешь, Матекъ,—разсуждалъ хозяинъ, идя съ нимъ къ избѣ,—мы встрѣтили у обѣдни Яська Гриба. Бестія мужикъ, по добрый!.. Какъ мы ему разсказали, что Гендрекъ отдулъ Германа, то съ радости онъ поставилъ намъ даже четвертную водки и божился, что все счастливо окончится, что судъ оправдаетъ мальчугана... А Ясекъ знаетъ толкъ, потому что и писалъ при канцеляріи и самъ не разъ бывалъ подъ судомъ за различныя продѣлки. Го! го! онъ знаетъ толкъ...

— Если бы меня они засадили въ пороховой складъ, то я бы ихъ сжегъ... прибавилъ сильно раскраснѣвшійся Гендрекъ.

— Не озорничай!—выбрала его мать,—потому что какъ они и въ самомъ дѣлѣ погорятъ, на тебя падеть подозрѣнье...

Въ такомъ настроеніи духа вошли всѣ въ избу и усѣлись за ѣду. Но у нихъ это какъ то не клеилось. Хозяйка, подавая щи, вылила ихъ больше на столъ, чѣмъ въ миску; у хозяйки вовсе не было аппетита, а Гендрекъ забылъ, въ которой рукѣ надо держать ложку. Онъ перекладывалъ ее изъ правой въ лѣвую, зализъ армякъ, обварилъ отцу ногу и, наконецъ, пошелъ спать. Примѣру его не замедлили послѣдовать родители и вскорѣ вся семья Слимаковъ спала, какъ убитая. Овчаръ опять остался одинокимъ, ему не съ кѣмъ было словечкомъ перемолвиться и — опять ему припомнилась пузатая бутылка подъ яслями. Напрасно онъ думалъ того, чтобы развлечься, поправлялъ потухающіе уголья въ печи или выдвигалъ узелъ трещачей свѣтильни. Храпѣнье Слимаковъ и его настроило ко сну, а послящійся въ избѣ запахъ водки наполнялъ его невыразимой тоской. Напрасно отгонялъ онъ отъ себя непріятныя мысли, которыя кружились надъ его головой. какъ

бабочки надъ огнемъ. Едва забылъ онъ о больницѣ, тотчасъ его начинала томить тоска о печальномъ положеніи найденыша; едва забывалъ о бѣдѣ ребенка, тотчасъ начиналъ горевать о своей собственной.

— Нечего дѣлать, — пробормоталъ онъ, — падо и мнѣ спать идти... Онъ завернулъ найденыша въ тулупъ и пошелъ въ колюшню. Тутъ онъ улегся въ своей берлогѣ, согрѣваемый теплымъ дыханьемъ лошадей, закрывалъ глаза, но—все напрасно. Сонъ не приходилъ, потому что спать было еще слишкомъ рано.

Наконецъ, ворочаясь съ боку на бокъ, онъ невольно задѣлъ рукой за бутылку съ напиткомъ монаховъ. Онъ отодвинулъ ее, но бутылка, парушая законы безпомощности, все настойчивѣе попадалась ему въ руку. Онъ хотѣлъ крѣпче засунуть тряпочку въ отверстіе, но она осталась у него въ рукахъ, когда же онъ машинально поднесъ бутылку къ глазамъ, чтобы въ потьмахъ посмотрѣть, что съ нею дѣлается, горлышко удивительнаго сосуда подскочило къ его рту и Матекъ, даже не думая о томъ, что онъ дѣлаетъ, хлѣбнулъ пзрядный глотокъ цѣлебной настойки. Хлѣбнулъ и скорчилъ гримасу въ потьмахъ, потому что настойка была не только крѣпкая, но еще горькая. Обыкновенно лекарство.

— Было же на что лакомиться!—подумалъ Овчаръ и, заткнувъ бутылку, засунулъ ее глубже подъ ясли. Выбѣстъ съ тѣмъ онъ порѣшилъ въ будущемъ быть осторожнѣе и не пить безъ надобности настойки, которая вовсе не отличалась вкусомъ.

Онъ прочелъ молитву и тотчасъ ему стало теплѣе и спокойнѣе. Онъ припомнилъ возвращенье Слимаковъ изъ церкви и — странная вещь—они встали у него передъ глазами, какъ живые. Вдругъ Іендрекъ куда-то дѣвался. (Овчаръ въ эту минуту не былъ увѣренъ вообще, существовалъ ли какой Іендрекъ на свѣтѣ!) Слимакъ пошелъ спать, но куда-то очень и очень далеко, а подлѣ него осталась только хозяйка въ разстегнутой малиновой душегрѣйкѣ, изъ подъ которой виднѣлись нѣсколько пиковъ коралловъ, откинутая рубашка и бѣлая грудь. Овчаръ закрылъ глаза и еще прижалъ ихъ пальцами, чтобы не глядѣть. Не смотря на то, онъ постоянно видѣлъ Слимакову, которая улыбалась ему страннымъ манеромъ. Онъ накрылъ голову тулупомъ — напрасно. Баба

все стоитъ и глядитъ на него такъ, что Матека огнемъ палить. Сердце у него начинаетъ сильно биться, въ жилахъ онъ чувствуетъ горячую смолу. Отвернулся къ стѣнѣ, вдругъ (о страшный часъ!) онъ чувствуетъ, что кто-то подлѣ него и шепчетъ: «подвинься...» Онъ подвинулся, такъ что уже пѣтъ мѣста, но не смотря на это, опять слышитъ тотъ же самый голосъ, который говорить: «ну, подвинься...» «Куда же я подвинусь, когда тутъ стѣна?..» спрашиваетъ Матеку. «Подвинься же!...» шепчетъ голосъ тихій и нетерпѣливый и въ тоже время теплая рука обнимаетъ его за шею.

Теперь Овчару кажется, что его берлога начинаетъ проваливаться вмѣстѣ съ нимъ. Летитъ... летитъ... летитъ... Боже, куда онъ упадетъ, онъ несется по воздуху, легкій, какъ перо, какъ дымъ. Отверываетъ глаза и видитъ надъ спѣжнымъ пригоркомъ небо темное, искрящееся звѣздами. Откуда небо, вѣдь онъ же лежитъ въ запертой конюшнѣ?.. А однако небо видно. Какимъ образомъ?... Нѣтъ ужъ не видать, тьма опять окружила его. Онъ хочетъ шевельнуться, но не можетъ. Впрочемъ, на что ему шевелиться, когда ему и такъ хорошо? Развѣ есть на свѣтѣ вещь, для которой стоило бы даже палецъ согнуть? Нѣтъ такой, или, скорѣе, есть только одна—сонъ, который его охватываетъ въ эту минуту; сонъ до того глубокий, что Овчару никогда не хотѣлось бы отъ него пробудиться. Ахъ... ахъ... Онъ дышитъ тяжело и засыпаетъ, засыпаетъ, засыпаетъ...

Отъ сна безъ грезъ, который, должно быть, продолжался часовъ десять, Матека пробудило ощущение страданья. Онъ почувствовалъ сильный толчокъ. Кто-то пнулъ его ногой въ бокъ, потомъ въ голову, затѣмъ началъ хватать за руки и дергать за волосы, крича:

— Вставай ты, разбойникъ!... вставай!...

Овчаръ машинально хотѣлъ встать, но только перевернулся на другой бокъ. Тогда удары въ голову и дерганье повторились съ еще большей силой и какой-то голосъ заглушенный (такъ казалось работнику) продолжалъ кричать:

— Вставай ты!... Чтобы тебя свитая земля не посила!...

Матеку поднялся и усѣлся. Но такъ какъ дневной свѣтъ рѣ-

заль ему глаза, а голова отяжелѣла, какъ камень, то онъ опять закрыль глаза, оперся подбородкомъ на руки, сѣдя. Онъ сталъ собираться съ мыслями и въ первую минуту ему казалось, что онъ горить.

Теперь его ударили кулакомъ по лицу разъ и второй. Онъ съ трудомъ отомкнуль вѣки и убѣдился, что бьетъ его Слимакъ. Мужикъ обезумѣль отъ гнѣва.

— За что вы меня бьете?—спросиль недоумѣвающей Матекъ.

— Гдѣ лошади, разбойникъ ты этакій?... кричалъ Слимакъ.

— Лошади?... пробормоталь Матекъ. Онъ выползъ на четверенькахъ изъ своей берлоги на воздухъ и еще разъ повториль:

— Лошади... какія лошади?...

Вдругъ у него началась тошнота. Онъ нѣсколько очнулся и заглянулъ въ глубину конюшни. Ему казалось, что въ ней чего-то не достаетъ. Онъ потеръ лобъ, какъ бы желая пробудить лѣнныя мысли, и опять взглянулъ. Конюшня была пуста.

— А гдѣ лошади? спросиль теперь Овчаръ.

— Гдѣ? крикнуль Слимакъ. Тамъ, куда ихъ завели твои братья, разбойникъ!...

Работникъ отъ недоумѣнья разставиль руки.

— Я лошадей не выводиль,—сказаль онъ, — я всю ночь не двигался отсюда... Что-то со мной приключилось, потому что я даже боленъ...

И онъ зашатался такъ, что долженъ былъ ухватиться рукой за обшивку конюшни.

— Что ты толкуешь?.. притворяешься дуракомъ, не видишь развѣ, что у меня лошадей украли?.. говорилъ, кипящій гнѣвомъ Слимакъ. А вѣдь тотъ, кто кралъ, долженъ былъ ворота отворить и черезъ тебя скотинку переводить.

— Никто ворота не отворяль, никто черезъ меня лошадей не выводиль, накажи меня Богъ!.. говорилъ Овчаръ, ударяя себя въ грудь.

И вдругъ онъ расплакался. Въ эту минуту изъ за амбаровъ прибѣжали Иендрекъ и Слимакова.

— Тятецька!—кричалъ мальчикъ.—За плетнемъ лежить издохшій Бурка.

— Отравили его разбойники, — прибавила баба, потому у собаки иѣна изо рта шла... Даже на мордѣ у пей замерзла.

Овчарь, не будучи въ состояннн встать, усѣлся на порогѣ конюшни.

— А вотъ и съ тѣмъ что-то приключилось, — отвѣтилъ Слимакъ, — потому что онъ какъ бы безъ памяти. Я едва его добудился... И еще съ нимъ рвота началась...

— Пусть бы смерть приключилась! — крикнула Слимакова, грозя кулакомъ. Спалъ въ конюшнѣ и далъ лошадей украсть... Пусть бы земля его вывернула, когда онъ издохнетъ!

Иендрекъ оглянулся за камнемъ, желая имъ бросить въ Овчара, но—его остановили родители. Присмотрѣвшись поближе къ работнику, они замѣтили въ немъ поразительныя перемѣны. У него было сѣрое лицо, блѣдныя, какъ у мертвеца, губы и впалые глаза.

— Можетъ, и его отравили? прошептала хозяйка.

Слимакъ пожалъ плечами, не зная, что отвѣтить. Наконецъ онъ сталъ спрашивать работника: не былъ-ли вчера кто въ избѣ во время ихъ отсутствія и не угощалъ ли его кто?

Медленно и съ трудомъ, однако ничего не скрывая, рассказаль имъ Матекъ о томъ проѣзжемъ, которому онъ починилъ санки, а также и о пастойкѣ монаховъ изъ Радечницы и окончилъ, рыдая:

— Извѣстно, мени опоили какимъ-то пасуднымъ зельемъ, чтобы лошадей вывести...

Слимакъ вмѣсто того, чтобы умилостивиться, опять раздражился:

— Но вѣдь ты же взялъ отъ него настойку, — кричалъ онъ, — и пилъ ее?.. И тебѣ не пришло въ голову рассказать мнѣ объ этомъ, когда мы вернулись отъ обѣдни... Что?

— Что мнѣ вамъ было рассказывать, — отвѣтилъ Матекъ, — когда вы сами были чутьчку хмѣльны.

— Тебѣ нѣтъ никакого дѣла до этого! — взвизгнулъ Слимакъ. — Не твое дѣло, собака, смотрѣть, пьянъ-ли я, твое дѣло еще лучше присматривать, когда я напился... Ты такой же разбойникъ, какъ и тѣ, даже хуже, потому что ты меня продалъ, хоть я тебя прощупилъ, когда ты издыхалъ отъ голоду.

— Ой! не говорите такъ... простоналъ Овчаръ. Онъ сползъ съ порогу и упалъ въ ноги Сликаму. — Я выслужилъ у васъ, — рыдалъ онъ нѣсколько рублей жалованья... У меня есть тулупъ, армячишка и сундучекъ... Берите это, но не говорите, что я продалъ васъ... Вѣдь собака не была вѣрнѣ меня, а ее также отравили.

Но упрямый Сликакъ оттолкнулъ его.

— Не заговаривай мнѣ зубовъ!—говорилъ онъ сердито. Сундукъ мнѣ отдаетъ и свое жалованье, а лошади стоили восемьдесятъ рублей. Я цѣлый годъ не скопилъ столько, чтобы себѣ новыхъ купить... Восемьдесятъ рублей, о Исусе! Восемьдесятъ рублей мнѣ придется издержать изъ за этого пса... Если-бы ты былъ моимъ роднымъ дитятей, а не только бродягой, то я бы тебѣ и то не простилъ... Оба мальчугана, хоть и мои сыновья, не стоили мнѣ столько...

Гнѣвъ его возрасталъ. Мужикъ тряся, сжималъ кулаки и кричалъ:

— Впрочемъ, чего мнѣ хлопотать! Ты потерялъ лошадей—найди, или я на тебя пожалуюсь въ судъ, какъ на разбойника... Ступай, куда хочешь, ищи, какъ хочешь, но безъ лошадей мнѣ на глаза не показывайся, потому что моя смерть, или твоя!.. Ты такъ мнѣ опостылѣлъ за это злодѣйство, что еще схвачу топоръ и разможжу тебѣ голову...

— А п этого возьми, Зоськинаго байстрюка, потому тутъ издохнетъ и—ступайте прочь... Вернешься съ лошадьми—все тебѣ прощу. Но если безъ лошадей воротнись, такъ лучше повѣсься, только ужъ мнѣ никогда на глаза не показывайся...

— Буду искать, — воскликнулъ Матекъ, — и принялся дрожащими руками папалывать старый тулупъ. Можетъ, мнѣ Господь Богъ поможетъ...

— Дьявола проси, чтобы онъ тебѣ помогъ, когда ты такой подлець, что лишаешь меня достоянья! — пробормоталъ Сликакъ и отвернулся, идя въ избу.

— А сундукъ оставь, сказалъ Гендрекъ.

— Отплатилъ ты намъ за нашу ласку! — прибавила хозяйка, обтирая глаза передникомъ.

И всё трое пошли въ избу. Никто не бросилъ на Матека ласковаго взгляда, хоть онъ покидалъ ихъ, можетъ быть, навсегда. Матекъ остался одинъ, по маленьку готовясь къ дорогѣ. Онъ одѣлъ найденыша въ свой жилетъ, закуталъ въ обрывокъ армяка а потомъ въ платокъ. Самъ онъ опоясался поясомъ и выискалъ на дворѣ толстую дубину. Голова у него очень болѣла и онъ чувствовалъ такой упадокъ силъ, какъ послѣ самой тяжелой болѣзни. Но онъ ужъ могъ мыслить и понять положенье. Онъ не сердился на Сликама за то, что тотъ его отколотилъ и выгналъ изъ дому, потому, что, знамо дѣло хозяинъ былъ правъ; онъ не боялся, что съ этой минуты не имѣлъ крыши надъ головой, потому что подобныя ему никогда ее не имѣютъ. Онъ даже не тревожился о будущемъ ни за себя, ни за сироту, потому что вѣдь мѣръ великъ, а Господь Богъ всюду. За то его мучило другое сожалѣнье: объ уграденныхъ лошадяхъ. Лошади для Сликама были рабочими машинами, но для Овчара—друзьями и братьями. Кто тосковалъ по немъ на этомъ свѣтѣ, кто искренно привѣтствовалъ его, выходящаго въ конюшню, или прощался съ нимъ выходящимъ, если не Войтекъ и Гидько? Столько лѣтъ были вмѣстѣ, терпѣли бѣду, помогали другъ другу, развеселяли другъ друга въ одиночествѣ и вотъ теперь уже нѣтъ этихъ друзей! Кто-то укралъ ихъ, увелъ на горюшко, а онъ Овчаръ, допустилъ это... Матеку казалось, что онъ слышитъ ихъ ржанье. Смекнули бѣдняги, въ чемъ дѣло и вызываютъ работника на помощь. Иду! иду! пробормоталъ онъ. Онъ взялъ закутанную дѣвочку на одну руку, дубину въ другую и пошелъ, хромяя, за амбары. Онъ не оглянулся даже на избу; наглядитесь еще, когда вернется съ лошадьми... За амбаромъ онъ увидѣлъ растянувшася Бурку, но онъ не имѣлъ времени думать о немъ, потому что онъ увидѣлъ слѣды лошадей, запечатлѣвшіеся на снѣгу, какъ на воскѣ. Тутъ видны большія копыты Гидьки, тутъ попорченное копыто Войтка, а тамъ на нихъ усѣлись разбойники прямо. Какъ они увѣрены въ себѣ, какъ безпечны! Но Овчаръ найдетъ васъ, хоть онъ хромой и ослабѣвшій, потому что въ немъ проснулось мужицкое упрямство. Хоть-бы вы убѣжали на край свѣта, онъ пойдетъ на край свѣта; хоть-бы вы зарылись въ землю, онъ руками разроетъ землю; хоть-бы вы взлетѣли на

пебо, онъ и до неба доберется, будетъ молча стоять у воротъ и до тѣхъ поръ надождать святымъ своей покорностью, пока они не разбѣгутся по небу и не выдадутъ ему лошадей. Слѣды съ поля свернули на дорогу, ведущую въ деревню, гдѣ была церковь, но вовсе не псчезли. Матекъ видѣлъ ихъ отлично и читалъ въ нихъ цѣлую исторію путешествія. Тутъ Гнѣдка споткнулся, тутъ испуганный Войтекъ соскочилъ съ дороги, а тутъ разбойникъ сошелъ съ Гнѣдки и поправилъ на немъ узду. Бары эти разбойники! ходятъ красть въ новыхъ сапогахъ; шляхтичъ не постыдился-бы ѣхать въ такихъ на юхоту... Въ деревнѣ Матекъ узналъ, что воры свернули съ дороги, а что хуже, каждый въ другую сторону: тотъ который ѣхалъ на Гнѣдку, — вправо, тотъ, который ѣхалъ на Войтку, — лѣво, можетъ быть, потому что слѣдъ Войтка былъ замѣтнѣе, а можетъ, потому что онъ больше любилъ эту лошадь, Матекъ сошелъ лѣво. Такъ около полудня, постоянно иди за отпечатками копытъ, Матекъ очутился недалеко отъ той деревни, гдѣ жилъ сотскій Гроховскій, кумъ Слимака. Такъ какъ дорожный запасъ былъ не великъ, то Матекъ зашелъ къ Гроховскому рассчитывая, что имъ дадутъ ѣсть, потому что онъ ужъ былъ голоденъ, и сирота поплакивала у него на рукѣ. Онъ нашелъ сотскаго въ избѣ, именно въ то самое время, когда его ругала жена — такъ себѣ безъ всякой причины. Громадный мужчина, сидя на лавкѣ у стѣны, оперся одной рукой на столъ другой на окно и слушалъ бабью руготню съ такимъ величіемъ, точно ему читали отчетъ въ волости. Однако это величіе не было искреннимъ, потому что каждый разъ, какъ жена прятала голову между горшками въ печи, Гроховскій протягивался и зѣвалъ или билъ себя по шеѣ сжатымъ кулакомъ, корча такія гримасы, точно ему уже давно опостылила эта болтовня. При чужихъ жена обыкновенно мирволила сотскому, чтобы не унижить авторитета его должности. Потому-то Гроховскій съ радостью принялъ Овчара; велѣлъ ему подать горячаго кушанья, а ребенку молока. Когда же работникъ донесъ, что у Слимака украли лошадей и что онъ, Матекъ Овчаръ, иди по слѣдамъ разбойниковъ, зашелъ за совѣтомъ къ своему сотскому, Гроховскій — угостилъ его ветчиной и водкой, — готовъ былъ даже составить протоколъ, но къ несчастью,

какъ онъ говорилъ ему, не хватило въ избѣ официальныхъ принадлежностей и бумаги. Въ свою очередь онъ увелъ Матека на секретную бесѣду въ альковъ, гдѣ они шептались съ часъ. Оказалось, что Гроховскій уже давно выслѣживаетъ разбойничью шайбу и даже знаетъ ея предводителей; однако, онъ ничего не можетъ сдѣлать съ ними, потому что онъ ни одного не изловилъ на мѣстѣ преступленья, а что хуже, какія-то сильныя влiянiя связываютъ ему руки. Онъ сказалъ Матеку фамилю проѣзжаго, который за починку такъ угостилъ его настойкой монаховъ изъ Радечницы, а кромѣ того онъ объяснилъ, что ѣхавшая съ нимъ баба, какъ бы жена, ни баба, ни жена, а по просту братъ Юзелева шурина, переодѣтый въ женскiя тряпки. Понялъ также Матекъ, почему вчера молодой Грибъ съ такой охотой принималъ обоихъ Сликамовъ въ той деревнѣ, гдѣ церковь, послѣ обѣдни, такъ что они даже вернулись пьяные, по—побожился сотскому, что до поры, до времени словечка не вымолвить объ этомъ.

— Въ судѣ,—кончилъ Гроховскій, мы ничего не подѣлаемъ съ этими собаками, но одни—мы справимся съ ними, только бы намъ ихъ втихомолку изловить, а прежде всего всѣхъ открыть. И лошади найдутся, твоей головушкѣ нечего тревожиться этимъ.

Овчаръ обнялъ его ноги и сказалъ:

— Все сдѣлаю, что прикажете, сотскiй, хоть бы мнѣ пришлось жизнью заплатиться.

— Сдѣлай вотъ какъ,—отвѣтилъ сотскiй. По слѣду, около моей избѣ, нечего идти, потому что я ужъ знаю, что онъ ведетъ къ Юзелеву шурина. Но меня занимаетъ другой слѣдъ направо отъ проѣзжей дороги, потому что онъ, можетъ быть, заведетъ пасъ къ которому нибудь изъ колонистовъ, а, можетъ быть, и къ тому жиду, который за остаткомъ лѣса присматриваетъ. Ступай же ты, братецъ, по этому слѣду, какъ можно дальше, а если гдѣ нападешь на нихъ, сейчасъ же дай мнѣ знать, ты уже долженъ вернуться къ завтрашнему дню, потому что разбойничье гнѣздо невелико.

— И мы отберемъ у нихъ лошадей?.. спросилъ Матекъ.

— Изъ путра у нихъ вытащимъ! отвѣтилъ сотскiй и глаза у него сверкнули грозно.

Было уже около двухъ, когда Матекъ сталъ прощаться, уходя. Гроховскій намекнулъ, что хорошо было-бы сиротку оставить въ избѣ, но его жена такъ окрысилась, что онъ даже умолкъ. И такъ Овчаръ оиать завернулъ дѣвочку въ обрывокъ армяка и въ платокъ, посадилъ ее на лѣвую руку, взялъ дубину въ правую и пошелъ.

Вернувшись на проѣзжую дорогу, онъ сразу нашель слѣды Гнѣдки и послѣ часовой ходьбы сообразилъ, что конюшня разбойниковъ должна быть гдѣ-то близко въ окрестности, потому что слѣды сильно перепутывались. Сначала они удалялись отъ проѣзжей дороги, потомъ приближались къ ней, опять отдалялись и, наконецъ, исчезали въ кустахъ по другую сторону желѣзнодорожной насыпи. Морозъ все крѣпчалъ, но захывавшійся Матекъ не чувствовалъ холода; по небу отъ поры до времени пролетали тучи, а на землю то сыпался снѣгъ, то переставалъ; но Матекъ искалъ тѣмъ усерднѣе, боясь, чтобы не затерло слѣдовъ. Онъ продолжалъ идти, глядѣлъ подъ ноги и даже не замѣчалъ, что темнѣетъ, а снѣгъ сыплется все чаще и гуще. Очень усталый онъ иногда присаживался, но ненадолго, потому что ему казалось, что онъ слышитъ ржанье Гнѣдки. Разъ даже что-то такъ громко послышалось (можетъ, въ его наболѣвшей головѣ), что онъ бросилъ слѣдъ и, собравъ остатокъ силъ, пошелъ на проломъ за голосомъ. Чѣмъ быстрѣе онъ бѣжалъ, тѣмъ яснѣе ржало; такъ что онъ взбирался на пригорки, заходилъ съ другой стороны, боролся съ удерживающими его кустарниками, падалъ, поднимался и шелъ, все шелъ за голосомъ. Наконецъ ржанье умолкло, и тогда Матекъ замѣтилъ, что онъ между кустарниками, но колѣна въ снѣгу—и что настала ночь.

Онъ съ большимъ трудомъ вскарабкался на пригорокъ, чтобы разглядѣть мѣстность и не заблудиться. Но онъ увидѣлъ только снѣгъ, тамъ и сямъ испещренный кустами. Снѣгъ на право, на лѣво, снѣгъ за нимъ, передъ нимъ, а вокругъ тьма. Изъ-за тучъ не выглядывало ни одной звѣздочки, даже на западѣ погасла вечерняя заря. Ничего, только тьма и снѣгъ, запятнанный черными кустами. Онъ попробовалъ сойти съ пригорка. Тутъ—ему показалось слишкомъ круто, тамъ было слишкомъ много кустовъ. Наконецъ онъ наналъ на болѣе удобный спускъ, ощупывая дубиной,

онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и — рухнулъ съ вышины нѣсколькихъ аршинъ. Истинное счастье, что снѣгу въ этомъ мѣстѣ лежало по поясъ, иначе онъ убился бы вмѣстѣ съ малюткой. Испуганная сиротка тихо зарыдала, (голосъ у нея всегда былъ слабый), и сердце Матека тревожно забилося.

— Заблудиться не заблудился, — думалъ онъ, потому что вѣдь это извѣстная мѣстность, наши лѣса, но какъ изъ нихъ выбраться?..

Онъ опять пошелъ, но уже ущельями въ снѣгу то по колѣна, то по щиколодку, то выше колѣнъ. Онъ шелъ съ полчаса, пока не попалъ на вытопанное мѣсто. Всталъ на колѣни, ощупалъ рукою и узналъ, что это его собственные слѣды.

— Стало быть, я шелъ не той дорогой, которой слѣдовало! — пробормоталъ онъ и свернулъ въ другой проходъ между ущельями. Онъ опять шелъ нѣсколько минутъ и нашелъ какъ бы ровъ, выкопанный въ снѣгу подъ горою. Онъ ощупалъ рукою стѣну горы и форму ямы и сообразилъ, что это то мѣсто, гдѣ онъ недавно свалился съ обрыва.

Онъ насторожилъ ухо, потому что ему казалось, что онъ слышитъ какою то шорохъ. Это вѣсты шелестять у него надъ головою. Тамъ вверху поднялся вѣтеръ и нагналъ тучу, осыпающую мелкимъ, но острымъ снѣгомъ, колющимъ ему руки и лице, подобно рою комаровъ.

— Неужели уже послѣдній часъ настать?.. подумалъ онъ. Нѣтъ, прошепталъ онъ, — вѣдь мнѣ надо сначала лошадей найти, чтобы меня воромъ не считали.

Онъ окуталъ сироту, которая, несмотря на движеніе и неудобство, крѣпко уснула у него на рукахъ и пошелъ ущельемъ безъ цѣли, чтобы только идти.

— Не дуракъ я, чтобы садиться, бормоталъ онъ, потому что стоять мнѣ усѣться, такъ я замерзну, а вѣдь лошадей я у разбойниковъ не оставляю...

Острый снѣгъ падалъ все гуще и убѣдилъ Матека съ головой до ногъ. Слыша вѣтеръ, шумящій на вершинахъ горъ, мужикъ радовался, что мятель застигла его не въ полѣ, а только въ бухтахъ, гдѣ все-таки чуточку потеплѣе.

— Даже совсѣмъ тепло, но все же я не сяду, а прохожу до утра, потому что иначе я бы замерзъ.

Было далеко еще даже до полночи, когда ноги Овчара совершенно отказались повиноваться ему; онъ ужъ не могъ ими разрывать снѣга. Итакъ онъ всталъ и началъ топтаться на одномъ мѣстѣ. Но такъ какъ и это топтанье утомило его, то онъ подошелъ къ какому-то обрыву и оперся плечами о глиняную стѣну. Это мѣстечко казалось ему превосходнымъ. Оно нѣсколько возвышалось надъ ущельемъ, въ немъ было небольшое углубленіе, аккуратъ на одного человѣка; его со всѣхъ сторонъ окружали кусты, слѣдовательно даже и снѣгъ не очень докучалъ. Вдобавокъ къ прелестямъ этого мѣста, когда у него только отошли ноги, Матекъ замѣтилъ, что на право въ углубленіи есть какъ бы широкій вамень такой вышины, какъ стулъ.

— Сѣсть не сяду, — думалъ онъ, потому замерзъ-бы, но при сѣсть можно. Что правда, прибавилъ онъ про себя черезъ минуту, на морозѣ только спать и лежать не годится, а сидѣть — дѣло не вредное. Тутъ онъ смѣло усѣлся, напялилъ шапку на уши, крѣпче укуталъ сироту, которая продолжала спать и раздумывалъ, что — какъ онъ съ минутку тутъ отдохнетъ, то минутку потопчется, опять отдохнетъ, опять потопчется и такъ дождется утра.

— Только бы не заснуть, — бормоталъ онъ.

Въ этомъ углубленіи снѣгъ уже не достигалъ до него и даже ему казалось, что на улицѣ немного теплѣе. Замерзшія ноги Матека оттаяли и вмѣсто холода онъ чувствовалъ, что у него что-то пробѣгаетъ по подошвамъ точно мурашки. Эти мурашки, пролѣзая между пальцами стали щекотать по всей ступнѣ; потомъ вошли на сломанную ногу, впоследствии на здоровую и достигли коленъ. Неизвѣстно откуда одна такая мурашка стала у него расхаживать по носу. Онъ хотѣлъ ее сбросить, но тотчасъ цѣлый рой ихъ усѣлся у него на той рукѣ, гдѣ спалъ найденный, а потомъ на другой. Овчаръ не согонялъ ихъ, во-первыхъ, потому что расхаживаше ихъ не позволяло ему уснуть, а наконецъ потому что оно доставляло ему удовольствіе. Онъ даже улыбался, чувствуя, что шаловливое насѣкомое залѣзаетъ ему уже до пояса и вовсе не спрашивалъ: откуда взялись мурашки? Вѣдь онъ же зналъ, что сидитъ въ бустахъ, гдѣ муравейники встрѣчаются часто, а о зимѣ какъ-то — забывалъ.

— Только бы не заснуть... только бы не заснуть, — повторялъ онъ. Но накопецъ ему пришло въ голову; почему не заснуть? Теперь почь, онъ вѣдь въ конюшнѣ... Да, онъ въ конюшнѣ, но тотчасъ сюда должны придти воры. Слѣдовательно Матекъ ждетъ ихъ съ ужасающей глубиной въ рукѣ и чтобы не заспать, не дожится, но сидитъ на пнѣ.

— Ого! слышенъ какой-то шепотъ... Ужь идутъ воры... Ужь даже отворили ворота конюшни и видѣвъ снѣгъ на дворѣ Матекъ прижимается къ стѣнѣ и сжимаетъ свою палеу... то-то имъ задасть!..

Но воры сообразили видно, что Матекъ бодрствуетъ и отошли. Какое тамъ отошли! правду сказать: убѣжали и бѣгутъ такъ, что шумить... Овчаръ разсмѣялся и подумалъ, что теперь уже можетъ заснуть или по крайней мѣрѣ вздремнуть спокойно. Онъ поправился на сидѣннѣ, забился въ уголь и обѣими руками прижалъ къ груди найденыша, чтобы не выронить его. Ему нужна только минутка сна, потому что онъ очень усталъ. Потомъ онъ сейчасъ проснется, потому что ему надо что-то сдѣлать; но что?..

— Что мнѣ надо было сдѣлать?.. презиль онъ.—Пахать? Нѣтъ, вѣдь уже вспахано... Лошадей напоить?.. Вотъ, оно что, — лошадей...

По полупочи вѣтеръ разогналъ тучи и на небѣ показался край луны. Тусклый ея блескъ прямо засвѣтилъ въ глаза Матеку, но мужикъ — не двинулся. Вскорѣ луна спряталась за пригорками, набѣжали новыя снѣговныя тучи, но Матекъ еще не двинулся. Онъ сидѣлъ въ углубленіи горы, опершись головой о стѣпу, обнявъ руками найденыша. Наконецъ солнце взошло, но Матекъ и теперь не двинулся. Казалось, что онъ съ удивленіемъ глядитъ на желѣзнодорожное полотно, растилающееся въ нѣсколько десяткахъ шаговъ отъ него. Солнце уже стояло высоко, когда на полотнѣ дороги показался сторожъ. Онъ замѣтилъ крестьянина и окликнулъ; но такъ какъ Матекъ молчалъ, то сторожъ сбѣжалъ съ насыпи и подошелъ къ сидящему. Онъ обошелъ его издалека, крикнулъ раза два: <ой! ой! батюшка, напились вы, что-ли?..> а наконецъ, какъ-бы не довѣря собственнымъ глазамъ, вошелъ въ углубленіе ущелья и дотронулся до Матека рукой. Лицо мужика было твердо, какъ воскъ, и лицо ребенка было твердо, какъ

— Лошадей ему ни такъ, ни сякъ не вернуть, а что онъ двѣ души сгубилъ, такъ сгубилъ! — крикнула старшая изъ бабъ.

— У нѣмцевъ научился этому! прибавила вторая.

— Совѣсть будетъ его до самой смерти грызть! — сказала третья

Гроховскому становилось все тяжелѣе на сердцѣ, поэтому онъ проговорилъ:

— И... не столько его Сливакъ выгналъ, сколько онъ самъ рвался, чтобы выслѣдить разбойниковъ, которые у насъ лошадей крадутъ...

И онъ подозрительно, хотя какъ бы невзначай, взглянулъ на Яска Гриба, котораго, окрысившись на него, отрѣзалъ:

— Такъ будетъ съ каждымъ, который слишкомъ гоняется за копокрадами. Ихъ не поймаетъ, а самъ погибнетъ.

— Придетъ и на нихъ часъ, — проговорилъ Гроховскій.

— Не придетъ!.. Потому что это парни продувные, — отвѣтилъ Ясекъ Грибъ.

— Дастъ Богъ, что придетъ, — упорствовалъ Гроховскій.

— Не говорите такъ громко, потому что и васъ когданибудь обокрадутъ, — засмѣялся Ясекъ.

— Можетъ, и обокрадутъ, но пусть Бога молятъ, чтобы онъ мнѣ крѣпкій сонъ ниспослалъ.

Во время этого разговора урядникъ ушелъ въ канцелярію, волостной писарь очень внимательно осматривалъ покойниковъ, а старшина корчилъ такія гримасы, точно онъ перецъ грызъ. Наконецъ онъ сказалъ:

— Надо этихъ несчастныхъ сразу въ судъ отвезти. Тамъ есть начальникъ, есть фельдшеръ и пусть ихъ дѣлаютъ съ ними, что слѣдуетъ... Поѣзжай, дежурный, — обратился онъ къ хозяину саней, — а я васъ съ писаремъ догоню. Въ первый разъ мнѣ случилось, чтобы въ волости такъ замерзли...

Хозяинъ саней почесалъ въ головѣ, но долженъ былъ повиноваться. Впрочемъ до суда было едва съ двѣ версты. И такъ онъ взялъ возжи въ руку и дернулъ лошадей, самъ идя пѣшкомъ рядомъ съ санками и не особенно оглядываясь на своихъ пассажировъ. Выѣстъ съ нимъ пошелъ сотскій и еще одинъ мужикъ, у котораго было въ судѣ дѣло о порчѣ ведра и чужого

колодца. Урядникъ, видя, то они уже двинулись, выбѣжалъ изъ канцеляріи и догналъ ихъ верхомъ. Въ то время какъ волостной старшина отправилъ изъ волости покойниковъ въ судъ, уѣздъ по этапу отсылалъ въ волость «глупую Зоську». Мѣсяца черезъ два послѣ того какъ она оставила ребенка на попеченіи Овчара, Зоська угодила въ тюрьму. За что?—ей не было извѣстно. Ее обвиняли въ нищенствѣ, въ бродяжничествѣ, развратѣ, покушеніи на поджогъ, и по открытіи каждаго новаго преступленія ее препровождали изъ тюрьмы въ больницу, изъ больницы опять подъ арестъ и такъ цѣлый годъ. Во время этихъ странствованій Зоська выказывала полнѣйшее равнодушіе. Только, когда ее препровождали въ новое помѣщеніе, въ теченіи нѣсколькихъ пер-выхъ дней она тревожилась о томъ: получить-ли она работу? Затѣмъ она впадала въ апатію и большую часть сутокъ спала на лавкѣ, или подъ лавкой, или въ корридорѣ, или на тюремномъ дворѣ. Впрочемъ ей было все равно. Иногда въ ней пробуждалась тоска по свободѣ и мысль о покинутомъ ребенкѣ, а тогда она впадала въ бѣшенство. Разъ въ такомъ состояніи она не ѣла цѣ-лую недѣлю, другой разъ она хотѣла повѣситься на платкѣ, а въ третій чуть было не подожгла тюрьму. И такъ ее отправили въ больницу и, вылечивъ застарѣлую рану на ногѣ, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ (виродолженіи которыхъ она ознакомилась съ двумя новыми тюрьмами), отослали на родину подъ надзоръ. Шла тогда Зоська изъ уѣзда на родину подъ охраной двухъ му-жиковъ, изъ которыхъ одинъ несъ бумагу о ней, а другой ее сопровождалъ. Она шла по проѣзжей дорогѣ, на одной ногѣ у нея былъ сапогъ, на другой лапоть, на спинѣ дырявый армякъ, а на головѣ платокъ, какъ рѣшето. Ни сильный морозъ, ни видъ знакомой мѣстности не производили на нее никакого впечатлѣнія. Глядя впередъ неизвѣстно на что, она подоткнула армякъ, опе-редила своихъ сторожей и шла быстрымъ шагомъ, какъ бы спѣша домой. Когда она слишкомъ забѣгала впередъ, сторожъ кричалъ ей: «а что такъ бѣжишь?» Тогда она останавливалась и стояла, какъ столбъ, на дорогѣ, пока ей опять не приказывали идти.

— Она, должно быть, ужь совсѣмъ дурочка, — сказали одинъ изъ сопровождавшихъ ее мужиковъ, тотъ, который несъ бумагу изъ уѣзда.

— Такая всегда была, хоть и на простую работу довольно шустра,—отвѣтилъ второй, который зналъ Зоську давно, потому что былъ родомъ изъ той же волости.

И опять они заговорили о чемъ то другомъ. До волостной канцеляріи было не дальше какъ верста и изъ за снѣжнаго пригорка уже выглядывали темныя трубы избъ, когда напротивъ Зоськи и ея сторожей очутился урядникъ верхомъ, а за нимъ санки съ трупами Овчара и ребенка. Зоська, продолжая идти впередъ, миновала шествіе, но сторожа, увидѣвъ такое неожиданное зрѣлище, остановили ее и заговорили съ сотскимъ.

— Боже великій!—воскликнулъ одинъ, а, что-жь это за несчастный?

— Овчаръ, работникъ Слимака, отвѣтилъ сотскій. Зоська!—обратился онъ къ конвоируемой, а вѣдь это твоя дѣвочка замерзла съ Овчаромъ.

Зоська, подойдя къ санямъ, стала сначала равнодушно приглядываться къ трупамъ. Однако, постепенно во взглядѣ ея появилось человѣческое выраженіе.

— Что же съ ними приключилось? проговорила она.

— Замерзли.

— Съ чего-жь они замерзли?

— Потому ихъ Слимакъ изъ дому выгпаль.

— Слимакъ?.. Слимакъ выгпаль изъ дому?.. говорила она, перебирая бессмысленно пальцами. Такъ... такъ... это Овчаръ, а это—должно быть, что моя дѣвочка?.. моя!.. только чуточку подросла съ того времени... Слышалъ-ли кто, чтобы такую малютку заморозить?! Ну, правда, что ей сразу была суждена дурная кончина... Клянусь Богомъ, это моя дѣвочка!.. поглядите-ка?.. Моя дѣвочка, ну,—и уморили ее...

Мужики, качая головами, прислушивались къ болтовнѣ Зоськи. Наконецъ сотскій проговорилъ:

— Намъ пора въ путь, прощайте. Поѣзжайте, кумъ Мартынь.

Кумъ Мартынь, собравъ возки, подпаялъ бичъ, а въ эту самую минуту Зоська стала взбираться на сани къ покойникамъ.

— Что ты дѣлаешь?—крикнулъ сторожъ и схватилъ ее за зрякъ.

— Вѣдь это же моя дѣвочка!—воскликнула Зоська, порываясь ея санямъ.

— Что же изъ этого, что твоя?—проговорилъ сотскій: Тебѣ одна дорога, а ей другая...

— Моя дѣвочка!.. моя дѣвочка!.. заеричала Зоська, держась обѣими руками за санки.

Лошади вдругъ тронулись и Зоська упала на снѣгъ, но схватилась за полозья и сани потащили ее за собой.

— О перестань сумасшествствовать!—закричалъ сторожъ и побѣжалъ за Зоськой съ сотскимъ и своимъ товарищемъ.

— Моя дѣвочка!.. Отдайте мнѣ мою дѣвочку!.. кричала безумная, не выпуская изъ рукъ полозьевъ.

Мужики едва оторвали ее, а сани тронулись. Она хотѣла подняться и бѣжать за ребенкомъ, но одинъ изъ сторожей, всталъ на колѣни на ея ногахъ, а другой схватилъ ее за плечи.

— Что тебѣ изъ этого, глупая? уговаривали они. Вѣдь ребенокъ не воскресишь...

— Моя дѣвочка!.. Слимакъ ее заморозилъ!.. Накажи его, Господи!.. Дай, Боже, чтобы и онъ такъ замерзъ! кричала Зоська, вырываясь у сторожей.

Однако по мѣрѣ того какъ сани удалялись, голосъ ея стихалъ, синее отъ гнѣва лице принимало мѣдную окраску и блескъ глазъ потухалъ. Подъ конецъ она успокоилась и впала въ обычную апатію. Когда же и шорохъ отѣзжающихъ умолевъ, она поднялась со снѣгу и, равнодушная, какъ прежде, пошла быстрымъ шагомъ къ волостной канцеляріи, по временамъ только тяжело вздыхая.

— Уже забыла,—пробормоталъ мужикъ, несшій за нею бумаги.

— Иногда глупому лучше всего живется на свѣтѣ,—отвѣтилъ его товарищъ.

Послѣ этого оба умокли, прислушиваясь къ сврицу снѣга подъ ногами.

X.

Потеря лошадей довела Слимака чуть ли не до помѣшательства, правда, онъ билъ, пиналъ и выгналъ изъ дома Овчара, по

это еще не исчерпало его гнѣва. Душно ему было въ избѣ, такъ что онъ выбѣжалъ во дворъ и расхаживалъ по немъ вдоль и поперекъ, блѣдный, съ сжатыми кулаками, съ налитыми кровью глазами, высматривая изъ подлобья, на чемъ бы сорвать свою месть. Онъ припоминалъ, что надо коровамъ подбросить корму. Онъ вошелъ въ хлѣвъ, растолкалъ скотину, а когда одна изъ нихъ встревоженная, наступила ему на ногу, схватилъ вилы и немилосердно побилъ обѣихъ коровушекъ. Потомъ какъ безъ памяти выбѣжалъ за амбаръ и, увидѣвъ трупъ Бурки, пнулъ собаку, уже твердую, какъ полѣно, проклиная ее на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Если бы тебѣ, псине отродье, не захотѣлось хлѣба изъ чужой руки, то я не потерялъ бы лошадей... Сгнивай-же тутъ и лежи до весны, проклятая бестія!.. сказалъ онъ ей въ заключенье и еще разъ пнулъ Бурку такъ, что въ замерзшемъ животномъ, что-то даже треснуло.

Вернувшись въ избу, онъ метался такъ, что опрокинулъ пенекъ. Іендрекъ, видя это, разразился смѣхомъ и тогда Слимакъ, снявъ ременный поясъ, началъ такъ дуть имъ мальчугана, что тотъ залѣзъ подъ лавку и облился кровью. Мужикъ, несмотря на это, еще не застегнулъ пояса. Онъ ходилъ по избѣ съ ремнемъ въ рукѣ, ожидая, скоро-ли заговорить жена, чтобы истирать и ее. Однако баба молчала, иногда хватаясь за обшивку трубы, точно у ней силъ не хватало.

— Что ты шатаешься?.. проворчалъ мужикъ, не вывѣтрилась еще вчерашняя водка?..

— Что-то мнѣ плохо, — отвѣчала тихо жена.

Слимакъ задумался и опоясался ремнемъ.

— Такіе у меня черные круги стоятъ въ глазахъ и въ ушахъ шумить... О!.. или, можетъ, такъ въ избѣ пицить?.. говорила она несвязно, разводя руками.

— Не лопай водки, такъ у тебя не будетъ шумѣть, окрылся Слимакъ и вышелъ опять во дворъ, отплевываясь.

Его удивило, что баба ни однимъ словечкомъ не вступилась за тяжело избитаго Іендрека. Однако, гнѣвъ опять ударилъ ему въ голову, но ему уже не кого было бить, онъ схватилъ топоръ и сталъ рубить древа. Рубилъ почти до вечера, въ одной рубахѣ

и вовсе не обѣдалъ. Ему казалось, что тутъ у его ногъ лежатъ тѣ, которые у него украли лошадей, поэтому онъ метался, какъ бѣшеный, такъ что у него щепки и даже полѣна влетали надъ головой, разсыпаясь по двору.

Наконецъ у него отнялись руки, заболѣла поясница, а рубашка промокла отъ поту, въ тоже время гнѣвъ его прошелъ. Вернувшись въ избу, онъ не засталъ никого въ первой комнатѣ. Онъ заглянулъ въ альковъ. Сликакова лежала на постели.

— Тебѣ что? спросилъ онъ.

— Меня немножко разобрало, — отвѣтила баба, какъ бы пробужденная отъ сна. Но это ничего.

— Въ печи погасло.

— Погасло? повторила она. Она тяжело поднялась съ постели и съ не малымъ трудомъ заново развела огонь для ужина.

— Видишь!.. говорилъ Сликакъ, со вниманьемъ присматриваясь къ женѣ. Ты вчера распарилась въ корчмѣ, потому выпила воды изъ жидовской сороковки и еще по дорогѣ разстегнула душегрѣйку. Ты видно простудилась.

— Ничего со мной не будетъ, отвѣтила она сварливо.

Можетъ, ей даже полегчало, потому что она разогрѣла обѣдъ и подала его на ужинъ.

Иедрекъ вышелъ изъ угла и взялъ въ руки ложку, но, вмѣсто того, чтобы ѣсть, плакалъ такъ, что Сликаку стало неприятно. Мать однако же не обращала вниманья на его слезы и, убравъ кое какую посуду, пошла спать. Ночью, почти въ томъ же самомъ часу, когда несчастный Овчаръ копчался въ кустахъ, Сликакову затрясла сильная лихорадка. Проснувшійся мужъ накрылъ ее тулупомъ и дрожь мало по малу прошла. На слѣдующій день она по обыкновенію принялась за работу, жалуюсь на боль головы и поясницы. Несмотря на это, она возилась, но Сликакъ по глазамъ ея сообразилъ, что что-то плохо, и опечалился. Къ вечеру на дорогѣ заскрипѣли сани и остановились у ихъ воротъ. Черезъ минуту во избу вошелъ шинкаръ Юзель. У еврея было такое странное выраженье лица, что Сликака даже кольнуло въ сердце, когда онъ его увидѣлъ.

— Благословенъ, — сказалъ Юзель.

— Во вѣки вѣковъ, — отвѣтилъ мужикъ.

- Вы ничего не спрашиваете?.. проговорилъ еврей.
- Что мнѣ спрашивать?.. отвѣтилъ Слимакъ, глядя ему въ глаза, и поблѣднѣлъ, самъ не зная почему.
- Завтра, говорилъ медленно Юзель, завтра Гендрека вызовутъ въ судъ за то, что онъ искалѣчилъ Германа.
- Ничего ему не сдѣлаютъ, отвѣтилъ Слимакъ.
- Все же чуточку въ тюрьмѣ посидитъ.
- Пусть посидитъ. Въ другой разъ не будетъ драться.

Въ избѣ снова воцарилось молчаніе, на этотъ разъ болѣе продолжительное. Еврей качалъ головой, а Слимакъ глядѣлъ на него, чувствуя, что въ немъ пробуждается тревога. Наконецъ, собравшись съ силами, онъ спросилъ рѣзко:

- У васъ, что-нибудь есть?..
- Что тутъ много толковать, отвѣтилъ еврей, махнувъ сжатъмъ кулакомъ.—Овчаръ и ребенокъ оба замерзли до смерти...
- Слимакъ поднялся на лавкѣ, какъ бы желая броситься на Юзеля, но упалъ и даже оперся о стѣну. Его охватило жаромъ, потомъ у него затряслись ноги, а затѣмъ ему стало какъ то странно, что его такой страхъ обуялъ.
- Гдѣ... когда?..—спросилъ онъ глухо.
- Гдѣ?.. говорилъ Юзель. Въ кустахъ по ту сторону желѣзной дороги и даже недалеко отъ волости. А когда? Когда?.. Вы сами же лучше знаете, что въ эту ночь, потому что вы его вчера выгнали...

Мужикъ поднялся гнѣвный.

- У-у!.. вы ужъ такъ лаете, Юзель, что за вами пыль летитъ... Замерзъ!.. Что жъ это, онъ отъ меня въ лѣсъ пошелъ?.. Нѣтъ извѣ на свѣтѣ, что ли?

Шинкаръ пожалъ плечами и, отступая къ дверямъ, отвѣтилъ:

- Вѣрьте, не вѣрьте,—мнѣ все равно. Я самъ видѣлъ, какъ замерзлаго Овчара съ ребенкомъ отвезли въ судъ, вѣрно для вскрытія. А вы можете не вѣрить!.. Прощайте, хозяинъ...

И онъ открылъ двери.

- Великая важность!.. А что жъ мнѣ за это будетъ, что онъ замерзъ?.. воскликнулъ Слимакъ.

- Отъ людей ничего, но... Господь Богъ... Вы ужъ и въ Бога не вѣрите, Слимакъ?..—спросилъ еврей съ порога и отъ огня въ печи глаза у него свернули.

Онъ закрылъ двери избы, споткнулся о что-то въ сѣняхъ и вышелъ на дворъ. Слимакъ слышалъ его тяжелую поступь, постепенно стихающую вплоть до воротъ; потомъ услышалъ, какъ онъ сѣлъ въ санки и кривнуль лошади: «пошла!» И еще слышалъ, какъ сани скрипѣли все далѣе и далѣе вѣрно до самого моста... Онъ встряхнулся, оглянулъ избу и изъ другого угла увидѣлъ, устремленные на него глаза Іендрека. Мысли его приняли какой то унылый оттѣнокъ.

— Чѣмъ же я виноватъ, что онъ замерзъ?.. проворчалъ Слимакъ про себя. Въ эту минуту онъ припомнилъ одну проповѣдь, которую викарій повторялъ въ церкви каждый годъ. И ему казалось, что онъ слышитъ его усталый отъ старости и плаксивый голосъ, взывающій: «Я былъ голоденъ—вы не накормили меня, былъ нагъ—вы не одѣли меня, не имѣлъ крыши надъ головой—вы не пріютили меня... Ступайте же, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный дьяволу и слугамъ его».

— Джекъ жидъ, какъ Богъ святъ... сказалъ Слимакъ, чувствуя, что по немъ пробѣгаютъ мурашки, и, сказавъ это, онъ готовъ былъ присягнуть, что именно въ настоящую минуту въ конюшнѣ Овчаръ съ ребенкомъ, оба живы и здоровы. Онъ былъ такъ увѣренъ, что онъ всталъ съ лавки, чтобы позвать работника на ужинъ. Но когда онъ ухватился рукой за задвижку двери, онъ вдругъ—отступилъ. Онъ боялся взглянуть на дворъ.

Однако мало по малу страхъ его прошелъ. Мужикъ вышелъ на дворъ, заглянулъ даже въ пустую конюшню, потомъ бросилъ коровамъ горсть сѣна и, когда стемнѣло, улегся спать. Жену опять затрясла лихорадка, онъ накрылъ ее тулукомъ, какъ вчера, бормоча:

— Вотъ такъ подлый жидъ этотъ Йозель!

Въ головѣ его никакимъ способомъ не могло умѣститься, чтобы Овчаръ съ ребенкомъ замерзли. На оборотъ, чѣмъ дольше онъ думалъ о нихъ, тѣмъ увѣреннѣе онъ становился, что Йозель настрашалъ его, быть можетъ, съ цѣлью надуть. Утромъ онъ со смѣхомъ разсказалъ объ этомъ женѣ, удивляясь нахальству жидов и стараясь отгадать: зачѣмъ жидъ разсказалъ ему такую небывальщину? Но тотчасъ послѣ обѣда заѣхалъ къ нимъ мѣстный сотскій съ письменнымъ вызовомъ Іендрека въ судъ по дѣлу объ искаженіи Германа.

— Когда жь ему тамъ быть?—спросилъ Слимакъ.

— Его дѣло завтра,—отвѣтилъ сотскій. Но что ему бѣжать пѣшкомъ такую пугину. Пусть сядетъ со мной, такъ я его отвезу.

Иендрекъ нѣсколько поблѣднѣлъ и молча сталъ напивать полшубою и новый армякъ.

— Много тамъ съ него взыщутъ?—спросилъ уныло отецъ.

— И-и-и!.. посидитъ нѣсколько дней; можетъ, съ недѣлю,—сказалъ сотскій.

Слимакъ вздохнулъ и сталъ вынимать рубль изъ узелка.

— Но, но... проговорилъ онъ. А слышали ли вы, сотскій, что этотъ парень Гозель болтаетъ, что Овчаръ съ ребенкомъ оба замерли?

— Какъ не слышать,—отвѣчалъ нехотя сотскій. Вѣдь это правда!..

— Замерзли? замерзли?..—повторилъ Слимакъ.

— Да. Но,—прибавилъ онъ поспѣшно,—вѣдь каждый понимаетъ, что это не по вашей винѣ. Не досмотрѣлъ за лошадьми, вы со злости выгнали его; но вѣдь никто ему не велѣлъ сходить съ дороги въ кусты. Напился, что-ли, и погибъ бѣдняга, черезъ собственную глупость.

Иендрекъ былъ уже готовъ и, прощаясь съ родителями, по очередно обнималъ ихъ за ноги. У Слимака навернулись слезы на глазахъ. Онъ обнялъ сына за голову и далъ ему рубль на всякій случай, поручая его Божьему попеченью. Однако онъ необычайно удивился, что мать относится къ мальчугану очень равнодушно.

— Ягна! однако же Иендрекъ ѣдетъ въ судъ и подъ арестъ... напоминалъ ей мужъ.

— Ну, такъ что же?—отвѣтила она, глядя блуждающими глазами.

— Ты очень больна?...

— Нѣтъ; у меня только чуточку голова болитъ и внутри горитъ и силъ... какъ то нѣтъ...

Сказавъ это, она ушла въ альковъ и улеглась на постель. Иендрекъ съ сотскимъ вышли изъ избы.

Слимакъ остался одинъ въ избѣ и чѣмъ дольше онъ сидѣлъ, тѣмъ ниже его голова опускалась на грудь. Ему казалось, что

онъ дремлетъ, то опять таки что онъ сидитъ надъ казимъ то сѣрымъ полемъ, далеко разстилающимся во всѣ стороны, на которомъ нѣтъ ни кустовъ, ни буколей, ни даже камня, ничего. Только гдѣ то сбоку (мужикъ не смѣлъ взглянуть въ ту сторону) стоитъ Овчаръ съ ребенкомъ и въ упоръ смотритъ ему въ глаза. Сливакъ встряхнулся. Нѣтъ на этомъ полѣ нѣтъ Овчара, а если онъ здѣсь, то гдѣ-то сбоку на краю, тамъ гдѣ-то тамъ далеко, что его даже разглядѣть нельзя и видно только край его армяка, а можетъ, и того нѣтъ. Мысль объ Овчарѣ начинала быть докучливой. Мужикъ подпнулся съ лавки, протянулся, такъ что у него въ суставахъ затрещало и принялся мыть кухонную посуду.

— Вотъ до чего у меня дошло!—проворчалъ онъ. Э!.. Или развѣ разъ бѣда случится съ человѣкомъ, а поддаваться ему не слѣдуетъ?

Это соображеніе ободрило и онъ сталъ заниматься домашними работами. Свиньямъ вынесъ картофелю и помоевъ, для коровъ набралъ корму, парубилъ крошева, а потомъ нѣсколько разъ сходилъ за водой на рѣку. Онъ ужъ такъ давно не дѣлалъ ничего подобнаго, что ему казалось, что онъ помолодѣлъ и прибодрился. Онъ чувствовалъ бы себя хорошо, несмотря на болѣзнь жены и взятіе Іендрека подъ судъ, если бы не воспоминаніе объ Овчарѣ. Въдь это Овчаръ еще два дня тому назадъ носилъ воду, Овчаръ рубилъ крошево, Овчаръ кормилъ скоть. По мѣрѣ западающихъ сумерекъ Сливакъ становился все болѣе унылымъ. Его болѣе всего мучило молчаніе въ избѣ, тишина такая глубокая, что проснувшіяся крысы стали бѣгать по завалинкамъ и грызть. Чѣмъ темнѣе становилось, тѣмъ яснѣе видѣлъ мужикъ, что ему чего то не достаетъ, многихъ, очень многихъ вещей не достаетъ. Чѣмъ тише становилось, тѣмъ яснѣе слышался ему дрожащій и плаксивый голосъ викарія, который, ударяя кулакомъ по каедрѣ, и выкрикивалъ: «Я былъ голодець—вы не накормили меня; я былъ нагъ—вы не приодѣли меня; у меня не было крыши надъ головой—вы не пріютили меня... Ступайте, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный дьяволу и слугамъ его»...

— Псы швабы! что черезъ нихъ пароду погибло... пробормоталъ мужикъ, стараясь, во что-бы то ни стало, забыть объ

Овчарѣ. И оставивъ рубу противъ окна, такъ чтобы хорошенько видѣть пальцы, началъ счетъ:

— Утопулъ у меня Стасекъ, это разъ... Нѣмцы тому виной... Долженъ былъ корову отдать на убой, это два, потому что у меня черезъ швабовъ корму не достало... Лошадей у меня украли, это уже четыре, за то, что я у воровъ нѣмецкую свинью отнял... Бурку отравили они — пять... Иендрека у меня въ судъ потащили за Германа—это шесть... Овчаръ и сирота это восемь... Восемь душъ истребили!.. А еще Магдѣ пришлось черезъ нихъ стоять, потому что я обѣднѣлъ, и еще у меня жена хвораеть, вѣрно съ тоски, это десять... Христе Господи!.. Христе Господи!..

Вдругъ онъ схватился обѣими руками за волосы и задрожалъ отъ страха, какъ ребенокъ. Онъ никогда еще такъ не боялся, никогда, хотя уже раза два сама смерть заглядывала ему въ глаза. Только въ эту минуту послѣ этого счета людей и скотинки, которыхъ у него не хватало въ домѣ, Сликакъ созналъ и убоился нѣмецкаго могущества... Вѣдь эти то спокойные нѣмцы, какъ вихрь, разнесли у него все хозяйство, все счастье, трудъ цѣлой жизни. И хоть бы они сами еще крали, или разбойничали?.. Нѣтъ, они живутъ, какъ другіе люди, вспахиваютъ немного глубже, молятся, учатъ дѣтей. Даже скотъ ихъ погравъ не дѣлаетъ, чужой травки не щиплетъ... Ни въ чемъ, нѣтъ, ни въ чемъ дурномъ ихъ нельзя упрекнуть, а однако же они лишили его состоянія, опустошили его избу самымъ своимъ сосѣдствомъ. Какъ дымъ, поднимающійся изъ кирпичнаго завода, сушитъ траву, такъ и ихъ колоніи дымятъ несчастьемъ, губя людей и скотинку. Впрочемъ, что онъ тутъ значить! Развѣ тѣже нѣмцы не вырубили стараго лѣса, не разбили вѣсковыхъ каменьевъ въ полѣ, не выгнали помѣщика изъ усадьбы?.. А сколько же дворовыхъ людей, потерявъ мѣсто, ввали въ нищету, или спились съ кругу, или даже воруютъ?..

И теперь только, въ первый разъ, у Сликака вырвалось отчаянное восклицанье:

— Я сижу слишкомъ близко къ нимъ... Тѣмъ хозлевамъ, которые подалше, они не такъ повредили.

А черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Что же изъ этого, что останется земля, когда люди на ней вымрут!...

Новая эта мысль показалась ему такой ненавистной, что и отъ нея ему хотѣлось избавиться. Онъ заглянулъ къ жепѣ—кажется, спитъ. Онъ подбросилъ лучинокъ въ печку и потомъ сталъ прислушиваться къ крысамъ, грызущимъ завалинку. Тогда его снова поразила тишина въ домѣ и въ шумѣ вѣтра, дующаго изъ дверей къ печи, опять услышалъ плаксивый голосъ священника: «Я былъ голоденъ—вы не накормили меня; былъ нагъ»... Вдругъ на дворѣ послышались шаги. Мужикъ выпрямился и ждалъ. «Иендрекъ?»... промелькнуло у него въ головѣ. «Можеть, и Иендрекъ»... Скрипнули двери въ сѣняхъ, закрылись и какая-то, очевидно, чужая рука стала искать входа въ избу. «Изель?... Нѣмецъ?»... думалъ мужикъ. Вдругъ онъ отшатнулся, испуганный, въ головѣ у него помутилось. На порогѣ избы стояла — Зоська.... Сначала оба молчали, наконецъ, Зоська проговорила:

— Благословенъ...

И она стала растирать овябшія руки, повернувшись къ огню. У Слимака постоянно путались представленія объ Овчарѣ, сиротѣ и Зоськѣ; онъ глядѣлъ на нее, какъ на человѣка съ того свѣта.

— Откуда ты тутъ взялась? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Изъ тюрьмы меня выслали въ волость, а въ волости сказали, чтобы я искала работы, потому что денегъ нѣтъ на дармоѣдовъ.

И увидѣвъ полные горшки въ печи, она стала облизываться, какъ собака.

— Ты хочешь ѣсть?—спросилъ Слимакъ.

— Извѣстно хочу!

— Такъ налей же въ чашку похлебки. А вотъ тутъ хлѣбъ.

Зоська тотчасъ исполнила, что ей приказали. Начавъ ѣсть, она

спросила:

— А работницы вамъ не надо?

— Не знаю еще,—отвѣтилъ Слимакъ. Жена у меня больна.

— Посмотрите-ка!... таеъ у васъ пусто. А Магда гдѣ?

— Отошла.

— Хи!... А Гендрекъ?

— Его сегодня въ судъ взяли.

— Видите-ли!.. А Стасекъ?

— Утопулъ бѣдняга это лѣто, — шепталъ мужикъ и огорчился при мысли, что Зоська спроситъ его объ Овчарѣ и дочкѣ.

Но она ѣла съ волчьимъ аппетитомъ, не разспрашивая дальше.

— Знаеть, не знаеть?.. думать мужикъ.

Зоська, окончивъ ѣсть, глубоко вздохнула и ударила рукой по колѣну такъ весело, что и Слимакъ приободрился. Вдругъ она спросила:

— Вы пустите меня переночевать?

Мужика снова охватила тревога. Въ этой глуши каждый гость былъ бы для него благословеннымъ, но Зоська!... Если не знаетъ объ Овчарѣ, какое несчастіе загнало ее сегодня въ избу? — если знаетъ, — зачѣмъ пришла сюда?...

И пока онъ такъ думалъ, тревожась въ душѣ, въ избѣ снова воцарилась тишина и мужикъ опять услышалъ голосъ викарія: «Я былъ голодень — вы не накормили меня, у меня не было крыши надъ головой — вы не приютили меня. Ступайте, проклятые, въ огонь вѣчный»....

— Такъ останься тутъ, — сказала онъ, — только спи въ избѣ.

— Хотъ бы въ сараѣ, — отвѣтила она.

— Нѣтъ, въ избѣ.

Неизвѣстно почему страхъ уже покинулъ его, но гѣмъ сильнѣе чувствовалъ онъ бремя тревоги. Ему казалось, что какая-то невидимая рука хватаетъ его за легкія, дотрогивается до сердца. Онъ чуялъ вокругъ себя несчастье, и его больше всего терзало, что онъ не знаетъ, ни каково оно, ни когда разразится? и ему опять припомнились слова:

— Что-жь изъ этого, что останется земля, когда люди на ней вымрутъ?

А потомъ онъ прибавилъ:

— Развѣ ужъ смерть идетъ на насъ?... ну, а если смерть, такъ что-же?

Огонь догоралъ. Зоська вымыла миску и въ своихъ лохмотьяхъ улеглась спать на лавку. Слимакъ вошелъ въ альковъ; но не думалъ раздѣваться; усѣлся въ ногахъ жены и рѣшилъ бодрѣе

ствовать дѣлюю почь. Зачѣмъ? онъ не зналъ, не зналъ и того, что странное состоянїе его души называется нервнымъ разстройствомъ. Однако, странная вещь, Слимакъ отгадывалъ, что Зосья принесла ему долю милости въ избу; потому что съ минуты ея прихода тѣни Овчара и сироты блѣднѣли у него въ воображенїи. За то тѣмъ неотвязнѣе припоминались ему нѣмцы и сопровождающая ихъ сила несчастя.

— Стасекъ — одинъ, — ворчалъ мужикъ. — Коровушка — это два... лошади — четыре... Овчаръ и ребенокъ — это шесть... Магда — семь... Гендрекъ — восемь... Бурка и жена — десять... Столько народу!... хоть на меня еще ни одинъ пальца не поднѣлъ... Ужь видно, всѣ мы поимбнемъ тутъ...

И рассчитывая такъ, онъ чувствовалъ, что ему сжимаетъ голову какъ-бы желѣзный обручъ. Это былъ сонъ, тяжелый сонъ, спутникъ глухой скорби. Ему грезилось, что изъ него образуется двое людей. Однимъ былъ онъ самъ, Слимакъ, который сидѣлъ въ альковѣ у ногъ жены, а другимъ былъ Матекъ Овчаръ (но не тотъ, который замерзъ, а какой-то новый Овчаръ), который стоялъ за окномъ алькова въ садикѣ, гдѣ росли подсолнечники. Этотъ новый Овчаръ былъ совсѣмъ другой, непохожій на прежняго, унылый и мстительный. «Что ты думаешь, — говорилъ гость, морщась изъ-за окна, — что я тебѣ прощу свою обиду? Не то, что я замерзъ, потому замерзнуть можетъ и пьяница, но — что ты меня изъ дому выгналъ, какъ собаку. Только сообрази, что-бы ты самъ сказалъ, если-бы тобой такъ помыкали изъ-заничего? Если-бы выгнали на морозъ, больного, безъ ложки ѣды? Ты вѣдь не имѣлъ ко мнѣ ни чуточки состраданья, за столько лѣтъ работы... А въ чемъ передъ тобой пиновата сиротка, что ты ее сгубилъ?.. Не прячь головы, не отворачивайся, только скажи самъ: что мнѣ съ тобой сдѣлать за твою жестокость? Самъ скажи, потому что вѣдь у тебя же есть разумъ и ты понимаешь, что такое дѣло не пройдетъ тебѣ даромъ и Святой Богъ не поможетъ!»...

— Что-жь я ему скажу, несчастный? думалъ Слимакъ, обливаясь потомъ. — Ужь извѣстно, правду молвить, что я собака. Пусть же ужъ самъ какую мечь придумаетъ, такъ, можетъ, скорѣе смилостивится и не станетъ мучить меня послѣ смерти.

Въ эту минуту больная жена метнулась на постели и Сли-

макъ очнулся. Онъ открылъ глаза, но тотчасъ опять закрылъ ихъ. Изъ окна въ альковѣ разливался яркій розовый отблескъ; на стеклахъ искрились морозные цвѣты.

— Свѣтаетъ?... подумалъ мужикъ и машинально поднялся съ постели. Онъ тотчасъ, однако, созналъ, что это не разсвѣтъ, потому что розовый отблескъ дрожалъ.

— Неужели горить?.. пробормоталъ онъ, чувствуя смрадъ, который былъ такъ силенъ, что одурялъ.

Слимакъ выглянулъ въ другую комнату, но Зоськи уже не было на лавкѣ.

— А что, не говорилъ-ли я!... воскликнулъ онъ и стрѣлой выбѣжалъ на дворъ. Онъ ужъ отрезвился.

Дѣйствительно былъ пожаръ — его собственной избы; горѣла часть крыши со стороны проѣзжей дороги.

Благодаря толстому слою снѣга, покрывающему соломенную крышу, огонь распространялся очень медленно. Даже въ эту минуту можно было потушить его, но Слимакъ не думалъ объ этомъ. Онъ вернулся въ альковъ, дернулъ жену и крикнулъ:

— Вставай, Ягна!... изба горить!...

— Оставь меня въ покоѣ!... отвѣтила сердито женщина, которая была безъ памяти, накрывая голову тулупомъ.

Слимакъ схватилъ ее и, споткнувшись о два порога, снесъ ее, закутанную въ тулупъ, въ сарай. Потомъ онъ вынесъ ея одежду и постель, выбилъ двери въ кладовую и вытащилъ сундукъ, гдѣ лежали деньги, наконецъ, высадивъ окно, сталъ выбрасывать армяки, тулупы, мѣшки съ овощами, стулья и кухонную посуду. Онъ утомился, поранилъ руки, вспотѣлъ, но еще не потерялъ мужества, потому что зналъ, съ какимъ врагомъ борется. Между тѣмъ вся крыша была охвачена пламенемъ, а черезъ щели сталъ показываться огонь, только тогда Слимакъ ушелъ на освѣщенный дворъ, таща за собой лавку. Отнеся ее въ сарай, онъ хотѣлъ вернуться за столомъ. Вдругъ онъ взглянулъ на амбаръ и окаяннѣлъ: изнутри амбара стали также высовываться огненные языки и лизать снѣгъ на крышѣ. Подлѣ амбара стояла Зоська, грозя кулаками и крича во все горло:

— Вотъ вамъ, Слимакъ, благодарность за мою дѣвочку!.. Теперь вы погибнете, какъ она!

Она побѣжала къ лѣсу и, вскарабкавшись на пригорокъ, начала танцовать и хлопать въ ладоши при отблескѣ огня.

— Горить!.. горить!.. кричала она.

Слимакъ завертѣлся на мѣстѣ, какъ подстрѣленный звѣрь. Потомъ онъ медленно пошелъ въ сарай, усѣлся на колодѣ и за-слонилъ лицо руками. Онъ уже не думалъ о спасеннн, видя въ этомъ начало кары Божьей за смерть Овчара и найденнша.

— Мы всѣ тутъ погибнемъ! пробормоталъ онъ.

Уже оба зданія горѣли, какъ огненные столбы, такъ, что несмотря на морозъ, Слимаку было жарко въ избѣ и снѣгъ началъ таять на дворѣ, когда отъ поселка Гамера до него долетѣли крикъ и топотъ. Это нѣмцы бѣжали ему на помощь. Вскорѣ на дворѣ зацопошили парни, бабы, дѣти съ ведрами и баграми, притащили даже ручной насосъ и, выстроившись въ двѣ кучки, подъ командой Фрица Гамера, стали ломать стѣны зданнй и заливать пожаръ. Они шли въ огонь, какъ на танецъ. смѣясь и обгоняя другъ друга; наиболѣе отважные влѣзали съ топорами на незанявшися части амбара, а бабы и дѣти носили воду изъ рѣки. На пригоркѣ снова показалась Зоська.

— Вы погибнете, Слимакъ, хоть нѣмцы взяли васъ подъ свою защиту! кричала она, грозя кулаками.

— Кто это?.. что это?.. ловить ее!.. зашумѣли колоснсты. Двое ближайшихъ побѣжали на пригорокъ; но Зоська спряталась въ кусты.

Фриць Гамеръ подошелъ къ Слимаку.

— Подожгли васъ? спросилъ онъ.

— Извѣстное дѣло, — отвѣтилъ мужикъ.

— Она? прибавилъ Фриць, указывая рукою на пригорокъ.

— Конечно, она.

— Не лучше-ли было-бы продать намъ землю?.. сказалъ Фриць черезъ минуту.

Мужикъ опустилъ голову и молчалъ. Несмотря на энергичную помощь, амбаръ сгорѣлъ, отъ избы, однако же, спасли часть стѣнъ. Одни изъ колонистовъ еще заливали водой пожарище, другіе окружили Слимака и его большую жену.

— Куда вы теперь дѣнетесь? началъ снова Фриць.

— Мы поселимся въ конюшнѣ, отвѣтилъ мужикъ.

Нѣмки пентались между собою, чтобы забрать ихъ на хуторъ, но колонисты качали головами, говоря, что болѣзнь Слимаковой, можетъ быть, заразительна. Фрицъ брезгливо присоединился къ этому послѣднему мнѣнію и велѣлъ перенести больную въ плетеной корзинѣ въ конюшню.

— Мы пришлемъ вамъ сюда, сказала Фрицъ, всего что нужно, а потомъ увидимъ...

— Вознагради, Боже! отвѣтилъ Слимакъ и, склонившись, обнялъ его за ноги.

Колонисты начали расходиться. Фрицъ оставилъ одну изъ бабъ при больной, одному изъ парней велѣлъ привезти соломы для пегорѣльцевъ, а Герману шепнулъ, чтобы онъ тотчасъ послалъ въ Волю, за мельникомъ Кнапомъ.

— Мы вѣрно сегодня покончимъ съ нимъ дѣло, — говорилъ онъ Герману. Ужъ давно пора!..

— Безъ этого, — отвѣтилъ Германъ, указывая головой на пожарище, намъ бы не выдержать до весны.

Фрицъ сталъ ругаться. Несмотря на это, онъ привѣтливо простился съ Слимакомъ, совѣтуя ему привести фельдшера къ женѣ, потому что дѣло плохо. Но, когда склонившись надъ больной, онъ сказалъ;

— Она совсѣмъ безъ памяти...

Слимакова, не открывая глазъ, отвѣтила съ удивительной рѣшимостью:

— Ага... безъ памяти, безъ памяти!..

Фрицъ отшатнулся, смущенный. Черезъ минуту, однако, онъ прошепталъ:

— Она бредитъ!.. у нея горячка!..

И, пожалвъ Слимаку руку, онъ пошелъ за другими въ конюшню.

Уже наступилъ день, изъ колоніи привезли солому, хлѣбъ и бутылку молока, а Слимакъ продолжалъ ходить по двору, по которому разстилался удушливый дымъ пожарища. У него отчаянно сплелись свѣсившіяся руки, а онъ ходилъ, оглядывалъ и насмѣялся горечью скорби. Тутъ подъ сараемъ лежатъ столики и лавки, они старше!.. Онъ сиживалъ на нихъ, будучи еще ребенкомъ и иногда вырѣзывалъ ножичкомъ полоски и кресты. Вотъ

именно эти самые. А тутъ сундукъ, даже съ ключемъ въ замкѣ. Мужикъ открылъ его и выпуль мѣшечекъ поменьше съ серебромъ и побольше съ банковыми билетами и зарылъ оба въ углу конюшни подъ высохшимъ навозомъ. Ожогивъ это дѣло, онъ опять впасть въ апатію и снова бродилъ по двору. Вотъ груда воли изъ середины которой торчатъ черныя дымящіяся балки, это его амбаръ и весь годовой урожай! А тамъ лежитъ Бурка, ужъ его даже начали клевать вороны и изъ-подъ желтыхъ клоковъ у него выглядываютъ кровавыя ребра. А тутъ его изба—безъ оконъ, безъ дверей, безъ крыши; только изъ закоптѣвшихъ стѣнъ торчитъ труба. «Какъ эта изба мала и какая высокая труба»!.. подумалъ Слимакъ. Онъ отвернулся и вышелъ на пригорокъ, полнуемый предчувствіемъ, что въ эту минуту о немъ говорятъ въ деревнѣ, а можетъ, и ему придуть на помощь. Но изъ деревни никто не приходилъ; на безграничной равнинѣ снѣга не было ни одного живого существа, только тамъ и сямъ между деревьями свергали огни, разведенные въ избахъ.

— Уже завтракъ готовить, проворчалъ онъ про себя.

Усталый умъ и возбужденная фантазія заставляли его порою грезить на яву. Вотъ опять весна и Слимакъ боронить овесъ, грезить на яву. Вотъ опять весна и Слимакъ боронить овесъ, передъ нимъ идутъ, махающіе хвостами Глѣдки, пады нимъ чирикають воробьи, тамъ Стасекъ смотрится въ рѣку, а тамъ бариковъ шуришь ѣдетъ на лошади, которой не умѣеть сдержать. Изъ-подъ моста, гдѣ жена стираетъ бѣлье, раздается трескъ валька, въ садикѣ кричитъ Гендрекъ, а Магда отвѣчаетъ ему изъ избы... Въ эту минуту Слимакъ почувалъ смрадь пожарница и вдругъ— все ему постыло. И эта замерзшая рѣка, въ которую уже никогда не будетъ глядѣться Стасекъ, и эти холмы, покрытые снѣгомъ, и эта изба, тѣсная, пустая, безъ крыши, съ противно торчащей трубой. Все ему опостылѣло, все и въ первый разъ въ жизни ему захотѣлось удрать отсюда, куда-нибудь такъ далеко, въ совершенно другія страны, гдѣ бы ужъ ему ничего не напоминало ни Стаська, ни Овчара, ни лошадей, ни этого проклятаго поселка.

— Что мнѣ тутъ!.. проворчалъ онъ, потрясая кулакомъ въ воздухъ. Что мнѣ за неволя тутъ сидѣть? У меня есть чуточку денегъ, столько же я получу отъ нѣмцевъ и куплю другую землю.

Чего мнѣ тутъ строиться, чтобы меня опять подожгли? хозяйничать, чтобы ничего не продавать? сидѣть, чтобы другіе лишали меня заработка?.. Я предпочитаю не быть мужикомъ, а жить, какъ нѣмецъ, который покупаетъ землю, какъ можно дешевле, продаетъ, какъ можно дороже, и у котораго есть деньги... Онъ сошелъ съ пригорка въ конюшню и улегся на соломѣ, недалеко отъ жены, которая стонала въ бреду. Въ полдень на порогѣ конюшни показался старый Гамеръ, а за нимъ нѣмка съ чашками горячаго кушанья. Видя, что мужикъ не шевелится, Гамеръ ударилъ его раза два тросточкой.

— Гей! Гей! вставайте, — крикнулъ онъ.

Слимакъ очнулся, усѣлся на соломѣ и протеръ удивленные глаза. Увидѣвъ же, что какая-то баба стоитъ надъ нимъ съ чашками, онъ почувствовалъ голодъ и молча взялъ отъ нея посудину и ложку. Потомъ онъ съ жадностью началъ ѣсть. Старый Гамеръ усѣлся на порогѣ, поглядѣлъ на мужика, побачалъ головой, затѣмъ вынулъ изъ кармана фарфоровую трубочку на гибкомъ чубукѣ и, закуривъ ее, проговорилъ:

— Я былъ теперь въ вашей деревнѣ. Былъ у Гриба, у Ожеховскаго и еще у двоихъ хозяевъ, чтобы оказали вамъ какую-нибудь помощь! Вѣдь это христіанская обязанность...

Онъ медленно выпустилъ большой клубъ дыма, какъ-бы ожидал благодарности мужика, но Слимакъ даже не взглянулъ на него, только ѣлъ.

— Я говорилъ имъ, продолжалъ старикъ, чтобы васъ которыйнибудь взялъ на квартиру, или хоть выслалъ лошадей за фельдшеромъ для жены. Ну, а они ничего! Они покивали головами и сказали, что васъ Богъ наказалъ за смерть работника и пайденыша, поэтому они въ такіа дѣла не хотятъ вмѣшиваться. У нихъ нѣтъ христіанскаго милосердія.

Слимакъ ужъ кончилъ ѣсть, но продолжалъ молчать. Гамеръ еще нѣсколько разъ затянулся изъ чбука и, наконецъ, сказалъ:

— Ну, что вы теперь будете дѣлать на этомъ пустырь?

Мужикъ отеръ ротъ и отвѣтилъ:

— Продамъ.

Гамеръ сталъ поправляя табакъ въ трубкѣ.

— У васъ есть покупатель? спросилъ онъ.

— Вамъ продамъ, сказала Сливакъ.

Гамеръ задумался и опять что-то завозился съ трубкой. Наконецъ онъ отвѣтилъ:

— Фью! купить куплю, когда съ вами такая бѣда приключилась, но дать могу только семьдесятъ рублей за десятину.

— Недавно давали сто...

— Зачѣмъ же не брали?

— Это правда, сказалъ мужикъ, каждый пользуется, какъ можетъ.

— А вы никогда не пользовались? спросилъ Гамеръ.

— И я пользовался.

— Наконецъ постройки сгорѣли.

— Выстройте себѣ лучше.

Гамеръ опять задумался.

— Слѣдовательно берете? спросилъ Сливакъ.

— Чего не брать.

— И завтра поѣдемъ къ писарю?

— Поѣдемъ.

— А сегодня вечеромъ условимся у меня.

— Можно и сегодня.

— Ну, когда такъ,—сказала Гамеръ черезъ минуту, то я вамъ, что-то скажу. Я вамъ дамъ семьдесятъ пять рублей за десятину и я не допущу, чтобы вы погибли тутъ. Вашу жену мы отвеземъ въ колонію и помѣстимъ въ школь. Тамъ тепло. Оба перезимуете у насъ, а я за работу буду вамъ платить, какъ нашимъ рабочимъ.

Сливака даже подобрсило словечко: «работникъ». Однако онъ молчалъ.

— Потому ваши хозяева,—кончилъ Гамеръ, поднимаясь съ порога,—они вамъ не подадутъ помощи. У нихъ нѣтъ христіанскаго милосердія. Это скоты... Прощайте.

— Счастливаго пути,—отвѣтилъ мужикъ.

Гамеръ отошелъ. Передъ заходомъ солнца подъѣхали санки и Сливакову, которая была безъ памяти, отвезли въ колонію. Сливакъ еще остался на пожаращѣ. Прежде всего онъ вытащилъ изъ-подъ навоза мѣшечекъ съ серебромъ, второй съ банковыми билетами и спряталъ ихъ въ карманы армяка. Потомъ онъ снесъ

въ конюшню остальную одежду и мебель, уцѣлѣвшую отъ пожара, и наконецъ, подбросили корму коровамъ. Ему казалось, что нѣмцы скотинки смотрятъ, какъ бы спрашивая:

— Неужели вамъ нечего больше дѣлать, хозяинъ?

— Что-жъ мнѣ дѣлать?..—думалъ мужикъ. Вѣстимо, осталось у меня чуточку денегъ, даже изрядно, но что же изъ этого? Хоть-бы я отстроился и лошадей купилъ, то опять что-нибудь приключится, потому мѣсто несчастное. Нѣмецъ, какъ тутъ усядется, зло отгонитъ; я не сдюжю.

Настала вечеръ, но Слимакъ еще вертѣлся на пожарищѣ, чувствуя, что его что-то такъ удерживаетъ на мѣстѣ, точно у него ноги примерзли къ землѣ. Онъ началъ самъ возбуждать въ себѣ гнѣвъ и самъ передъ собою унижать свою худобушку.

— Умру!... гадость!—ворчалъ онъ.—Есть мнѣ чѣго жалѣть—земля бесплодная, отъ людей далеко, заработковъ никакихъ, а чего не выжжетъ солнце, то истребитъ вода. Потомъ развѣ я сидѣлъ-бы для того, чтобы воры на мнѣ наживали.

Гнѣвъ въ самомъ дѣлѣ закипѣлъ въ немъ; мужикъ плюнулъ на землю, толкнулъ сломанныя ворота и быстрымъ шагомъ пошелъ по направленію къ мосту, не оглядываясь на свои владѣнія. По дорогѣ онъ встрѣтилъ двоихъ нѣмцевъ-рабочихъ, которые, весело болтая, шли ночевать на его попелище. При видѣ Слимака они замолкли, но, обойдя его, стали тихо смѣяться.

— Стану я съ вами зимовать, псы окаянные?—проворчалъ Слимакъ.—Пусть только у меня парнишка вернется изъ-подъ ареста и баба выздоровѣетъ, такъ я пойду въ такую страну, что мои глаза никогда не увидятъ васъ...

На безоблачномъ небѣ загорались звѣзды и четверть луны стала вылизывать изъ-за лѣсу. За мостомъ мужикъ свернулъ на лѣво и вскорѣ остановился у поселка Гамера. У воротъ чернѣла и покашливала какая-то человѣческая тѣнь.

— Это вы, господинъ бакалавръ? спросилъ Слимакъ.

— Я. Что, вы согласились продать землю?

Мужикъ молчалъ.

— Можетъ, это и лучше... Навѣрно, лучше,—продолжалъ бакалавръ. Одни на этомъ клочкѣ вы бы не много завоевали, потому что вамъ не везетъ, а такъ —по крайней мѣрѣ, спасете другихъ.

Онъ оглянулся и говорилъ, понизивъ голосъ.

— Но поторгуйтесь у писаря съ Гамерами, потому что вы имъ дѣласте одолженіе. Какъ они съ вами покончатъ, Кнапъ выдать дочку за Вильгельма, выплатить приданое и еще дать денегъ въ долгъ. Безъ этого Гиршгольдъ выгнать-бы ихъ въ Иванову дню и продать-бы хуторъ Грибу... тяжелый контрактъ они подписали съ жидомъ.

— Такъ Грибъ купилъ-бы послѣ нихъ колонію?—спросилъ Слимакъ.

— Кто-жь-бы другой?—продолжалъ бакалавръ. Грибъ хочетъ купить для сына... Ужъ тутъ Йозель вертѣлся съ мѣсяцъ и Богъ вѣсть, что-бы было, если-бы вы не согласились на продажу своего клочка.

— Грибъ?..—повторилъ мужикъ.—А я предпочелъ-бы имѣть дьявола сосѣдомъ, чѣмъ эту чуму. Сто нѣмцевъ такъ не допекутъ, какъ этотъ старый Іуда.

— Все-же съ ними чуточку поторгуйтесь,—прибавилъ бакалавръ.—Они не будутъ упрямитъ, потому что ужъ пріѣхалъ Кнапъ и они должны съ нимъ покончить.

На хуторѣ скрипнули двери. Бакалавръ вдругъ измѣнилъ тему разговора.

— Ваша жена,—говорилъ онъ громко,—лежитъ въ школѣ. Ступайте-же туда...

— Это Слимакъ, что-ли? закричалъ со двора Фрицъ Гамеръ.

— Я.

— Ну, такъ загляните къ женѣ, но почувте въ кухнѣ. За больной присмотрите Августова, а вы должны выспаться, потому что завтра чуть свѣтъ поѣдемъ.

Онъ отошелъ за уголь дома и двери опять заскрипѣли. Видно, вернулся въ избу.

— А вы гдѣ живете, господинъ бакалавръ?—спросилъ мужикъ.

— Обыкновенно мы живемъ въ школѣ, но теперь съ дочерью ночуемъ при конюшнѣ.

Слимакъ задумался и отвѣтилъ:

— Вѣрно, мою женку только до завтра положили въ избу. А завтра насъ вышвырнуть въ конюшню. Намъ нечего заставаться тутъ.

Они вошли въ темныя сѣни. Откуда-то изъ глубины дома слышался шумный разговоръ, прерываемый грубыми взрывами смѣха и звиканьемъ стекла. Бакалавръ взялъ мужика за плечо и потянулъ къ двери на лѣво. Открылъ. Въ большой комнатѣ, заставленной скамьями и освѣщенной маленькой лампочкой, на лавкѣ лежала Сливакова, какая-то старушка прикладывала къ ея головѣ мокрые платки. Комната была наполнена острымъ запахомъ уксуса. У мужика замерло сердце. Только теперь, когда онъ почуялъ запахъ уксусу, онъ понялъ, что жена его должно быть очень больна, тѣжко больна. Когда онъ всталъ надъ лавкой, Сливакова стала къ нему присматриваться, щури глаза. Вдругъ она проговорила охрипшимъ голосомъ:

— Это ты. Юзекъ?..

— Я.

Больная, закрывъ глаза, стала руками теребить тупуцъ, котормъ ее прикрыли. И опять проговорила, на этотъ разъ громче:

— Что ты дѣлаешь, Юзекъ?.. Что ты дѣлаешь?..

— Вѣдь ты видишь, что я...

— Ага! стоишь... Знаю я, что ты дѣлаешь... Небось!.. Все знаю...

— Ступайте отсюда, хозяинъ,—прервала старая нѣмка, подталкивая мужика къ дверямъ.—Ступайте, потому что она тревожится, а это не хорошо... Ступайте...

И она вытолкала его изъ комнаты.

— Юзекъ!.. крикнула Сливакова, Юзекъ!.. вернись... Я что-то тебѣ скажу...

Мужикъ колебался.

— Не зачѣмъ,—шенталь бакалавръ,—она бредитъ и раздражается, какъ вы у нея съ глазъ уйдете, можетъ, она заснетъ.

Онъ увелъ его на другую сторону сѣней въ кухню, куда тотчасъ вбѣжалъ Фрицъ Гамеръ и потянулъ Сливака въ слѣдующую комнату. При ярко горящей лампѣ, за столомъ, заставленнымъ кружками, среди облаковъ дыма и трубокъ, сидѣлъ старый Гамеръ, а рядомъ мельникъ Кнацъ. Это былъ человѣкъ дюжій, какъ кулъ муки съ большимъ краснымъ и доснившимся лицомъ. Онъ сидѣлъ безъ сюртука, держа въ одной рукѣ кружку пива и обтирая вспотѣвшій лобъ манжеткой другой. Изъ-подъ разстегнутой

рубашки, въ которой блестяли золотыя запонки, видѣлась грудь, полная, какъ у женщины, обросшая густыми волосами. На право отъ стола, лежала на подставкахъ изрядная бочка, изъ которой Вильгельмъ Гамеръ наливалъ постоянно новыя кружки пива.

— Какъ тебя зовутъ, батюшка?—весело крикнулъ Кнапъ, грубымъ голосомъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

— Слимакъ.

— Ну, правда, это тотъ самый!.. брякнулъ Кнапъ и разсмѣялся.—А продаешь ты намъ твою землю съ горой подъ вѣтряную мельницу?

— Развѣ-жь я знаю?.. робко отвѣтилъ мужикъ. Должно быть, что продамъ...

— Га! га!.. шумѣлъ Кнапъ.—Вильгельмъ!.. прорычалъ онъ, точно Вильгельмъ былъ за версту дороги,—налей пива этому мужику... Пей за мое здоровье, я выпью за твое... Хо! хо! хо! хоть ты ржи ко мнѣ никогда не привозилъ, я чокаюсь съ тобой... Ты будь здоровъ и я будь здоровъ... А отчего ты раньше не продалъ намъ своей земли?

— Развѣ-жь я знаю,—отвѣтилъ мужикъ, съ жадностью выпивъ пиво.

— Вильгельмъ!.. налей ему... рычалъ Кнапъ.—А я тебѣ скажу, отчего не продалъ. Оттого, что ты не умѣешь быть рѣшительнымъ. Хо! хо! Твердая рѣшимость—это основа. Я сказалъ: «будетъ мельница въ Вулькѣ», и въ Вулькѣ есть мельница, хоть мнѣ ее два раза поджигали жида. Не правда-ли, Гамеръ? И еще я сказалъ: «мой Конрадъ будетъ докторомъ», и Конрадъ будетъ докторомъ. И еще я сказалъ: «ты, Гамеръ, у твоего Вильгельма должна быть вѣтряная мельница», и у Вильгельма должна быть вѣтряная мельница. Безъ твердой рѣшимости человѣкъ, какъ мельница безъ воды... Вильгельмъ!.. налей ему пива... Не правда ли, какое хорошее пиво?.. Мой зять Краузе дѣлаетъ такое пиво... хо! хо!

— Что это?..—воскликнулъ онъ, наклоняясь по направленію въ бочкѣ. Что это—пива нѣтъ?.. Баста!.. идемъ спать.

Они двинулись изъ за стола. Фермеръ втолкнулъ Слимака въ кухню и заперъ двери. Мужикъ одурѣлъ, неизвѣстно отъ чего больше: отъ пива или отъ шумнаго разговора Кнапа. При свѣтѣ

почника онъ разглядѣлъ въ кухнѣ двѣ лавки; на одной изъ которыхъ ужь кто-то спалъ, другая была пустая. Слимакъ усѣлся на пустую, почувствовалъ, что ему какъ-то весело, и сталъ раскачиваться на право и на лѣво, на право и на лѣво. Онъ не думалъ ни о чемъ, скорѣе прислушивался къ разговору, который въ сосѣдней комнатѣ вели по-нѣмецки. Нѣсколько времени спустя онъ услышалъ громкіе поцѣлуи, новый рядъ восклицаній, отодвиганіе стола и стульевъ и смѣхъ Кнапа. Потомъ кухню залило свѣтомъ и черезъ нее прошли Фрицъ и Вильгельмъ.

— Спать, спать!.. крикнулъ ему Фрицъ. Чуть свѣтъ идетъ...

Молодые Гамеры вышли въ сѣни, изъ сѣней на дворъ, шаги ихъ замолкли гдѣ-то у амбара, а Слимакъ продолжалъ качать головой вправо и влѣво. Опять прошло нѣсколько времени, впродолженіи котораго въ сосѣдней комнатѣ раздавались тяжелые шаги, а потомъ грубый голосъ Кнапа, говорящій:

— Отче нашъ, иже еси на небеси!..

Мельникъ впродолженіе молитвы снималъ сапоги, отбрасывалъ ихъ далеко отъ себя и, наконецъ, повторяя аминь... аминь... улегся на кровать, которая затрещала подъ нимъ. Наконецъ онъ умолеъ и нѣсколько минутъ спустя захрапѣлъ такими странными голосами, точно его въ одно и тоже время душили и рѣзали. Въ кухнѣ почникъ потухалъ, зашипѣлъ, еще раза два блеснулъ и погасъ, издавая неприятный смрадъ жженого жира. Въ замерзшія окна заглянулъ мѣсяцъ и на глиняномъ полу разстилалась полоска тусклаго свѣта, перерѣзанная на шесть частичекъ тѣнью оконной рамы. Мельникъ страшно храпѣлъ и стоналъ. Мужикъ, одурѣвшій отъ пива, раскачивался на право и на лѣво, улыбался неизвѣстно кому и расуждалъ.

— Ну, продамъ!.. Такъ что же? Развѣ мнѣ это не дозволено? Вѣдь лучше-же пойти въ другую сторону и купить пятнадцать десятинъ дѣльной земли, чѣмъ сидѣть на десяти скверныхъ и еще быть сосѣдомъ Яськи Гриба. А то-то они бы меня со старикомъ оба уекли... продать, такъ продать, только бы скорѣе.

И онъ всталъ, какъ бы желая отправиться къ писарю. Но припомнивъ, что до писаря далеко, опять повалился на сѣнникъ и тихо смѣялся самъ про себя. Крѣпкое пиво, влитое въ пустой желудокъ, все болѣе разбирало его. Вдругъ на свѣтломъ стеклѣ

ожонъ вырисовался человѣческой силуэтъ. Кто-то со двора старался заглянуть въ кухню. Мужикъ машинально подвинулся къ окну, поглядѣлъ... отрезвился... и выбѣжалъ изъ кухни. При скрипѣ дверей спящій работникъ повернулся и заругался, но Слимакъ не обращалъ вниманія на него. Трясущимися руками отыскалъ онъ задвижку въ сѣняхъ, дернулъ ее и обвѣянный морознымъ воздухомъ очутился на дворѣ. Передъ домомъ стояла женщина, заглядывая въ окно. Слимакъ подбѣжалъ къ ней, схватилъ за плечи и прошепталъ съ величайшей тревогой:

— Это ты, Ягна?.. Ты?.. Побойся Бога, что ты дѣлаешь?.. Кто тебя одѣлъ?..

Дѣйствительно это была Слимакова.

— Сама одѣлась, только сапогъ не могла обуть и криво у меня сидятъ... пойдемъ домой,—сказала она, таща его за руку

— Куда домой? отвѣтилъ Слимакъ.—Вѣдь ты-же, Ягна, такъ больна, что не знаешь, что у насъ домъ сгорѣлъ и амбаръ... куда пойдешь, въ такой морозъ?..

На дворѣ залаяли цѣпныя собаки Гамера; Слимакова повисла у мужа на рукѣ и упорно настаивала:

— Пойдемъ домой... пойдемъ домой!.. Я не могу умирать въ чужой избѣ, какъ поденщица... нѣтъ!.. Я хозяйка... не хочу брататься съ швабами, потому что батюшка не окропитъ мнѣ даже гроба святой водой...

Она тянула, а онъ шелъ и такъ они шли оба до воротъ, потомъ за ворота, потомъ по направленію къ замерзшей рѣкѣ, чтобы какъ можно скорѣе добраться до пепелища. За ними бѣжали собаки и съ бѣшенымъ озлобеньемъ дергали ихъ за одежду. Они шли молча. Только у рѣки остановилась усталая женщина и, отдохнувъ съ минуту, заговорила:

— Ты думаешь, что я не знаю, что тебя нѣмцы соблазнили и ты хочешь продать имъ землю?.. можетъ, неправда?.. прибавила она, безумно глядя ему въ глаза.

Слимакъ опустилъ голову.

— Ты предатель!.. ты отступникъ!.. разразилась она вдругъ, грозя ему кулакомъ.—Ты продаешь землю?.. А ты бы самого Господа Иисуса жидамъ продалъ!.. Такъ тебѣ ужъ надоѣло, что ты честный хозяинъ, какъ твой отецъ, и ты хочешь чтобы люди по-

мыкали тобою? А что станется съ Гендрекомъ?.. Вудеть ходить за чужой сохой... А меня какъ похоронишь?.. Какъ хозяйку, или какъ поденщицу?..

Она потащила его и они вошли на ледъ. Когда они очутились на срединѣ рѣки, Сливакова опять разразилась:

— Пстой, ты, Иуда!.. воскликнула она, хватая его за обѣ руки.— Ты еще думаешь продать землю? Я тебѣ ужь совсѣмъ не вѣрю... Слушай,—говорила она въ лихорадочномъ раздраженіи.— Если продашь, Господь Богъ проклянетъ тебя и мальчугана... Этотъ ледъ проломится подъ тобой, если ты не отречешься отъ дьявольскихъ мыслей... Я послѣ смерти не дамъ тебѣ покою... Ты никогда не заснешь, потому что хоть-бы ты заснулъ, я встану изъ могилы и открою тебѣ глаза... Слушай!.. крикнула она въ припадѣѣ безумія. Если ты продашь землю, то ты не проглотишь святаго причастія, потому что оно застрянетъ у тебя въ горлѣ, или отольется тебѣ кровью...

— Исусе!.. прошептала мужикъ.

— Гдѣ ты ступишь, трава сгорить у тебя подъ ногами... пролинала женщина въ бреду. На кого взглянешь, сглазишь и съ нимъ случится большое несчастіе...

— Исусе! Исусе!.. застоналъ мужикъ. Онъ вырвался у ней изъ рукъ и затенулъ уши.

— Продашь?.. продашь?.. спрашивала она, приближая лицо къ его лицу.

Слимакъ тряхнулъ головой и разставилъ руки.

— Пусть будетъ, что будетъ,—отвѣтилъ онъ,—не продамъ.

— Хоть бы ты издохъ въ своей берлогѣ.

— Хоть бы издохъ.

— Съ помощью Божіей?

— Съ помощью Господа и невинной муки Его...

Сливакова запаталась. Мужъ подхватилъ ее и почти на рукахъ дотащилъ до конюшни, гдѣ спало двое рабочихъ Гамера. Мужикъ усадилъ жену на порогъ, а самъ сталъ ударять кулаками въ двери.

— Кто тамъ?—спросили соннымъ голосомъ работники.

— Отворяйте!.. вставайте!.. отвѣтилъ Сливакъ.

Одинъ изъ рабочихъ открылъ лвери.

— Это вы, Слимаэль?—проговорилъ онъ, удивленный, вугаясь въ тулуць.

— Ступайте въ свою колонію, потому что мнѣ надо тутъ бабу уложить.

Рабочій сталъ почесывать свой косматый хохоль.

— Вы издѣваетесь, что-ли?.. Вѣдь эта земля уже не ваша...

— А чья же?.. — взвизгнувъ разсерженный мужикъ и, схвативъ его за грудь, выбросилъ на дворъ.

— Пошли!..—прибавилъ онъ, ускользая отъ другого рабочаго, который съ сапогами въ рукахъ добровольно оставлялъ конюшню.

Выгнанные, поворчивая, стали быстро одѣваться, Слимаэль взялъ жену на руки и уложилъ ее на еще теплой соломѣ. Женщина тяжело дышала.

— Изъ этого дѣла будетъ тяжба!—проговорилъ старшій рабочій.—Такъ нельзя обманывать людей. Старикъ, полагаясь на ваше слово, привезъ Кнапа, жену вамъ какъ должно лечить, а вы ночью отъ контракта удираете. Честный вы продавецъ!..

— Вѣрно Геде его науськала, —вступился другой рабочій.

— Геде не такой подлець, —отвѣтилъ старшій, —онъ сдержитъ условіе. Это жидомъ пахнетъ... Должно быть, его подговорили Юзель съ Гиршгольдомъ, оба эти собачьихъ сына, которые насъ всѣхъ въ бѣду втянули.

Раздраженный Слимаэль захлопнулъ двери конюшни. Оба нѣмца возвысили голосъ:

— Ты заплатишься за надувательство!..

— Земли твоей на это не хватить...

— Увидишь, какъ тебѣ жида отплатятъ.

— Отъ голоду издохнешь, или на пеперти будешь рузу протягивать.

— Проваливайте!.. крикнулъ имъ вслѣдъ Слимаэль.

Они отвернулись и ушли по направленію къ колоніи, грозя кулаками и ругаясь попеременно, то по-польски, то по-нѣмецки. Когда ихъ сердитые голоса умолели, Слимаэль вышелъ изъ конюшни и сталъ блуждать по двору, прислушиваясь, не ѣдетъ-ли кто по дорогѣ.

— Нечего дѣлать, —думалъ онъ, —надо привести какую-нибудь бабу и фельдшера...

Иногда онъ отворялъ скрипящія двери конюшни и заглядывалъ къ женѣ. Ему казалось, что она спитъ, нѣсколько успокоившаяся, потому что ужъ не хранила.

Такъ онъ прослонялся до утра. По восходѣ солнца онъ подбросилъ корму коровамъ и напоилъ ихъ, а когда совсѣмъ разсвѣло, онъ вошелъ въ конюшню, желая немного выспаться.

Спокойствіе жены заставило его призадуматься. Хоть у него слипались глаза и въ головѣ гудѣло, онъ подошелъ къ ней и осмотрѣлъ ее, сосредоточивая остатокъ вниманія. Онъ дернулъ ее за руку, коснулся рта—не шевельнулась. Умерла и ужъ даже остыла.

— Вотъ тебѣ и па!..—проворчалъ онъ.—А... а... чертъ по-бери, ужъ тутъ все!..

Онъ заперся въ конюшнѣ и, набравъ темного соломы въ уголь, улегся на нее. Черезъ нѣсколько минутъ онъ крѣпко заснулъ... Былъ уже часъ пополудни, когда его разбудилъ блескъ и крикъ. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ надъ собою старую Собѣскую.

— Вставайте Слимакъ!.. А вѣдь ваша-то жена умерла... въ копецъ умерла...

— Что же я подѣлаю?—отвѣтилъ мужикъ.

Онъ повернулся брюхомъ на землю и еще больше натянулъ тулупъ на голову.

— Надо купить гробъ... Дать знать въ приходъ...

— Пусть другіе даютъ знать.

— Кто дастъ?.. кричала баба. — Въ деревнѣ говорятъ, что васъ самъ Господь Богъ наказалъ за Овчара и сироту... Нѣмцы вамъ отплатить, такъ что только держись!.. потому что этотъ толстый мельникъ изъ Вульки поссорился съ ними и уѣхалъ... Миѣ даже Изель не велѣлъ сюда идти и говорить, что у васъ теперь изъ реберъ выльзутъ тѣ щиплята, которыхъ вы тогда продавали желѣзнодорожникамъ. Упрямый жидъ, я чуть кинятку ему въ глаза не брызнула... Ну, шевелитесь же, Слимакъ!.. говорила баба, дергая его за тулупъ.

— Ей!.. оставь меня, — проговорилъ мужикъ подавленнымъ голосомъ,—потому какъ я тебя иду, то вся водка изъ тебя вытечетъ...

— О, ты безбожникъ!.. песь невѣрный!.. отступникъ отъ цер-

нель, испещренную частыми заплатами. Жидь дуль на свои синіе пальцы, переладываль свой мѣшокъ съ плеча на плечо и размышляль о семейныхъ горестяхъ. Дождется-ли когда-нибудь его жена, старая Ляба, щуки на шабашъ? Что подѣлываетъ его сынъ, Менахемъ, который удраль отъ воинской повинности въ Германію и ужь сбриль бороду, одѣлся въ короткій сюртукъ, по не имѣль денегъ? Когда также вернется самый ловкій изъ его зятьевъ, Бенціонъ Сюфитъ, который въ настоящее время сидитъ въ тюрьмѣ за какое-то акцизное преступленіе? Сдѣлается-ли его второй зять, Вольфъ Кипкеръ, когда-нибудь ученымъ, хоть онъ десять лѣтъ ничего не дѣлаетъ, какъ только читаетъ священныя книги? Выйдетъ-ли его дочка, Рифка, некрасивая старая дѣва когда-нибудь замужъ, а его внуки и внучки, Хаймъ, Фанвель и Мордко, Елька, Ланя и Мирла, будутъ-ли имѣть когда-нибудь по двѣ рубашки?

— Ай-вай!—проворчалъ еврей.—И еще у меня эти негодяи украли три рубля...

Эти три рубля украли у Недопежа воры еще осенью; но онъ съ той поры не могъ забыть о нихъ. Это была одна изъ наибольшихъ суммъ, которыми онъ когда-либо обладалъ. Въ эту минуту взгляды Іойны упали на трубу сгорѣвшей избы Слимака. Еврей тяжело вздохнулъ. Ай! что-бы это было, если-бы Господь Богъ такъ ниспослалъ огонь на его хату и куда-бы дѣвалась жена, дочки, зять, внуки и внучки?..

Его волненіе усилилось, когда онъ услыхалъ мычанье коровы въ хлѣвѣ. Значить, что Слимаковы на своемъ пепелищѣ. Известное дѣло, что они тутъ, въ деревнѣ никто-бы ихъ не принялъ, потому что ужь болѣе года всѣ на нихъ сердились. За что сердились?.. Ну, а за что всѣ сердятся на него, на стараго Іойну и еще говорятъ, что онъ мошенникъ?.. У людей есть свои антипатіи, таковъ ужь порядокъ вещей и онъ ужь его не исправитъ. Корова во второй разъ замычала (обѣ попеременно мычали съ полудня) и Іойна завернулъ на пепелище посмотрѣть, что дѣлается у Слимака.

— Можетъ, что-нибудь заработаю?—подумалъ онъ.

Онъ вошелъ на дворъ, оглядѣлся и, верти головой, сразу пошелъ въ конюшню.

— Слимакъ!.. Господинъ хозяинъ!.. Госпожа хозяйка!.. Здѣсь-ли господа?.. кричалъ онъ, стуча въ стѣну. Онъ боялся открыть двери, чтобы въ случаѣ отсутствія хозяевъ его не заподозрили въ заглядываньи въ чужіе углы.

— Кто тамъ?—проговорилъ Слимакъ.

— Я, старый Іойна, — отвѣтилъ онъ.

Приотворивъ двери, онъ спросилъ удивленный:

— Что это съ вами, господа?.. Что съ вами, Слимакъ?.. Что съ хозяйкой?..

— Умерла.

— Какъ это умерла?.. отпалъ еврей. — Зачѣмъ такъ шутить. Ай-вай!.. можетъ, и умерла?.. прибавилъ онъ, внимательно присматриваясь къ лежащей. — Такая славная хозяйка! — продолжалъ онъ. — Большое несчастье на васъ обрушилось, Господи Боже сохрани!.. Тьфу! — отплюнулся онъ. — А вы что такъ лежите, Слимакъ, вѣдь надо-же устроить похороны.

— Будетъ двое сразу, — пробормоталъ мужикъ.

— Какже можетъ быть двое?.. Развѣ вы больны.

— Нѣтъ.

Еврей вертѣлъ головой, отплевывался и размышлялъ.

— Однако-же такъ не можетъ быть, — сказала онъ, — а если вы не двинетесь, то я дамъ знать. Только скажите, къ кому пойти?

Слимакъ молчалъ, но корова опять замычала.

— Чего она такъ мычитъ, эта скотинка? — спросилъ съ любопытствомъ Іойна.

— Должно быть, оттого что не напоена.

— Такъ отчего-же вы ихъ не напоили?

Мужикъ опять не отвѣчалъ. Еврей постоялъ съ минуту, наконецъ, стукнувъ пальцемъ въ лобъ, бросилъ мѣшокъ, палку и спросилъ:

— Гдѣ у васъ ушатъ, хозяинъ? гдѣ ведро?..

— Оставьте меня въ покоѣ, — проворчалъ мужикъ сердитымъ голосомъ.

Но Іойна не уступилъ. Онъ нашелъ ушатъ и ведро въ хлѣвѣ, принесъ нѣсколько разъ воды изъ проруби, наполнилъ коровъ и поставилъ еще полное ведро подлѣ Слимака. Къ коровамъ Іойна

питаль особенное сочувствіе, потому что онъ полвѣка уже напрасно мечталъ о томъ, чтобы когда-нибудь обладать собственной коровой или, по крайней мѣрѣ, козой.

Еврей, отдохнувъ отъ этой работы, такой тяжелой для него, спросилъ Сликама:

— Ну, какже быть?

Мужика тронуло его состраданье, но оно не внушало ему энергіи. И такъ онъ только поднялъ голову и сказалъ:

— Если вы тамъ когда встрѣтитесь съ Гроховскимъ, накажите ему отъ меня, чтобы онъ не позволялъ продавать земли, пока Іендрекъ не выростетъ.

— А въ деревнѣ что теперь сказать? потому что я туда иду. Но мужикъ уже накрылся тулупомъ и прекратилъ разговоръ. Еврей всталъ, оперся на руку подбородкомъ и долго думалъ. Наконецъ, закрывъ конюшню, онъ забралъ свой мѣшокъ и дубину, и пошелъ, но не за мостъ, въ деревню, а по профъзжей дорогѣ въ гору. Сочувствіе бѣдняка къ чужой бѣдѣ было такъ сильно, что въ эту минуту онъ забылъ о своихъ горестяхъ, а думалъ о спасеніи Сликама. Собственно даже онъ не думалъ о Сликамѣ, а только прямо не умѣлъ отдѣлать его отъ себя. Ему казалось, что это онъ самъ, Іойна, лежитъ въ конюшнѣ подлѣ умершей жены и что онъ во что-бы то ни стало долженъ обратиться изъ бѣды. Онъ шелъ такъ быстро, какъ ему позволяли старія ноги впередъ къ Гроховскому. Было уже темно, около шести часовъ вечера, когда онъ очутился у его изгороди. Его поразило, что въ избѣ не было огня. Онъ постучался, ему не отвѣтили. Прождавъ четверть часа у порога, онъ обошелъ вокругъ избы и когда, отчаявшись, онъ уже собирался вернуться, вдругъ передъ нимъ очутился, какъ-бы изъ-подъ земли, Гроховскій.

— Ты зачѣмъ тутъ, жидъ?.. сердито спросилъ его высоченный мужикъ, старательно пряча позади себя какой-то длинный предметъ.

— Зачѣмъ?..—отвѣтилъ уstraшенный Іойна.—Я нарочно прибѣжалъ сюда къ вамъ отъ Сликама... Вы знаете, что они погоубили, Сликамова умерла, а онъ самъ лежитъ подлѣ нея безъ памяти?.. Говоритъ такъ, точно у него теперь въ головѣ бродятъ

паскудныя мысли и коровъ не напоилъ. Я боюсь, чтобы онъ не надѣлалъ чего надъ собою сегодня ночью.

— Слушай, жидъ, — сурово проговорилъ мужикъ, — говори мнѣ правду. Кто тебя научилъ этимъ изворотамъ. Ты самъ не воръ, но видно, что тебя воры подослали сюда.

— Какіе воры? — крикнулъ Іойна. — Я же вѣдь прямо возвращаюсь отъ Сликама...

— Не лги, не лги... — отвѣтилъ Гроховскій. — Ты же меня отсюда не вытащишь, хоть-бы палгалъ еще столько-же, а они тебѣ даже твоихъ денегъ не отдадутъ...

Онъ погрозилъ Іойнѣ и отошелъ къ постройкамъ! Только теперь жидъ замѣтилъ, что у Гроховскаго въ рукѣ ружье. Очевидно онъ поджидалъ воровъ. Видъ ружья такъ испугалъ Іойну, что въ первую минуту, онъ чуть было не упалъ, а затѣмъ быстро выбѣжалъ на проѣзжую дорогу. На небѣ свѣтила четверть луны, а при слабомъ ея свѣтѣ еврею казалось, что каждый кустъ и каждый столбъ разбойникъ, который сначала его ограбить, а потомъ выстрѣлить изъ ружья. Іойна вѣрно-бы умеръ отъ одного ружейнаго выстрѣла. Несмотря на это, онъ не забылъ Сликама и, выбравшись на дорогу, пошелъ въ деревню, гдѣ была церковь, къ приходскому священнику. Здѣшній священникъ только нѣсколько лѣтъ управлялъ приходомъ. Это былъ человекъ средняго возраста, очень красивый. Онъ обладалъ высшимъ образомъ вапемъ и манерами хорошо воспитаннаго дворянина. Онъ каждый годъ выписывалъ больше книжекъ, чѣмъ всѣ его сосѣди, и много читалъ, это не мѣшало ему, однако, разводить пчелъ, охотиться, бывать на вечеринкахъ у сосѣдей и исполнять духовныя обязанности. Онъ пользовался общимъ расположеніемъ. Дворяне любили его за его умъ и за его паклонность къ широкой, привольной жизни, евреи за то, что онъ не позволялъ ихъ обижать, колонисты за то, что онъ угощалъ въ своемъ приходѣ пасторовъ, мужики за то, что онъ обновилъ церковь, огородилъ кладбище каменной оградой, говорилъ хорошія проповѣди, устраивалъ бляромъ, но даже помогалъ. Однако сношенія между простонародьемъ и священникомъ были недостаточно близки. Мужики уважали его, но робѣли передъ нимъ. Глядя на него, они воображали,

что Богъ это знатный баринъ и дворянинъ, милостивый и милосердный, который, однако, не станеть разговаривать со всякимъ. Священникъ это чувствовалъ и ему было особенно неприятно, что еще ни одинъ мужикъ не пригласилъ его къ себѣ ни на свадьбу, ни на крестины, ни одинъ не посоветовался съ нимъ. Желая побѣдить ихъ робость, онъ иногда пускался въ разговоры съ ними, но тотчасъ подмѣчалъ боязнь на лицѣ мужика, а въ себѣ самомъ смущеніе и—прекращалъ разговоръ.

— Не могу притворяться демократомъ, думалъ онъ съ тоскою. Иногда во время распутицы, когда ксендзъ проводилъ нѣсколько дней безъ общества, въ немъ пробуждались упреки совѣсти.

— Скверный я пастырь,—говорилъ онъ себѣ,—жалкій ученикъ Христа. Вѣдь не для того же я сталъ священнослужителемъ, чтобы гнаться за дворянствомъ... негодяй я, фарисей...

Тогда онъ запирался на ключъ, преклонялъ колѣна на голомъ полу и просилъ Бога о ниспосланіи ему апостольскаго духа. Онъ клялся, что раздарить гончихъ, выбросить изъ погреба бутылки, раздасть бѣднымъ изящные костюмы и, вмѣсто того чтобы играть въ карты съ помѣщиками, будетъ утѣшать удрученныхъ, учить невѣжественныхъ и совѣтовать сомнѣвающимся. И именно въ то самое время, когда, благодаря посту и молитвѣ, уже въ немъ пробуждался духъ покорности и молитвы, сатана ниспосылалъ ему въ домъ гостей.

— Я погибъ... Боже, будь милостивъ!..—бормоталъ онъ съ отчаяніемъ, соскакивая съ колѣнъ, чтобы отдать распоряженія относительно кухни и погреба. Черезъ четверть часа спустя, онъ распѣвалъ свѣтскіе романсы и пилъ, какъ улащъ.

Въ тотъ день около семи часовъ вечера, когда Юлія подошелъ къ дому священника, тотъ собирался съ визитомъ къ сосѣдямъ помѣщикамъ. Тамъ должны были быть гости, инженеръ изъ Варшавы съ самыми свѣжими новостями, преферансъ, превосходный ужины и отборныя вина, потому что инженеръ ухаживалъ за дочерью хозяина. Ксендзъ уже нѣсколько дней сидѣлъ одинъ, поэтому онъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты выѣзда. Онъ такъ скучалъ, видя изъ одного окна дворъ, на которомъ толстый рабочій рубилъ дрова, а изъ другого садъ,

заваленный снѣгомъ, и обнаженные деревья, на которыхъ стрекотали черныя вороны,—такъ стосковался по людямъ, что почти не могъ дожидаться вечера. Онъ считалъ уже не часы, а четверти, а когда думалъ, что прошло четверть часа, поглядывалъ на часы и убѣждался съ недоумѣніемъ, что прошло едва нѣсколько минутъ. Викарій жилъ въ другомъ домѣ и тотчасъ по заходѣ солнца отправлялся спать, надѣвая передъ спомъ сукодную ватную шапочку. Это одно утѣшало священника, который не любилъ своего помощника. Чтобы какимъ-нибудь образомъ выдержать до выѣзда, онъ потребовалъ самоваръ и, покуривая трубку, мечталъ:

— Будутъ-ли сегодня господа Теофиловы или нѣтъ?.. Ну, онъ человѣкъ необычайно глупый, по она... Боже милосердный, что у меня тоже будетъ въ головѣ!..

Но несмотря на жалобы, онъ постоянно видѣлъ передъ собою зеленоватые глаза пани Теофиловой, устремленные на него, какъ бы съ сожалѣніемъ, и это странное выраженіе лица, съ которымъ она недавно сказала:

— Батюшка, въ жизни есть драмы сильнѣе, чѣмъ на сценѣ.

Онъ тогда не отвѣтилъ ей, только почувствовалъ, что у него защемило грудь. Но сегодня, иди тутъ одинъ и разсчитывая медленный стукъ часовъ, онъ сознавался, что въ жизни бываютъ не только сильныя, но и страшныя драмы.

— Что это за адъ, прятаться отъ себя со своими мыслями!

Онъ сильнѣе затаился трубкой и вдругъ вздрогнулъ. Ему пригрезилось, что его священническая ряса прикасается къ шелковому платью.

— Иисусе, смилуйся надо мной!—прошептала онъ, отодвигаясь отъ стола. Но какъ онъ ни усаживался, вездѣ онъ видѣлъ зеленоватые глаза и чувствовалъ жгучее прикосновеніе шелкового платья. «Ахъ, хоть бы ужъ скорѣе выѣхать... Морозъ отрезать... Впрочемъ, цѣлый вечеръ буду играть въ преферансъ». Онъ такъ думалъ и не вѣрилъ себѣ. Онъ зналъ, что дамы задержатъ его въ залѣ и что напротивъ себя онъ увидитъ по обыкновенію эти странные глаза и грустное лице, на которомъ точно вырѣзалась фраза: Батюшка, въ жизни бываютъ драмы.

Вдругъ постучали въ двери. Вошелъ Юйпа и поклонился до земли.

— Хорошо, что ты пришла, — воскликнул священник. Я только что-хотѣлъ послать за тобой, потому что собралось порядочно гардеробу для обновленія.

— Слава Богу! — отвѣтилъ еврей, — я уже съ недѣлю не имѣлъ работы. А вотъ еще влючница говорила, что въ кухнѣ часы испортились.

— Такъ ты умѣешь и часы поправлять?..

— Какже, у меня даже съ собой инструменты.

— Отлично!.. портной и часовщикъ.

— Я также зонтичникъ, шорникъ и умѣю холсты бѣлить.

— Ну, если такъ, то можешь зимовать у меня. А когда ты придешь на работу?

— Тотчасъ усядусь.

— На почъ? — спросилъ священникъ.

— Я работаю по цѣлымъ почамъ. Я ужъ не могу много спать.

— Какъ хочешь. Такъ ступай же во флигель и распорядись относительно ужина. Чаю тебѣ сейчасъ принесутъ.

— Простите, ваше благословеніе, — поклонился еврей, — но я прошу, чтобы сахаръ подали отдѣльно.

— Ты пьешь безъ сахару?

— На оборотъ, я даже люблю очень сладко, только я чай пью такъ, а сахаръ прячу для внуковъ.

— Пей съ сахаромъ! для внуковъ получишь отдѣльно, — отвѣтилъ ксендзъ, смѣясь надъ проницательностью еврея.

— Валентинъ, подай мнѣ шубу, — обратился онъ къ слугѣ, услыхавъ, что санки уже подѣжали.

Еврей опять поклонился.

— Простите, ваше благословеніе, — сказалъ онъ, — но я прихожу сюда отъ Сливака.

— Отъ Сливака?... повторилъ ксендзъ. — Ага! отъ того, который погорѣлъ.

— Даже не отъ него, потому что онъ не смѣлъ бы меня послать сюда. Но сегодня у него жена умерла и у него какъ-то помутилось въ головѣ и такъ оба лежатъ въ копынѣхъ и даже имъ некому воды подать и даже коровъ не поили цѣлый день.

Священникъ отшатнулся

— Какъ это, значитъ никто изъ деревни не навѣстилъ ихъ?..

— Простите, ваше благословеніе,—поклонился еврей—но въ деревнѣ говорятъ, что на него обрушился гнѣвъ Божій и черезъ это они должны погибнуть, если ихъ кто-нибудь не спасетъ.

Говоря это, онъ глядѣлъ въ глаза ксендзу, какъ бы желая сказать, что ему слѣдуетъ спасти Слимака. Священникъ ударилъ чубукомъ о полъ, такъ что трубка треснула.

— Ну, такъ я, ваше благословеніе, ужь пойду во флигель,— закончилъ еврей. Онъ захватилъ палку, мѣшокъ и вышелъ.

Передъ крыльцомъ слышались колокольчики санокъ, напоминающая ксендзу, что пора ѣхать къ сосѣду. Валентинъ стоялъ въ комнатѣ съ шубой въ рукахъ.

— Тамъ ожидаютъ меня,—думалъ священникъ, сгибая о полъ чубукъ.—Вѣдь тамъ этотъ инженеръ... Можетъ быть, я попадѣюсь для обрученія... Можетъ, съ педѣлю не увидишь пани Теофиловой?... прибавилъ въ немъ голосъ тише мысли. Ну, а этотъ вѣдь выдержитъ до завтра, впрочемъ, умершей женщины я не воскрешу...

Ахъ, какъ это тяжело колебаться между блестящимъ раутомъ и ночнымъ визитомъ къ погорѣльцу, который вмѣстѣ съ трупомъ лежитъ въ конюшнѣ...

— Давай шубу!—проговорилъ священникъ.—Сейчасъ-же, прибавилъ онъ и вошелъ въ свою спальную.

— Половина восьмого,—думалъ онъ, — если поѣду къ нему, то мнѣ ужь не зачѣмъ ѣхать къ нимъ.

И опять въ пустой комнатѣ онъ увидѣлъ зеленоватые глаза, печальное лицо и услышалъ фразы: «Въ жизни есть драмы»...

— Шубу! Сейчасъ-же... Смотри, Валентинъ, готовы-ли лошади.

— Стоять у крыльца,—отвѣтилъ слуга.

— Ага!.. Ночь свѣтлая?

— Свѣтлая, ваше благословеніе.

— Ага! ступай еще къ ключницѣ и вели, чтобы она накормила еврея. Пусть она дастъ ему свѣтлую лампу, если онъ захочетъ работать ночью.

Валентинъ вышелъ.

— Я не могу быть рабомъ всѣхъ погорѣльцевъ и женщинъ, которыя уже умерли. Завтра будетъ самая пора. Должно быть,

это не особенно важный человекъ, если никто изъ деревни не поспѣшилъ къ нему на помощь.

Машинально взглянулъ онъ на распятую фигуру Христа и задрожалъ. Ему казалось, что и у распятого зеленоватые глаза.

— Муки Господни! — прошептала онъ, — что со мной дѣлается?... и это я, гражданинъ, священникъ, колеблюсь между развлеченьемъ и утѣшенемъ несчастнаго... Священникъ!.. гражданинъ!... какже низко я упалъ.

Онъ схватился обѣими руками за голову и ходилъ по комнатѣ. Валентинъ вернулся. Священникъ поднялъ поблѣднѣвшее лицо.

— Возьми корзину, — сказала онъ измѣнившимся голосомъ, — уложи мясо отъ обѣда, хлѣбъ, бутылку меда и поставь въ сани.

Слуга удивился, но выполнилъ приказанное.

— Можетъ умираеть? — думалъ ксендзь. — Можетъ быть, ѣхать надо бы со Святыми дарами?... Нельзя? — прошептала онъ, опять увидѣвъ эти глаза. Я на вѣки погибъ... Боже, будь милостивъ...

Онъ колотилъ себя въ грудь и сомнѣвался въ своемъ спасеньи, забывая, что милосердный Отець, засчитываетъ не количества раутовъ, не число вынитыхъ бутылокъ, а ту тяжелую борьбу, которую ведетъ съ собою человѣческое сердце.

XI.

Въ полчаса сытия лошади священника остановились у изгороди Сликака. Ксендзь зажегъ, выпутый изъ-подъ козелъ фонарикъ и съ огнемъ въ одной и съ корзиной въ другой рукѣ, пошелъ въ конюшню. Онъ толкнулъ двери ногой и увидѣлъ трупъ Сликаковой. Онъ взглянулъ — вправо на соломѣ сидѣлъ мужикъ, заслоняя глаза отъ свѣта.

— Кто это? спросилъ Сликакъ.

— Я, священникъ.

Мужикъ соскочилъ съ земли и накинулъ на плечи тулупъ. На лицѣ видѣлось недоумѣнье, онъ не могъ понять, что дѣлается. Онъ, шатаясь, переступилъ черезъ порогъ и, вставъ напротивъ ксендза, присматривался къ нему, разинувъ ротъ.

— Что вамъ угодно тутъ, ваше благословеніе? — проговорилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Я приношу тебѣ покой и благословеніе Божье. Надѣнь тулупъ, потому холодно и подпишись, — отвѣтилъ ксендзь. Онъ уставилъ корзину на высокомъ порогѣ конюшни и сталъ вынимать, хлѣбъ, мясо и бутылку меда.

Слимакъ приблизился къ священнику, заглянулъ ему въ лицо, дотронулся до его шубы и вдругъ повалился ему въ ноги, рыдая:

— Какой я несчастный, ваше благословеніе... какой я несчастный... Ой! какой я несчастный...

— *Benedicat te omnipotens Deus*, — благословилъ его священникъ. Но вмѣсто того, чтобы перекрестить, взялъ его въ объятья и усѣлся съ нимъ на порогѣ. И такъ они просидѣли долго, жалкій, плачущій мужикъ въ объятіяхъ изящнаго ксендза.

— Ну, успокойся, братъ... Все будетъ хорошо... Богъ не покидаетъ своихъ дѣтей.

Онъ поцѣловалъ его и отеръ ему слезы. Слимакъ съ рывкомъ упалъ ему въ ноги во второй разъ.

— Пусть ужъ я погибну... рыдалъ онъ. — Пусть ужъ я пойду въ адъ за свои грѣхи, когда мнѣ такое счастье выпало на долю, что вы сами, ваше благословеніе, сказали надо мною... А развѣ я стою этого, да если бы сто лѣтъ прожилъ, если бы я на колѣнкахъ до земли Святой доползъ, то и такъ не отслужу...

Онъ отодвинулся на колѣняхъ и бился головой у ногъ ксендза, какъ передъ святѣйшимъ таинствомъ. И много времени прошло прежде, чѣмъ священнику удалось его успокоить на столько, что мужикъ поднялся и надѣлъ тулупъ.

— Выпей, — сказала ксендзь, подавая ему рюмку меда.

— Когда я не смѣю, желанное мое ваше благословеніе.

— Ну, такъ я пью за тебя, — и онъ коснулся рюмки губами.

Слимакъ взялъ медъ дрожащими руками и, снова вставъ на колѣни, выпилъ съ трудомъ.

— Что же по вкусу тебѣ пришлось? спросилъ ксендзь черезъ минуту.

— О, хорошо! крѣпкій ромъ... отвѣтилъ мужикъ уже другимъ голосомъ и поцѣловалъ у священника руку. Кореньевъ, должно быть, тутъ много, — прибавилъ онъ.

Послѣ увѣщаній онъ съѣлъ кусокъ мяса съ хлѣбомъ и выпилъ втормую рюмку меда. Это, очевидно, подкрѣпило его.

— Скажи-же мнѣ, братъ, что съ тобой случилось? началъ ксендзь. Потому я помню, что ты былъ хозяинъ зажиточный.

— Много пришлось-бы говорить, благодѣтель мой. Одинъ сынъ у меня утонулъ, другой подъ арестомъ, жена у меня умерла, лошадей у меня украли, меня сожгли... А всѣ мои несчастья начались съ той поры, какъ помѣщикъ продалъ деревню, какъ начали желѣзную дорогу строить и какъ пришли нѣмцы. Черезъ этихъ первыхъ желѣзнодорожниковъ, которые на нашихъ поляхъ тычинки уставляли на меня вся деревня обозлилась. Бунтовалъ ихъ, бунтовалъ Йозель за то, что желѣзнодорожники покупали у меня пылять и другія вещи. До сихъ поръ ихъ бунтуеть...

— А вы къ нему постоянно за совѣтомъ ходите, — вступился ксендзь.

— Куда-же идти, — скажите на милость, благодѣтель. Вѣдь мужикъ — человекъ темный, а жидъ знаетъ во всемъ толкъ и не разъ умно посовѣтуетъ.

Ксендзь смутился. Мужикъ, прибодрившись продолжалъ:

— Какъ не стало барины, у меня прекратились барскія заработки и еще мнѣ пришлось отдать нѣмцамъ двѣ десятины лужайки, которыя я арендовалъ отъ помѣщика.

— А-а!.. прервалъ священникъ. — Развѣ не тебѣ хотѣлъ помѣщикъ продать за сто двадцать рублей лужайку, стоящую сто шестьдесятъ.

— Мнѣ.

— И зачѣмъ-же ты не купилъ? не вѣрилъ ему. Вамъ кажется, что господа только и думаютъ, какъ васъ обидѣть...

— Кто ихъ знаетъ, что они думаютъ, благодѣтель? Между собою стрекочутъ, какъ жиды, а надъ человекомъ только издѣваются? Вѣдь я же помню, когда при толкахъ объ этой лужайкѣ баринъ съ барыней и шуриномъ стали надо мной подсмѣиваться, то я такъ орабѣлъ, что я бы и за сто рублей этого клочка не взялъ. Наконецъ въ то время толковали, что землю станутъ раздавать.

— И ты повѣрилъ?

— Развѣ-жь я въ этомъ смысле, когда со всѣхъ сторонъ только одну чепуху несутъ, а настоящей правды человекъ никогда не узнаетъ. Больше всего въ этомъ смыслятъ жиды, по

одинъ разъ они говорятъ такъ, другой иначе, а мужикъ вѣрить въ то, что ему выгодноѣ.

— Г-мъ! а при желѣзной дорогѣ у тебя не было заработковъ?

— Даже гроша не видалъ, такъ меня оттолкнули нѣмцы.

— Не могъ развѣ ты придти ко мнѣ? — разсердился священникъ. — Вѣдь у меня же все время жилъ главный инженеръ...

— Скажите на милость, благодѣтель, развѣ я это зналъ? Впрочемъ, я и не осмѣлился-бы ходить къ вамъ.

— Гмъ! Гмъ!.. Развѣ и нѣмцы тебѣ докучали?

— Ой! ой!.. вздохнулъ мужикъ, — съ своего приѣзда сюда они меня мучили, чтобы продалъ имъ землю. Они такъ на меня наступали, такъ приставали, что когда Господь Богъ пожаръ ниспослалъ, то я, наконецъ, уступилъ и перевезъ къ нимъ жену...

— И продалъ?

— Богъ сохранилъ и моя покойница. Она встала съ смертнаго ложа, вытатила меня отъ нихъ и такъ заклала, что я ужъ предпочитаю погибнуть лучше, чѣмъ продать. Но за то же, и отомстятъ они мнѣ, прибавилъ Сликакъ, печально свѣсивъ голову.

— Ничего тебѣ не сдѣлаютъ.

— Не они, такъ старшій Грибъ. Вѣдь если Гамеръ выѣдетъ отсюда, то хуторъ достанется Грибу. А онъ хуже нѣмца.

— Хорошъ я пастырь! — подумалъ ксендзь. — Мои овцы грызутся между собою, какъ волки, нѣмцы ихъ душатъ, жиды имъ совѣтуютъ, я-же ѣзжу на вечера!..

— Останься тутъ, братецъ, — проговорилъ онъ громко, а я заѣду въ деревню.

И онъ поднялся съ порога. Сликакъ еще разъ поцѣловалъ ему ноги и проводилъ до сапей.

— Поѣзжай за мостъ, — обратился священникъ къ кучеру.

— За мостъ? Ужъ туда не поѣдемъ? — удивлялся кучеръ, такой пухлый, точно его пчелы искусаи.

— Поѣзжай, куда я тебѣ приказываю! — отвѣтилъ ксендзь нетерпѣливо и метнулся на сидѣнны.

Сани отѣхали, Сликакъ остался одинъ и, опершись на плечень, какъ нѣкогда, въ лучшія времена, прислушивался къ звуку умолкающихъ колокольчиковъ и думалъ:

— Откуда благодѣтель узналъ о насъ? Видно, что отъ ксендза,

какъ и отъ Господа Бога, ничего не утаишь... Страхъ!.. потому что ужь извѣстное дѣло ни мужики ему не донесли, ни пѣмцы, ни Собѣская... Можетъ быть, Гоина?.. Добрый онъ жидъ и сострадательный, даже коровъ у меня напоилъ, по гдѣ же ему по ночамъ бѣгать въ приходъ. Впрочемъ, онъ шелъ въ деревню. Небывалая вещь, самъ священникъ заѣхалъ къ мужику, накормилъ его, напоилъ и еще пригрѣлъ. Ей Богу, мнѣ даже тяжело, что я облапилъ такую особу... Э, я даже и органиста не посмѣлъ бы обнять...

Онъ стоялъ, думалъ и мечталъ:

— Порядкомъ долженъ былъ измѣниться свѣтъ, когда такое духовное лицо не постыдилось сидѣть за попибратски съ мужикомъ и еще на порогѣ коюшши. Развѣ же опять станутъ раздавать земли? Развѣ уже дворянство совсѣмъ отмѣнили?.. Но честный благодѣтель, сердечный. Аккуратъ какъ тотъ святой епископъ, который Лазаря собственными руками поднималъ и рапи ему перевязывалъ. Онъ вѣрно также будетъ святъ и даже уже теперь святой, когда онъ обладаетъ ясновидѣньемъ и видитъ, что дѣлается за полмили. Теперь никто меня не обидитъ, потому что съ нимъ бы случилось несчастье... Ой! если бы мнѣ еще благодѣтель отпустилъ мой грѣхъ по отношенью къ Овчару и найденышу, я бы ничего не боялся...

Онъ вздохнулъ и долго глядѣлъ на небо, усыпанное звѣздами.

— Любопытно, пробормоталъ онъ, — горить-ли на небѣ ночью восковыя свѣчи, или оно само такъ свѣтится?

Далеко отъ моста, опять зазвенѣли колокольчики, зафыркали лошади и вскорѣ у изгороди остановились санки священника. Мужикъ выбѣжалъ на дорогу.

— Ты, Слимакъ?

— Я, благодѣтель.

— Завтра у тебя будетъ старшій Грибъ съ помощью. Помогите и больше не ссорьтесь. Къ вечеру надо справить похороны покойницы. Я уже послалъ за гробомъ въ мѣстечко.

— О мой избавитель!.. простоналъ мужикъ.

— Поѣзжай, Павелъ, во всю прыть, — сказалъ ксендзь къ вечеру. — Онъ вынулъ репетиторъ и услыхавъ, что три четверти десятого, пробормоталъ:

— Я запоздалъ, но еще поспѣю!..

И опять увидѣлъ передъ собою зеленоватые глаза, то на свѣжной равнинѣ, то между звѣздами, то на плечахъ кучера.

— Боже, будь милостивъ... Боже, будь милостивъ... шепталъ ксендзъ, борясь съ сатанинскимъ наводненьемъ.

Слимакъ стоялъ на дорогѣ, пока санки не исчезли въ темнотѣ. Когда же въ воздухѣ воцарилась полнѣйшая тишина, онъ почувствовалъ усталость и непреодолимую склонность ко сну. Онъ медленно потянулся въ конюшню, но не вошелъ туда. Онъ уже боялся спать подлѣ мертвой жены и улегся въ хлѣвъ. Сны у него были печальные, какіе обыкновенно бывають у людей послѣ сильныхъ потрясеній. Ему грезилось, что онъ куда-то падаетъ, что онъ тонетъ въ очень холодной водѣ, что онъ блуждаетъ по такой окрестности, въ которой никогда не было дня, а только вѣчный полумракъ, наконецъ, что жена, оставивъ конюшню, старается забраться въ хлѣвъ, то отворяя потихоньку дверь, то отодвигая доску въ стѣнѣ. Онъ проснулся, усталый и печальный, и даже съ минуту ему казалось, что ночное посѣщеніе священника было только привидѣньемъ. Съ тревогой заглянулъ онъ въ конюшню и успокоился только тогда, когда замѣтилъ хлѣбъ, мясо и початую бутылку меда, которую ксендзъ оставилъ вчера. Блескъ разсвѣтающагося дня упалъ на покойницу и отразился двумя тусклыми лучами въ ея полузакрытыхъ глазахъ.

— Нѣтъ, она не шевелилась ночью, — подумалъ Слимакъ и вздохнулъ за душу умершей.

Вдругъ какія-то санки, проѣзжающія по дорогѣ, остановились у воротъ. Неожиданно вошли на дворъ двое мужчинъ съ большою корзиной. Слимакъ удивился, увидѣвъ, что эту корзину гаситъ старшій Грибъ и его работникъ.

— Поѣзжай теперь, Куба, въ городъ за гробомъ, только сейчасъ-же! проговорилъ Грибъ работнику, когда они поставили корзину не далеко отъ хлѣва.

Работникъ отошелъ, Грибъ повернулся къ Слимаку, но сѣдая голова его тряслась и желтенькіе глазки тревожно бѣгали.

— Моя вина, сказалъ онъ, — ударяя себя въ грудь: — Моя вина!.. И что вы еще сердитесь?..

— Дай Боже вамъ всего лучшаго, что вы меня навѣстили въ такомъ горѣ,—отвѣтилъ Слимакъ и низко поклонился ему.

Старому мужику понравилась эта покорность. Онъ схватилъ Сликама за руку и заговорилъ нѣсколько привѣтливѣе.

— Я вамъ говорю: моя вина! потому такъ мнѣ приказалъ священникъ. Поэтому то я первый къ вамъ пришелъ, хоть старъ, и говорю: моя вина! Но и вы, кумъ, (этого я ужь не выговариваю) порядкомъ мнѣ насолчили.

— Простите мнѣ все, что я кому едѣлалъ дурного, — проговорилъ Сликамакъ, склоняясь къ плечу Гриба, — но правду сказать я ужь и не помню, чѣмъ я вамъ самимъ повредилъ?

— Я вѣдь не высказываю никакой претензіи противъ васъ. Все же съ желѣзнодорожниками торговали безъ меня...

— И только выторговалъ... вздохнулъ Сликамакъ, указывая на пожарище.

— Ну, Богъ, нашъ Отецъ небесный, тяжело испыталъ васъ и поэтому я говорю: моя вина! Но вы бы тоже могли тогда у церкви, когда покойница фуляръ купила (вѣчный ей покой!) поставить хоть бы сороковку на счастье, а не отвѣчать такъ грубо мнѣ, старому...

— Гай!.. правда, что я напрасно грубиянилъ.

— И съ нѣмцами вы братались напрасно, — подхватилъ Грибъ. — Иендрекъ даже съ ними ниль, (помните тогда, когда они начали мѣсто для дома указывать) а вы съ ними молились за панибратски...

— Только шанку снялъ. Вѣдь Богъ-же одинъ ихъ и нашъ.

Грибъ потрясъ рукой около своего уха.

— Такъ говорится, что одинъ, — отвѣтилъ онъ. — А я говорю, что ихъ Богъ долженъ быть другой, потому что съ нимъ надо по нѣмецки стрекотать. Но что намъ, — вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ, — прошло, кончилось и не вернется. А священникъ мнѣ вчера сказалъ, что за вами заслуга, потому что вы нѣмцамъ земли не продали. И правду сказалъ. Гамеръ былъ уже вчера у меня и хочеть продать свой хуторъ къ Иванову дню.

— Неужели-же это правда?

— Извѣстное дѣло. Живодеры шнабы, — погрозилъ старикъ кулакомъ, — годъ тому назадъ толковали, что они всѣхъ пасъ по

маленьку выкурять отсюда, гусей у меня стрѣляли на лужайкѣ, скотъ мой разъ арестовали, а теперъ вотъ тебѣ и на!.. Оборвались бестн на десятидесятиномъ мужикѣ со своими честолюбивыми замыслами. За это одно Сливаеъ вы заслуживаете милости Божіей и дружбы людской. Что-же покойница?

— Лежить въ конюшнѣ.

— Пусть съ Богомъ поживаетъ, прежде чѣмъ мы похоронимъ ее въ освященномъ мѣстѣ. Она не разъ бунтовала васъ противъ меня, по я ни на кого не претендую. А тутъ, — измѣнилъ Грибъ тѣму разговора, — я привезъ вамъ изъ деревни отъ насъ всѣхъ, немного провизіи, — говорилъ онъ, указывая на одинъ мѣшечекъ, — муки, гороху, солонины...

На дорогѣ, на этотъ разъ, съ горы раздался топотъ и скрипъ саней, которыя опять остановились у изгороди.

— Неужели-же, батюшка? — спросилъ Грибъ, прислушиваясь.

— Нѣтъ, это мужикъ, — отвѣтилъ Сликакъ. — А шагаетъ такъ тяжело, точно сотскій Гроховскій.

Дѣйствительно показался Гроховскій, который при видѣ Гриба воскликнулъ:

— О!.. и вы тутъ? потому я къ вамъ ѣхалъ... А съ тобою что, Юзекъ? — обратился онъ къ Сликаку.

— Жена у меня умерла, вотъ и все.

— Толковалъ мнѣ это самое Юйпа вчера, но я ему не повѣрилъ. Поглядите-ка!.. И гдѣ-жъ она? А тутъ...

Увидѣвъ покойницу, сотскій снялъ шапку и преклонилъ колѣни на снѣгу. Грибъ сдѣлалъ тоже самое. Долгое время слышенъ былъ шепотъ молитвъ и тихое рыданье Сликака. Потомъ мужики поднялись, повздыхали, похвалили добродѣтели покойницы, наконецъ сотскій обратился въ Грибу.

— Итицу вамъ везу, — сказалъ онъ, — только чуточку подстрѣленную, но не очень.

— Ге?.. спросилъ Грибъ.

— Что-же?.. Яска вашего привезт, потому что онъ у меня сегодня ночью лошадей кралъ и ему пара дробинокъ досталась.

— О, живодеръ!.. Гдѣ онъ?..

— Сидитъ въ санкахъ на дорогѣ.

Грибъ побѣжалъ тяжелой рысцей въ ту сторону. Послышалось удара два, крикъ и вскорѣ появился старикъ, таща за хохоль Яська, который, не смотря на свой ростъ и красоту, плакалъ, какъ ребенокъ.

Его вышитая куртка была разорвана, высокіе сапоги, запачканы навозомъ; на лѣвой рукѣ у него была окровавленная тряпка, а на лицѣ пластырь.

— Ты крадь у сотскаго лошадей? — спрашивалъ разсерженный старикъ.

— Чего миѣ было не красть? крадь.

— Но ему не удалось, — вставилъ Гроховскій. За то онъ укралъ лошадей у Сликама и ему удалось.

— Ты укралъ? взвизгнулъ Грибъ и сталъ подбивать сына кулаками.

— Знаю дѣло, что я, только не гнѣвайтесь, тятенька, — плакалъ Ясекъ.

— Господи Боже мой, что только дѣлается! — кричалъ Грибъ.

— Что дѣлается, — презрительно отвѣтилъ Гроховскій. — Царень здоровый, подобралъ себѣ товарищей и поочередно всѣхъ обкрадывалъ, пока я его вчера не подстрѣлилъ.

— И что-же теперь будетъ? — воскликнулъ Грибъ, опять угощая Яська кулаками.

— Ужь я, тятенька, исправлюсь... Ужь я жепюсъ на Ожеханкѣ и за хозяйство примусь...

— Самая пора! Теперь пора отправляться въ тюрьму, а не на свадьбу, — отвѣтилъ Гроховскій.

Старый Грибъ задумался.

— Какже, вы на него пожалуетесь? — спросилъ онъ сотскаго.

— Я предпочель-бы не жаловаться, потому что такое дѣло всѣхъ на ноги подниметь. Но если не вознаградите, то пожалуюсь. Грибъ опять подумалъ.

— Ну, а что-жь-бы это стоило?

— Меньше полтораста рублей гроша не возьму, — отвѣтилъ сотскій, разставивъ руки.

— Господи, помилуй! — окричился Ясекъ. — Вы выстрѣлили въ меня изъ одного дула, а хотите столько денегъ, какъ за пушку.

— Когда такъ,—вставилъ Грибъ,—то ступай въ тюрьму, потому что я за живодера полутора ста рублей не заплачу.

— Мнѣ полтора ста рублей за секретъ,—сказалъ Гроховскій, а Слимаку восемьдесятъ рублей за украденныхъ лошадей.

Грибъ опять сталъ колотить парня.

— Разбойникъ ты! говори, кто тебя къ этому подговорилъ.

— Извѣстно, что Юзель... Оставьте,—голосилъ Ясекъ,—потому стыдно передъ чужими людьми, что вы только деретесь, да деретесь.

— А ты зачѣмъ Юзеля слушалъ?..

— Потому, что я ему долженъ сто рублей!..

— Христе Господи!—простоналъ Грибъ, дергая себя за волосы.

— Ну, вамъ нечего горевать,—проговорилъ Гроховскій. Всего вмѣстѣ наберется триста тридцать рублей для меня, для Слимака и для Юзеля. Это для васъ небольшая сумма.

— Нѣтъ, я столько не заплачу!—кричалъ Грибъ.

— Я вѣдь-же самъ заплачу, какъ женюсь на Ожехочанѣ,—отвѣтилъ Ясекъ.

— Чорта съ два, заплатишь!... Не дожидаться твоей платы!—плакался старикъ.

— Га! когда такъ,—сказалъ разсерженный сотскій,—то пойдемъ, Ясекъ, въ судъ. Ты насъ обкрадывалъ не на шутку и я съ тобой не буду шутить. Собирайся.

И онъ схватилъ громаднаго парня подъ руку.

— Тятенька, смилуйтесь!.. вѣдь я же у васъ одинъ,—плакался Ясекъ.

Старый Грибъ поочередно поглядывалъ то на сына и Гроховскаго, то на Слимака.

— А какъ-же вы, тятенька, скупы!.. изъ такихъ пустяшныхъ денегъ губите меня на всю жизнь!—говорилъ Ясекъ.

— Видишь, какимъ ты соловьемъ запылъ,—издѣвался сотскій. Помнишь, какъ ты у канцеляріи затягивался сигарой и издѣвался, что меня обкрадутъ?.. Я же говорилъ, что не обкрадутъ, и вышло по моему, а ты теперь плачешь, какъ баба. Издѣвайся-же!.. Ну, ступай... Увидимъ, не догонитъ-ли насъ отецъ на дорогѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ!.. проговорилъ Грибъ, видя, что сотскій въ самомъ дѣлѣ тащитъ парня къ санкамъ.

Уходящіе остановились. Грибъ кивнулъ Слимаку и оба отошли въ сарай.

— Я вамъ дамъ одинъ совѣтъ, кумъ,—началь Грибъ, понизивъ голосъ. Если вы хотите, чтобы мы жили въ дружбѣ, какъ сосѣди, то сдѣлайте, знаете-ли что?

— Развѣ-жь я знаю. Откуда-жь мнѣ знать.

— Женитесь на моей сестрѣ.

— На Горендиной? спросилъ Слимакъ.

— Да. Вы вдовець и она вдова; у васъ десять десятинъ. а у нея пятнадцать, и она бездѣтна, я возьму ея землю, потому что она граничитъ съ моей, а вамъ я отдамъ пятнадцать десятинъ изъ Гамера и у васъ будетъ двадцать пять десятинъ въ одномъ влочкѣ.

Слимакъ задумался.

— Когда мнѣ кажется,—сказаль онъ, что та земля, т. е. Горендиной, лучше гамеровской.

— Ну, такъ я вамъ отрѣжу больше лужайки. По рукамъ?.. настаиваль Грибъ.

— Развѣ-жь я знаю,—отвѣтилъ Слимакъ, почесывая въ головѣ.

— Ну, такъ по рукамъ, подхватилъ Грибъ. Но вы за мою доброту должны заплатить полтора ста рублей Гроховскому и сто Юзелю.

Слимакъ заколебался.

— Еще я и своей жены не схоронилъ, а ужъ на другой жениться? вздохнулъ онъ.

Это колебанье взбѣсило старика.

— Не будь же дуракомъ! крикнулъ онъ. Развѣ же ты обойдешься безъ бабы при хозяйствѣ? Ты женишься не позже какъ черезъ полгода?.. Покойница умерла и капуть. Но если бы она могла откликнуться теперь, то она сама бы тебѣ сказала: женись, Юзекъ, и не ворочай носа отъ такого благодѣтеля, какъ Грибъ.

— Чего вы ссоритесь? спросилъ Гроховскій, подходя къ нимъ.

— Я ему толкую, чтобы онъ женился на моей сестрѣ Горендиной, а онъ мнѣ противорѣчить, отвѣтилъ Грибъ.

— Ва! но вы хотите, чтобы я изъ собственного кармана уплатилъ Гроховскому и Юзелю, отвѣтилъ Слимакъ.

— А пятнадцать десятинъ земли, а четыре коровы, и пара лошадей и все домашнее хозяйство, это что? взъеронился Грибъ.

— Ну, извѣстное дѣло стоитъ,—вставилъ Гроховскій. Только какъ же онъ будетъ хозяйничать на двухъ земляхъ?

— Я ихъ обмѣняю, подхватилъ Грибъ. Сестрины земли возьму себѣ, а имъ дамъ пятнадцать десятинъ тутъ.

— Да вѣдь это же Гамеровскія,—сказаль Гроховскій.

— Какія тамъ Гамеровскія!—воскликнулъ Грибъ. Сегодня

мнѣ продадутъ, а самое позднее послѣ воскресенья мы заѣдемъ къ писарю и я куплю у Гамеровъ весь хуторъ. Для этого живодера, — прибавилъ онъ, указывая головой на Яська.

— Такъ они уже удираютъ отсюда? спросилъ Гроховскій.

— И-и-и... они сидѣли-бы тутъ до конца свѣта, — отвѣтилъ Грибъ, но, такъ какъ Слимакъ не уступилъ своихъ чемель, то у нихъ всѣ расчеты перепутались. Это банероты.

Гроховскій размышлялъ.

— Ну, такъ женись, Юзекъ, нечего дѣлать, — сказалъ онъ вдругъ Слимаку. У тебя будетъ двадцать пять десятинъ и жона ничего себѣ.

— Фью!.. баба полновѣсная, — прибавилъ Грибъ.

— И деньжонки есть, сказалъ Гроховскій.

— И еще можетъ имѣть шестеро дѣтей, подхватилъ Грибъ.

— Ты будешь баринъ во всѣхъ статьяхъ, — закончилъ Гроховскій.

Слимакъ вздохнулъ.

— Ахъ! отвѣтилъ онъ. Мнѣ пуще всего жаль, что моя Ягна этого не увидитъ...

— Да вѣдь если бы она видѣла, то у тебя не было двадцати пяти десятинъ, увѣщевалъ его Гроховскій.

— Ну, по рукамъ, что-ли! спросилъ Грибъ.

— Воля Божья! вздохнулъ Слимакъ.

— Жаль, что не чѣмъ пропить, замѣтилъ Гроховскій.

— Есть у меня тутъ чуточку меда отъ благодѣтеля, — сказала Слимакъ и медленнымъ шагомъ, свѣсивъ голову, пошелъ въ конюшню. Вскорѣ онъ принесъ бутылку и зеленую рюмку и, чашивъ ее, обратился къ Грибу:

— Ну, кумъ, — говорилъ онъ, кладясь, — ну, кумъ, я пью за ваше здоровье, чтобы намъ ужъ съ этой поры не ссориться. Прошу васъ также, какъ брата, пѣть, скорѣе какъ отца, чтобы вы за меня вашей сестрѣ объяснили, что мнѣ хотѣлось-бы на ней жениться съ вашимъ позволеніемъ и благословеніемъ Божиимъ.

Онъ склонился Грибу до колѣнъ и подалъ ему полную рюмку. — А я тебѣ говорю, братъ Слимакъ, — началъ Грибъ, — что моя любезная сестра, уже вчера, какъ у насъ былъ благодѣтель, мѣшечекъ крупъ, пшеничную булку и кружокъ меда и говорила мнѣ, чтобы ты жилъ у нея, пока не отстроишь собственной избы. И тоже тебѣ отъ сердца радъ, какъ родному брату, потому что ты одинъ изъ всей деревни воспротивился нехристамъ нѣмамъ и не мало пострадалъ въ войнѣ съ ними, за что тебѣ вознагради Воже! и онъ вынулъ и подалъ рюмку Гроховскому.

— Я очень доволенъ, — сказалъ сѣтскій, когда ему чашивъ

Поверніть книгу не пізніше зазначеного терміну.

Книга Святишніцька - 2006

24.11

312

60.00

20.00

2.00

